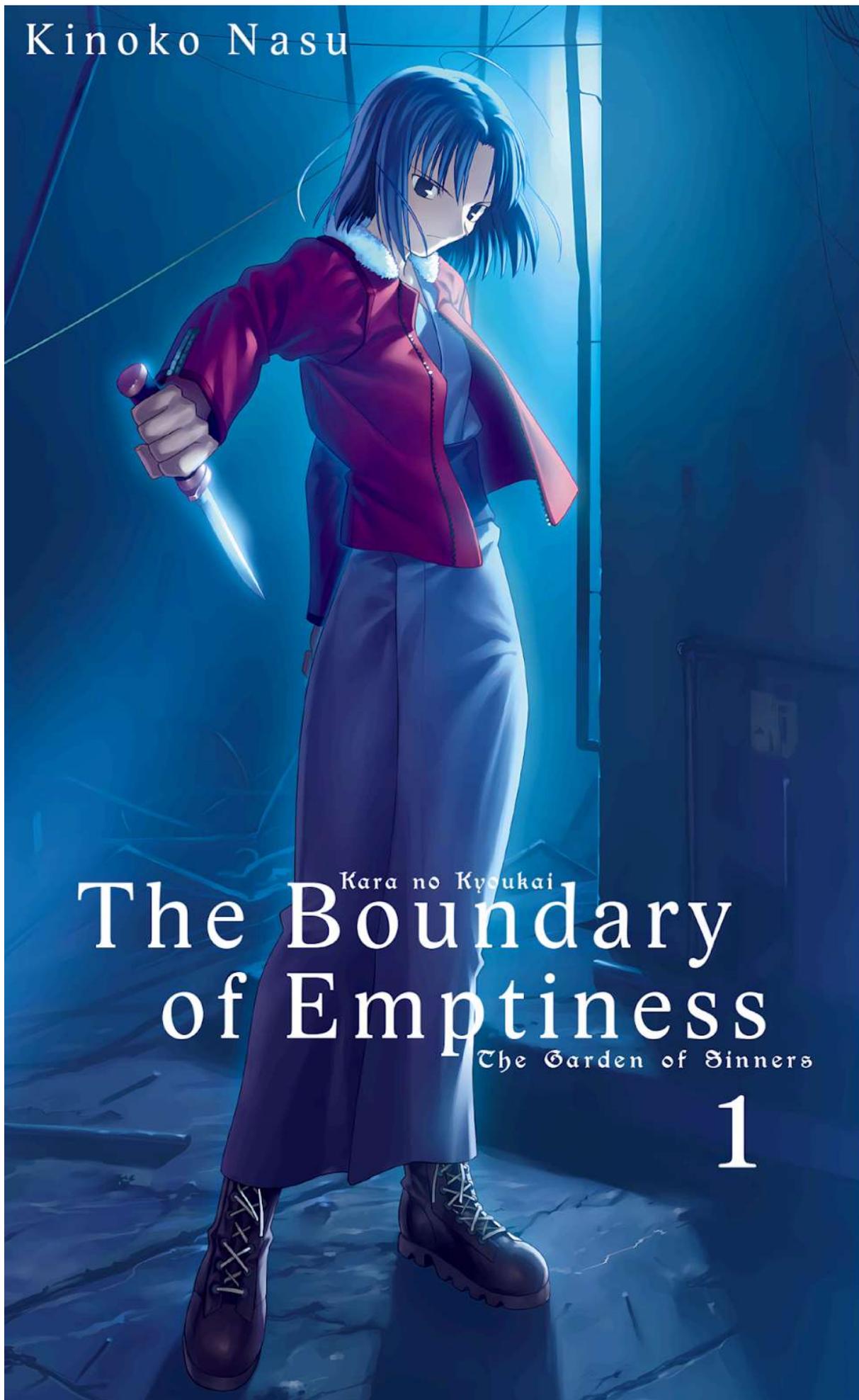

Kinoko Nasu

Kara no Kyōkai
The Boundary
of Emptiness
The Garden of Sinners

1

**The
Boundary
of Emptiness**
Kara no Kyoukai
空の境界
the Garden of sinners

1

1 / Overlooking View	Kirie Fujou
2 / Murder Speculation (Part 1)	Ryougi Shiki
3 / Remaining Sense of Pain	Asagami Fujino
4 / The Hollow Shrine	“ ”
Intermission / Intermission	
5 / Paradox Spiral .Upper	Enjou Tomoe

*1/Thanatos,
2/.....and nothing heart.
3/ever cry, never life.
4/garan-no-dou,
5/Paradox Paradigm.*

.....is nothing id,nothing cosmos

Kinoko Nasu

Cover Design/veia Illustration/Takashi Takeuchi (TYPE-MOON)
Translation/Baka-Tsuki Editing & Formatting/ProtoformX (PeriExe)
Typesetting/Shido Itsuka, ProtoformX (PeriExe)

Содержание

Содержание.....	3
1 / Вид с Высоты (Танатос).....	4
/ 1.....	6
/ 2.....	11
/ 3.....	27
/ 4.....	32
/ Вид с Высоты /	39
Эпилог.....	41
2 / Познание Убийства - Часть 1 (...и сердца пустоты).....	42
/ 1.....	44
/ 2.....	46
/ 3.....	51
Познание Убийства (Часть 1).....	53
/ 1.....	53
/ 2.....	56
/ 3.....	61
/ 4.....	66
/ 5.....	69
Познание Убийства (Часть 1) - Конец.....	71
/ 4.....	72
/ 5.....	78
Граница Пустоты / Начало.....	80
3 / Остаточная боль (есть слезы, нет жизни).....	82
/ 0.....	84
/ 1.....	87
Остаточная боль - 1.....	90
Остаточная боль - 2.....	94
/ 2.....	100
/ 3.....	107
Остаточная боль - 3.....	114
Остаточная боль - 4.....	119
/ 4.....	127
/ 5.....	132
Остаточная боль - 5.....	140
Остаточная боль - 6.....	146
Остаточная боль / Конец.....	149

1 / Вид с Высоты (Танатос)

Решение идти домой через главную улицу было спонтанным, что для меня большая редкость.

Пока я вяло шагаю через застраиваемую улицу, вид которой меня уже начинает утомлять, кто-то упал.

Хлюпающий, ни на что не похожий звук.

Очевидно, человек погиб, упав с высоты.

Тротуар залило красным.

Различить можно лишь тёмные, даже чёрные волосы и белые тонкие хрупкие руки и ноги.

А ещё это невыразительное разбитое лицо.

В целом похоже на сплюснутый цветок, заложенный между страниц старой книги.

Наверное, потому, что этот труп, у которого лишь шея была подогнута, словно у эмбриона, показался мне сломанной лилией

/Вид с Высоты

1/ Overlooking View
Thanatos.

/ 1

Была ночь в начале августа, Микия пришёл, не предупредив заранее.

- Добрый вечер. Выглядишь, как всегда, сонной, Сики.

Неожиданный визитёр стоял у двери и, улыбаясь, произносил скучные слова.

- Знаешь, я по дороге сюда видел несчастный случай. Девушка бросилась с крыши здания - самоубийство. Я хоть и слышал, что они в последнее время часто происходят, никогда не думал, что увижу такое своими глазами. Вот, холодильник.

Он бросил мне пластиковый пакет из магазина, а сам стал разуваться у двери. В пакете два клубничных Хааген-Даз [мороженое - прим. пер.]. Наверное, он хотел сказать, что надо положить их в холодильник, пока не растаяли.

Пока я медленно изучала содержимое пакета, Микия закончил разуваться и перешагнул порог.

Мой дом – комната в многоквартирном доме. Пройдя по коридору меньше метра длиной, попадаешь в комнату, которая является для меня и спальней, и гостиной. Глядя в спину Микии, быстрым шагом прошедшего в комнату, я последовала за ним.

- Сики. Сегодня опять школу прогуляла, да? Мне нет дела до твоих оценок, но тебя не аттестуют, если ты даже минимальное количество посещений не наберешь. Забыла, что мы договорились вместе пойти в колледж?

- Кто дал тебе право распоряжаться моей учёбой? Не припомню, что бы мы договаривались, да и вообще, ты колледж уже бросил.

- ... Нуу, если говорить о правах, - глубокомысленно произнёс Микия, усаживаясь. - Никаких прав ни у кого нет, но...

Если его заставить оправдываться, он выскажет то, что чувствует... - это я вспомнила лишь недавно.

Микия сидел посреди комнаты. Я села и откинулась на кровать позади него. Микия продолжал сидеть спиной ко мне. Я бездумно смотрела на его спину, немного узковатую для парня.

Этот молодой человек по имени Микия Кокуто, похоже, мой друг со школы.

Среди современных молодых людей, стремящихся уследить за мгновенно меняющейся модой, он относился к исчезающему виду «правильных учеников».

Он не красит и не отращивает волосы. Не делает загар и не носит «украшений». У него нет мобильного, он не относится к девушкам как к «развлечению». Ростом он около ста

семидесяти сантиметров. Его доброе лицо можно считать весьма симпатичным, что ещё больше подчеркивают большие очки в черной оправе.

Даже окончив школу, одевается он неброско. Однако если его приодеть, для некоторых он будет достаточно привлекателен.

- Сики, ты меня слушаешь? Я и с матерью твоей виделся. Почему бы тебе не появиться в доме Рёги хоть раз? Я слышал, ты даже не выходила с ними на связь, с тех пор как вышла из больницы два месяца назад.

- Нет. Тем более без необходимости.

- Но ведь даже без необходимости ты должна радоваться возможности побыть с ними, всё-таки это твоя семья.

- ... Не знаю. Ничего не могу с собой поделать, я этого не чувствую. Даже если мы и встретимся, то лишь ещё более отдалимся друг от друга. Мне и с тобой-то разговаривать до сих пор странно, а уж с этими незнакомыми людьми я поддержать разговор точно не смогу.

- Ну знаешь, если будешь продолжать в том же духе, ничего и не уладится. Так будет всю жизнь, если ты им не откроешься. Это неправильно, что родители и дети живут так близко и не встречаются.

Я нахмурилась, услышав упрёк в его словах.

Он сказал «неправильно», но что именно тут неправильного? Между мной и моими родителями не происходит ничего противозаконного. Просто их дочь попала под машину и потеряла память. Мы по-прежнему семья по закону и по крови, и я не вижу в этом ничего плохого.

... Микия всегда беспокоится о чувствах других. Хотя, по-моему, это просто бессмысленно...

Сики Рёги была моей подругой со школы.

Наша школа была известной частной школой, в которой училось множество учеников, позднее поступивших в хороший колледж.

Когда я стал смотреть, попал я в школу или нет, имя Сики Рёги бросилось в глаза и засело в голове. К тому же мы оказались в одном классе. С тех пор я стал одним из немногих друзей Сики.

У нашей школы не было формы, и каждый выражал себя в одежде. Среди них Сики выделялась.

... Потому что Сики всегда и везде ходит в кимоно.

Его текучая форма так хорошо сидела на покатых плечах Сики, что одно её присутствие превращало класс в дом самурая. И дело не только во внешнем виде. Никаких лишних движений. Никакой болтовни сверх того, что необходимо на уроке. Думаю, одно это показывает, каким человеком была Сики.

Фигура Сики была просто идеальной.

Волосы, прекрасные, как шёлк, срезаны ножницами, словно они ей мешают, и так и оставлены. Прическа получилась настолько короткой, что закрывала лишь её уши, и так ей шла, что многие путали пол Сики. Сики настолько привлекательна, что парни видят в ней девушку, а девушки принимают за парня. В ней больше благородства, чем просто красоты.

Но глаза Сики заворожили меня гораздо больше, чем ее внешность. Их пронзительный и в то же время спокойный взгляд из-под тонких бровей. Этими глазами она смотрела на то, чего мы увидеть не могли, и именно поэтому девушка по имени Сики Реги стала для меня особенной.

Да.

А потом с Сики случилось это...

- Падение.

- Э... Прости, я не расслышал.

- Самоубийство падением. Это можно считать несчастным случаем, Микия?

Микия забыл, о чем только что бубнил, и начал всерьез размышлять над моим вопросом.

- Хмммм, уверен, что это несчастный случай... Но ты права. Непонятно. Это самоубийство, и человек погиб. Но раз это произошло по её воле, виновата лишь она сама. Однако падение с высоты считается несчастным случаем...

- Получается, что это и не убийство, и не случайная смерть. С такой точки зрения выглядит весьма двусмысленно. Выбирали бы способ, над которым люди голову ломать не будут, раз уж хотят покончить с собой.

- Сики, нельзя плохо говорить об умерших.

Он не сердился, говорил спокойным голосом. Слова Микии предсказуемы до тошноты.

- Кокуто, я терпеть не могу, когда ты такой правильный.

Естественно, мой ответ получился немного резким. Но Микия, похоже, ничуть не обиделся.

- Ух ты, ты меня давно уже так не называла.

- Правда?

Его можно звать Кокуто, а можно Микия. Мне не нравилось, как звучало "Кокуто"... сама точно не знаю почему.

Микия ударил себя по ладони, словно вспомнил что-то, и прервал недолгое молчание, воцарившееся на время моих размышлений:

- Да, кстати о высоте! Моя сестра, Адзака, видела это.

- ... Видела что?

- Её. Ту девушку у Здания Фудзё, которая, как говорят, летает в воздухе. Ты тоже говорила, что как-то её видела.

Да, теперь вспомнила. Эта история с призраком началась около трёх недель назад. В деловом районе есть дорогой высотный дом под названием «Здание Фудзё». По ночам над зданием видна парящая человеческая фигура. Возможно, тот факт, что её видела не только я, но и Адзака, говорит о её реальности.

Попав под машину, я провела два года в коме, и теперь способна видеть то, чего «быть не должно». Как говорит Токо, я это не вижу, а скорее «наблюдаю». Иными словами, у моих глаз и у моего разума словно повышенный уровень восприятия, но мне нет дела до всех этих объяснений.

- Я её над Зданием Фудзё видела неоднократно. Впрочем, я там давно не была, так что не знаю, осталась ли она там.

- Понятно. Я там часто хожу, но ни разу её не видел.

- Ты не сможешь её увидеть, потому что очки носишь.

- По-моему, очки не причём, - нахмурился Микия.

Его реакция так проста и невинна. Наверное, поэтому ему сложнее увидеть подобные вещи.

Тем не менее скучные происшествия вроде падений и полётов людей продолжались. Я не понимала заложенного в них смысла, поэтому спросила вслух:

- Микия, ты не знаешь, зачем люди летают?

Микия пожал плечами.

- Не знаю, зачем они летают, и не знаю, зачем падают, потому как мне ни разу не доводилось делать ни того ни другого.

Простая констатация факта, коротко и по делу.

/ 2

Была ночь в конце августа, я решила пройтись.

Несмотря на то, что лето ещё не кончилось, было немного прохладно. Последний поезд уже ушёл, и город затих. Город словно мертвец – холодный, безмолвный, старый. Даже прохожие кажутся безжизненными, искусственными, словно фотографии. Это похоже на неизлечимую болезнь.

... Болезнь, зараза, раздражение.

Всё вокруг - и тёмные дома, и освещённый магазин... - словно готово рассыпаться в любой момент.

Всё это освещает сияющая в ночи луна.

В мире, где всё вокруг лишено жизни, луна, кажущаяся единственным живым существом, режет глаза.

... Вот откуда берётся раздражение.

Выходя из дома, я надела чёрную кожаную куртку поверх моего голубого кимоно.

Кимоно, придавленное курткой, жжёт моё тело.

Но мне все равно не жарко... нет, скорее...

Мне вообще никогда не было холодно.

Людей можно встретить даже во время полуночной прогулки.

Мужчина торопливо шагает по улице, глядя под ноги.

Молодой человек застыл в размышлениях перед автоматом с напитками.

Множество людей стоит перед круглосуточным магазином.

Я пыталась понять причины их присутствия, но так и не поняла - я ведь посторонний человек.

И если на то пошло, мои собственные ночные прогулки лишены смысла.

Я лишь повторяю то, что делала раньше.

... Два года назад.

Я, Сики Рёги, должна была перейти во второй старший класс, когда попала под машину. Меня отвезли прямо в больницу.

Говорят, тело серьёзных травм не получило, но основная часть повреждений пришлась на голову.

С тех пор я была в коме.

Возможно, из-за того, что тело было невредимым, в больнице во мне поддерживали жизнь, и моё бесполезное тело пыталось продолжать существование.

И вот, два месяца назад, Сики Рёги наконец вышла из комы.

Врачи, кажется, были в шоке – словно труп вернулся к жизни. Ну что же, это показывает, насколько ожидаемым для них было моё выздоровление.

Я и сама была в шоке, но по другой причине.

Память обо всей моей предшествующей жизни была в странном состоянии.

Проще говоря, я не могу «прочувствовать» свои воспоминания.

Это не является расстройством памяти, более известным как амнезия.

По словам Токо, память состоит из четырёх управляемых мозгом систем: запись, сохранение, воспроизведение и распознавание.

«Запись» получает то, что ты видишь, и записывает эту информацию в мозг.

«Сохранение» обеспечивает долгосрочное хранение этой информации.

«Воспроизведение» позволяет вызвать сохранённую информацию. Иными словами, вспомнить.

«Распознавание» подтверждает, что вызванная информация соответствует реально произошедшему событию.

Тот, кто не способен выполнять хоть один из этих процессов, страдает расстройством памяти. Разумеется, вид расстройства зависит от того, какая именно система неисправна.

Но в моём случае все эти функции работают правильно. Я не ощущаю себя владельцем своих предыдущих воспоминаний, но функция «распознавание» работает правильно, так как я способна осознать соответствие между воспоминанием и своим прошлым.

Но тем не менее я не могу понять своё прежнее «я». Не могу почувствовать себя той, кем была когда-то.

Хоть у меня и есть воспоминания Сики Рёги, я лишь могу воспринимать их как чужие. Несмотря на то, что я, вне всякого сомнения, и есть Сики Рёги.

Два годы пустоты превратили Сики Рёги в ничто.

Из-за них то, что было внутри меня, рассыпалось в прах, что бы там ни казалось окружающим. Моя память и личность, которая должна была быть моей... связь была полностью разрушена.

В таких обстоятельствах моя память превратилась в простую картинку.

Но благодаря этой картинке я могу вести себя как обычно. Могу общаться со знакомыми и родителями под видом Сики Рёги, которую знали они, никак не затрагивая своих настоящих чувств.

Если честно, мне это настолько неприятно, что я с трудом это выношу.

... Я не живу - я всего лишь мимикрирую.

Словно новорожденная. Ничего не знаю и ничего не испытала. Но память прошедших восемнадцати лет сделала из меня полноценного человека.

Эмоции, которые люди обычно познают, испытав множество событий, уже заложены в моей памяти. Но на самом деле я их не испытывала. А даже если и захочу испытать, я их уже знаю. Ни удивления, ни ощущения жизни. Нельзя удивиться фокусу, секрет которого уже знаешь.

И вот я просто продолжаю вести себя как раньше, не чувствуя себя живой.

Причина проста.

Потому что таким образом я, возможно, смогу вернуть своё прежнее «я».

Потому что если я буду это делать, возможно, пойму, зачем хожу на эти ночные прогулки.

... Да, вот так.

Можно сказать, что я влюблена в своё прежнее «я».

Оглядевшись, я обнаружила, что прошла длинный путь и нахожусь в деловом районе.

Здания одинаковой высоты аккуратно выстроились вдоль дороги. Поверхности зданий покрыты стеклянными окнами, отражающими лунный свет.

Здания, превратившись в большие зеркала, лениво отражают силуэты друг друга в темноте.

Ночь сегодня тихая.

Группа зданий у главной улицы похожа на мир теней, в котором рыщут чудовища.

В глубине - силуэт, возвышающийся над остальными. Здание, похожее на двадцатипятиэтажную лестницу, выглядит, как тянущаяся к луне башня.

Имя этой башне – Фудзё.

В доме под названием Здание Фудзё свет не горит. Все обитатели, наверное, спят. Вероятно потому, что уже почти два часа ночи.

В этот момент какая-то незаметная тень привлекла моё внимание.

Женская фигура парила у меня на глазах. Девушка висела в воздухе не в переносном, а в буквальном смысле.

Ветра не было.

Воздух слишком холоден, что ненормально для летней погоды. Шейные позвонки хрустнули от холода.

Это, конечно, лишь плод моего воображения.

- Понятно. Значит, ты и сегодня здесь.

Мне не нравится то, что я вижу, но с этим ничего не поделаешь.

Итак, девушка, о которой мы говорили, летала, словно лёжа на луне.

---В видении была суетливо летящая стрекоза.

За мной увязалась бабочка, но я не стал замедляться. В итоге бабочка не смогла угнаться и упала, исчезая из моего поля зрения.

Она падала по дуге.

В падении она двигалась, как змея, а выглядела, как сломанная лилия.

Это была очень грустная картина.

Пусть мы и не могли лететь вместе, но надо было хотя бы побыть с ней рядом ещё немного.

Но это невозможно. Потому что, пока мои ноги не стоят на земле, не в моих силах остановиться и зависнуть.

Я услышал, как кто-то разговаривает, и решил встать.

...Веки показались мне довольно тяжёлыми – доказательство, что мне нужна ещё пара часов сна.

Пока я размышлял о глупости попыток проснуться в таком состоянии, моя сила воли одолела сонливость.

...Честное слово, мне самому не нравится быть таким правильным.

Кажется, я закончил чертёж, проработав над ним всю ночь, и пошёл спать в кабинет Токо-сан.

Поднявшись с дивана, я обнаружил, что действительно нахожусь в офисе. Сики и Токо-сан, по-видимому, о чём-то разговаривали, освещаемые летним солнцем. Сики стояла, прислонившись к стене, а Токо-сан сидела на стуле, положив ногу на ногу.

- С добрым утром, Кокуто.

Токо-сан посмотрела на меня так, словно хотела пронзить взглядом. Это для неё нормально. Я увидел, что она без очков, и сделал вывод, что она разговаривала с Сики об «этих» делах.

Что касается нормальности, одета она была тоже как обычно.

Токо-сан, с короткими, не закрывающими шею волосами, похожа на секретаршу. Но готов поспорить, с её пугающим взглядом такая должность ей не светит.

Тонкие чёрные брюки и белая, похоже, новая рубашка ей идут.

- Простите, я, кажется, заснул, - попытался оправдаться я.

- Не объясняй очевидное. Сама вижу, - перебила она, поднося сигарету ко рту. – Раз проснулся, сделай что-нибудь попить. Это будет хорошей реабилитацией.

Полагаю, она подразумевала реабилитацию в моральном плане.

Не знаю, к чему она это сказала, но поскольку Токо-сан такая всегда, я решил вопросов не задавать.

- Будешь что-нибудь, Сики?

- Не надо. Я скоро спать пойду, - сказала Сики, и впрямь выглядевшая невыспавшейся.

Наверное, прошлой ночью ходила на прогулку после моего ухода.

По соседству с кабинетом Токо-сан находится помещение, похожее на кухню.

В раковине три крана стоят в ряд – возможно, раньше здесь была лаборатория или нечто подобное. Два из них обмотаны металлической проволокой и не используются. Причина мне неизвестна; при ближайшем рассмотрении появляется чувство боксёра, пытающегося сбросить вес – ему не очень рады, потому что он становится агрессивен.

Итак, я включил кофеварку, чтобы сделать нам двоим кофе. Мои действия отлично отработаны. Я уже стал мастером по варке кофе. Не то что бы моя работа здесь заключалась в приготовлении чая и кофе...

Прошло полгода с тех пор, как я стал здесь сотрудником.

Нет, слово «сотрудник» не подходит, поскольку это место даже не является полноценным местом работы.

Но я был готов к этому, и всё равно пришёл сюда, вероятно, потому что влюбился в её работу.

Когда время семнадцатилетней Сики остановилось, я окончил школу и поступил в колледж, не имея перед собой никакой цели.

Мы с Сики обещали друг другу поступить в этот колледж.

Даже если надежда на выздоровление Сики была мала, я всё равно хотел сдержать это обещание.

Но это мне ничего не дало. Став студентом колледжа, я просто «существовал», день за днём.

Во время своего бесцельного существования я ходил на выставку, на которую был приглашён, и там наткнулся на куклу.

Изящность, с которой была сделана эта кукла, казалась пределом человеческих возможностей. Это был словно застывший человек, и в тоже время было ясно, что это лишь неподвижный манекен в форме человека.

Но очень уж она была красива...

Человек, который в любую секунду зашевелится. Но кукла изначально лишена жизни. Состояние, которого могут достичь лишь наделённые жизнью, но не может достичь человек.

Я влюбился в эту двойственность.

Наверное, потому что само её существование тогда в точности отображало существование Сики.

Откуда кукла – неизвестно.

В брошюрке не упоминался даже сам факт её существования.

В отчаянии разыскивая источник, я узнал, что она была сделана безвозмездно, а вокруг создателя ходит множество слухов.

Создатель – по имени Токо Аодзаки – была, попросту говоря, отшельницей. Кажется, её настоящая работа – создание кукол, но проектировкой зданий она, по-видимому, тоже занимается.

Она способна сделать что угодно, но никогда не принимает заказов. Она сама идёт и показывает, что будет делать; получив оплату вперёд, приступает к работе.

Или она выдающийся виртуоз, или просто большая чудачка.

Моё любопытство всё возрастало, и, зная что этого делать не следует, я всё же выяснил адрес этой чудачки (теперь я могу назвать её так с полной уверенностью)...

Непонятный адрес указывал на место на краю города, не попавшее ни в жилой, ни в промышленный район.

Это был даже не дом.

Это было заброшенное здание.

И не просто заброшенное. Строительство было начато несколько лет назад, но прекратилось на середине, когда процветающая до того экономика начала разваливаться. По форме оно похоже на здание, но внутри пол и стены совершенно голые.

Оно планировалось как шестиэтажное, но над четвёртым этажом ничего нет. В наши дни более целесообразно начинать строительство с верхних этажей, но, полагаю, во времена постройки ещё пользовались старым методом. Поскольку строительство прекратилось на середине, полузаконченный пятый этаж стал своего рода крышей.

Несмотря на то, что здание окружено высоким бетонным забором, в него легко попасть. То, что какие-нибудь дети не превратили его в свою тайную базу, можно объяснить лишь чудом.

Так или иначе, похоже, что Токо Аодзаки купила это заброшенное здание.

Похожее на кухню помещение, в котором я сейчас нахожусь, расположено на четвёртом этаже. На втором и третьем этажах у Токо-сан что-то вроде мастерской, так что разговариваем мы обычно на четвёртом.

...Вернёмся к моей истории.

После этого я познакомился с Токо-сан и стал работать здесь, бросив колледж, в который только что поступил.

Трудно поверить, но мне тут платят.

Токо-сан говорит, что есть два типа людей, и у каждого - одна из двух способностей: умение создавать и умение искать, умение пользоваться и умение уничтожать.

Она прямо сказала мне, что я безнадежен в плане созидания, но всё равно наняла меня. Сказала, что у меня есть способность искать и всё такое.

- Ты чего так долго, Кокуто? – услышал я из соседней комнаты.

Я глянул на кофеварку и увидел, что она уже заполнилась чёрной жидкостью.

- Кажется, вместе со вчерашней получается восемь. Люди уже должны заметить совпадения, - внезапно сказала Токо-сан, потушив сигарету.

Должно быть, она говорит о недавней серии самоубийств школьников, бросавшихся с высотных домов.

Я так решил потому, что больше ей говорить было не о чем, ведь проблем вроде отключений воды этим летом не возникало.

- Что? Разве не шесть?

- Были ещё случаи, пока ты спал. Начались в июне, в среднем получается три в месяц. Возможно, в последующие три дня случится ещё одно.

Токо-сан сказала жуткую вещь. Взгляд на календарь показал, что через три дня закончится август... Через три дня?

Возникло ощущение, что что-то тут не так, но быстро исчезло.

- Я слышал, что все они никак не связаны. Говорят, что девушки, совершившие самоубийство, учились в разных школах и никак не были связаны друг с другом. Впрочем, возможно, полиция утаивает факты.

- Не веришь людям? Не похоже на тебя, - усмехнулась Токо-сан.

...Без очков она бывает крайне неприятной.

- Дело в том, что не показали ни одной предсмертной записки. Шесть, нет, восемь человек. При таком количестве хотя бы одна должна была оставить записку. А раз полиция ничего об этом не говорила, получается, что их утаивают.

- А я сказала бы, что это и есть связь. Или, скажем так, «точка соприкосновения». Из этих восьмерых более чем в половине случаев есть несколько очевидцев, подтверждающих, что девушки прыгнули сами, однако никаких проблем в их личной жизни обнаружено не было. Ничего похожего на употребление наркотиков или увлечение странной религией. В данном случае они явно были недовольны своей жизнью и из эгоизма покончили с собой. Вероятно, поэтому полицейские не особо заинтересованы в этом деле.

- Так вы говорите, что никакой записки и не было? – с сомнением спросил я.

Токо-сан кивнула, но заметила, что до конца не уверена.

Возможно ли такое?

Где-то здесь противоречие, подумал я, взяв кружку с кофе и глотнув горькой жидкости.

Почему нет записки? Раз нет записки, то и убивать себя обычно не нужно.

Записка – это связь с реальным миром. Когда человек, не любящий смерть, вынужден умереть, он оставляет записку, чтобы указать причину своей смерти.

Самоубийство без записки.

Раз им нет нужды писать записки, значит, им нечего оставить этому миру, они желают исчезнуть без следа. Такое самоубийство было бы идеальным. По-моему, идеальное самоубийство – такое, при котором не только не останется записки, но и сама смерть не будет обнаружена.

Но прыжок с крыши здания идеальным самоубийством не является. Способ смерти, привлекающий внимание людей, сам по себе как послание.

Тогда что?

Может, причина в другом... например, кто-нибудь украл их записки? Нет, тогда это не было бы самоубийством.

Тогда что?

В голову приходит лишь один логичный ответ.

Возможно, это просто несчастные случаи, какими они и выглядят.

У девушек вообще не было намерения умирать. Тогда не было бы и причины писать записку. Всё равно что стать жертвой несчастного случая, выйдя по делам.

Прямо как Сики сказала прошлой ночью...

...Но я не мог найти причину, которая заставила бы прыгнуть с крыши того, кто просто вышел по делам.

- На восьмом самоубийства закончились. Больше пока не будет, - вмешалась в разговор Сики, словно желая прервать метание моих мыслей.

Хотя Сики, кажется, эта тема неинтересна.

- Ты это знаешь? – вырвалось у меня.

Сики кивнула, глядя куда-то вдаль.

- Я была там и видела. В воздухе было восемь, - слова слетели с её изящных губ.

- А, так вот сколько их было у того здания. Ты с самого начала знала, сколько их там, Сики?

- Да, я её прикончила, но думаю, что эти девушки ещё будут там некоторое время, хоть мне это и не нравится. Скажи, Токо. Такое происходит со всеми людьми, получившими возможность немного полетать?

- Не знаю. Точно сказать нельзя, поскольку все люди разные, но в прошлом ни один из тех, кто пытался взлететь лишь силой человеческих рук, не преуспел. Слова «летать» и «падать» связаны. Но чем больше ты одержим полётом, тем больше ты забываешь об этом факте. В результате пытаешься достичь небес даже после смерти. Не падая на землю, но как бы падая в небо.

Сики нахмурилась, услышав ответ Токо-сан.

Сики злится... но на что?

- Простите, я немного потерял нить разговора.

- Мы говорим о призраке Здания Фудзё. Впрочем, я не могу сказать не глядя, реален он или это всего лишь видение. Я подумывала пойти взглянуть на досуге, но раз Сики его уже убила, проверить теперь никак нельзя.

...Ясно. Как я и думал, они разговаривали об «этих» делах.

Когда Сики и Токо-сан без очков разговаривают, речь обычно идёт о таких вот оккультных вещах.

- Ты ведь слышал, что Сики видела девушку, парящую у Здания Фудзё, так? На этом история не заканчивается – похоже, среди этих парящих девушек летала человеческая фигура. Мы решили, что, раз они не уходят от Здания Фудзё, это место является своего рода сетью.

История начала становиться слишком запутанной и странной, на мой вкус.

Словно почувствовав, что я запутался, Токо-сан подвела итог:

- Иными словами, у Здания Фудзё один парящий человек, а вокруг покончившие с собой девушки. Эти девушки, наверное, что-то вроде привидений. Вот, в общем-то, и всё.

Я кивнул.

Я понял историю, но она, кажется, уже закончилась.

Со слов Сики выходит, что с призрачным существом уже покончено.

Два месяца прошло с тех пор, как я свёл этих двоих. Теперь, когда дело доходит до подведения итогов подобных историй, я становлюсь их слушателем.

Являясь, в отличие от этих двоих, обычным человеком, я предпочёл бы держаться подальше от этих происшествий. С другой стороны, я считаю свою текущую нейтральную позицию идеальной, поскольку оставаться в стороне не в моем стиле.

Наверное, это и называется «видеть во всём хорошее».

Сики разозлилась ещё больше и стала сверлить меня взглядом.

Я её чем-то рассердил?

- Стоп, но ведь Сики видела там привидения в начале июля, так? Следовательно, тогда их было только четыре?

Я спросил очевидное, просто чтобы убедиться, но Сики говорит обратное:

- Восемь. С самого начала было восемь. Как я и говорила, больше восьми не будет. В данном случае всё произошло в обратном порядке.

- Значит, ты говоришь, что видела восемь привидений с самого начала? Как ясновидящая?

- Нет, конечно, я-то нормальная. Это атмосфера там ненормальная. Как бы сказать... странное ощущение. Словно холодная и горячая вода текут рядом.

Токо-сан стала пояснять непонятные слова Сики:

- Иными словами, время там устроено не так. Ведь оно может протекать по-разному. У всего есть свой период разложения. А отсюда следует, что человеческая личность и её память исчезают за разные периоды времени. Когда кто-то умирает, исчезает ли его память? Это не так, правда? Если есть наблюдатели – те, кто помнит – она не исчезает мгновенно, а постепенно угасает. Воспоминания, точнее «записи». Если поблизости окажутся наблюдатели, человек сохранится в их воспоминаниях и будет ходить по земле в виде «иллюзии» даже после смерти, как эти девушки. Это часть феномена, известного нам как «привидения». Единственные, кто видит эти проекции, – обладатели общих с этими привидениями воспоминаний, то есть их родители и друзья. Впрочем, Сики здесь исключение. Время, конечно же, воздействует на эти «записи», но похоже, что над этим зданием это происходит гораздо медленнее. Воспоминания девушек со времени их жизни ещё не пришли в соответствие с их истинным состоянием. В результате их воспоминания продолжают жить. В них можно увидеть действия и существование девушек, время которых течёт медленно.

Закончив, Токо-сан закурила ещё одну сигарету.

Итак, она говорит, что если кто-то умирает, он не исчезнет, пока я его помню. Таким образом, сам факт запоминания делает его живым. А раз он живой, его можно увидеть?

Тогда это как галлюцинация... Нет, Токо-сан использовала слово «иллюзия», вероятно, потому что галлюцинация нереальна по определению.

- Мне нет дела до всяких объяснений – от них опасности нет. Проблема в ней. Я уверена, что разделалась с той, но пока существует основное тело, придётся делать это снова и снова. Мне надоело быть телохранителем Микии.

- Я тоже так думаю. Я позабочусь о Кирие Фудзэ, а ты можешь просто отвести Кокуто домой. Он освободится примерно через пять часов. Если будешь спать, можешь прилечь вон там, на полу, - Токо-сан указала на участок немытого как минимум год пола, похожий на нечищеную печь.

Сики, разумеется, проигнорировала её.

- Так что же там всё-таки было? – спросила она, глядя на Токо-сан.

Маг с сигаретой во рту задумалась и подошла к окну.

Она стояла там и смотрела наружу.

В этом помещении нет освещения. Единственный свет идёт снаружи, поэтому трудно понять, утро сейчас или день.

Из-за контраста вид за окном кажется явно полуденным. Солнечный свет выглядит обжигающе ярким.

Токо-сан некоторое время рассматривала летний пейзаж.

- Для начала учти тот факт, что она летала.

Выпущенный ею дым растворяется в белизне солнечного света.

Я смотрел на её спину, пока она смотрела в окно... Она словно мираж в этой белизне.

- Скажи, Кокуто, с чем у тебя ассоциируется высота? – внезапный вопрос вернул меня к реальности.

Вообще-то я не был на высоте с детства, с тех пор как ходил на Токийскую Башню. Честно говоря, не помню, что я тогда об этом подумал. Помню лишь, что очень старался отыскать свой дом, но так и не смог.

- Может, с чем-то маленьким?

- Ответ вообще не в тему, Кокуто, - холодно заметила она.

Впрочем, мой ответ меня самого не очень устраивал. Я сосредоточился и решил придумать что-нибудь другое.

- Дайте подумать. Ассоциаций особых нет, но, по-моему, это красиво. Вид с большой высоты безграничен.

Токо-сан одобрительно кивнула, наверное, потому что этот ответ был более искренним.

- Открывающийся пейзаж великолепен: даже самый обыденный ландшафт становится прекрасен, - продолжила Токо-сан, всё ещё глядя в окно. – Но когда смотришь вниз, на мир, в котором живёшь, возникают и другие мысли. Вид с высоты вызывает лишь один импульс...

На слове «импульс» Токо-сан прервалась.

Импульс не исходит изнутри, как чувства, а скорее нападает извне, независимо от твоего желания.

То, что мы называем «импульсом», нападает, как убийца, без предупреждения.

Так что это за убийца, которого привлекает вид с высоты?

- Дело в «далеко». Слишком обширный вид ставит отчётливый барьер между тобой и миром. Люди чувствуют себя в безопасности лишь вблизи. Ведь даже если у тебя есть самая подробная карта и ты точно знаешь своё место на ней, это лишь информация, так? Для нас мир – лишь то, что мы можем ощутить. Разум подсознательно отделяет эти города и страны от реального мира, мы не можем ощутить их реальность, пока сами там не побываем. И на самом деле в осознании этого нет ничего плохого. Но если вид слишком обширный, происходит расхождение. Между десятиметровой площадкой вокруг тебя, которую по-настоящему ощущаешь, и десятикилометровой площадью внизу, на которую смотришь. И то и другое – мир, в котором ты живёшь, но первое кажется более реальным. Понимаешь? Уже в этом противоречие. В качестве мира, в котором живёшь, правильнее было бы осознавать больший, видимый тобою мир, а не маленькое пространство вокруг тебя. Но сколько бы ты ни пытался, почувствовать себя живущим в этом большом мире ты не сможешь. Причина в том, что более реальным всегда кажется то, что вокруг тебя. Разум, руководствующийся логикой, и опыт, руководствующийся ощущениями, схлестнутся друг с другом. Рано или поздно один из них проиграет, и это приведёт к замешательству. ...Город отсюда такой маленький. Даже представить не могу, что мой дом там, внизу. Разве у этого парка такая форма? Я и не знал, что там есть это. Это словно знакомый мне город. Я словно ушёл далеко-далеко... Вот такие мысли вызывает вид с высоты. Даже если ты по-прежнему находишься в городе, на который смотришь.

Высота находится вдалеке. Это действительно так, в смысле расстояния. Но Токо-сан, скорее всего, подразумевает психологический аспект.

Расстояние по горизонтали и расстояние по вертикали. Единственное различие между ними – возможность увидеть из одной точки другую.

- Так вы хотите сказать, что долго смотреть с высоты опасно?

- Иногда. В древние времена небо считалось другим миром. Полететь означало уйти в другой мир. Чужая воля поглотит тебя, если не защитишься с помощью технологии. Иными словами, ты сойдёшь с ума. Если же твоё сознание как следует защищено, воздействие будет не таким сильным. Если есть твёрдая опора под ногами, проблема исчезает. Вернувшись на землю, ты снова придёшь в норму.

...Кстати, я как-то раз смотрел на территорию школы с крыши, и мне вдруг стало интересно, что будет, если я спрыгну.

Не всерьёз, конечно же.

У меня не было намерения действительно это сделать, но откуда у меня вдруг возникла мысль, явно ведущая к смерти?

Токо-сан говорит, что все люди разные, но, по-моему, думать о падении, находясь на высоте, нормально для всех.

- Получается, что ты на время сходишь с ума?

Услышав мой вопрос, Токо-сан рассмеялась.

- Запретный плод сладок, Кокуто. У людей есть способность – воображать то, чего они сделать не могут, и получать от этого удовольствие. Однако... да, ты в чём-то прав. Важно то, что эта мысль приходит в определённом месте – и только в нём. Впрочем, на мой взгляд, это вполне очевидно. Что касается твоего случая, не думаю, что ты сошёл с ума – скорее оцепенел.

- Токо, ты слишком долго говоришь, - нетерпеливо перебила Сики. Действительно, мы, кажется, отклонились от темы.

- И вовсе не долго. Исходя из структуры дискуссии, мы добрались лишь до второй части.

- Я лишь хочу услышать итог. Ваши разговоры я слушать не хочу.

- Сики...

Она груба, но в чём-то, наверное, права.

- И потом, ты говоришь о проблемах вида с высоты, - недовольно продолжила Сики, не обращая на меня внимания. – Но что тогда обычный вид? Даже когда мы ходим, точка обзора находится над землёй.

Сики просто пыталась придраться, но я решил, что аргумент не лишён смысла.

Глаза человека определённо находятся на некоторой высоте над землёй. А это означает, что мы смотрим на мир немного сверху.

Токо-сан кивает, соглашаясь с Сики. Похоже, решила перейти сразу к заключительной части.

- Но ты исходишь из того, что земля плоская, а на самом деле она немного изогнута. И этот момент уже не позволяет называть нашу нормальную точку обзора приподнятой. Вид – это не то, что видят глаза, а картина, которую воспринимает разум. Воспринимаемый нами вид защищён здравым смыслом, поэтому мы никогда не чувствуем этой высоты и даже считаем это нормальным. Это не воспринимается как высота. Но, с другой стороны, вид сверху есть в жизни каждого. Я имею в виду вид не физический, а внутренний. Все люди разные, и чем мощнее разум, тем выше он попытается подняться. Но тем не менее никогда не покинет своего ящика. Люди предназначены для жизни в ящике, и выжить они могут только в ящике. Люди не способны смотреть на мир глазами богов. Однако когда внутренняя картина человека переходит определённую границу, он становится скорее чудовищем, чем богом. [Гипнос](#), то есть «иллюзия», превращается в [Танатоса](#) – истинную смерть.

Рассказывая всё это, Токо-сан и сама смотрит на мир сверху. Она взирает на мир под ногами, но её ноги прочно стоят на полу. Это почему-то кажется важным.

И тут я вспомнил свой сон.

В конце бабочка упала.

Возможно, её полёт был бы более плавным, если бы она не пыталась последовать за мной.

Да, если бы она махала крыльями, как при порхании, могла бы пролететь дальше.

Но бабочка уже познала полёт, и легкость порхания стала для неё невыносимой.

Поэтому она стала лететь, вместо того чтобы порхать.

Задумавшись обо всём этом, я спросил себя, откуда у меня такие поэтические мысли.

Токо-сан, стоя у окна, выбросила сигарету.

- Аномалия у Здания Фудзё, наверное, была миром, который видела она. Думаю, что разница температур, которую почувствовала Сики, была границей между миром снаружи и внутри ящика. Это разрыв, который может обнаружить лишь человеческий разум.

Токо-сан закончила говорить, и Сики наконец успокоилась, выдохнула и огляделась.

- Разрыв говоришь? Интересно, какая сторона была для неё теплой, а какая - холодной?

Её серьёзный тон контрастирует с её небрежными движениями.

Токо-сан тоже ведёт себя так, словно ей всё равно.

- Противоположно твоим, естественно, - отвечает она.

/ 3

-----Хрустнули шейные позвонки.

Этот вызывающий дрожь холод идёт снаружи или изнутри меня?

Отбросив мысли о том, чего нельзя проверить, Сики пошла дальше.

В Здании Фудзё нет признаков жизни.

Сейчас два часа ночи. Лишь белый свет освещает коридор дома. Свет заливает стены кремового цвета, позволяя мне видеть коридор до конца. Ворующий темноту свет кажется зловещим и неестественным.

Миновав турникет у входа, я захожу в лифт.

Он пуст. Для удобства пассажиров к задней стене лифта привинчено зеркало. Из зеркала на меня равнодушно смотрит девушка в чёрной кожаной куртке поверх голубого кимоно. В её взгляде полное безразличие ко всему.

Взглянув на фигуру в зеркале, Сики нажала кнопку «R». С тихим гудением мир вокруг Сики стал подниматься. Мотор доставит ящик на верхний этаж в считанные секунды.

А пока что это – закрытая комната. Что бы ни происходило во внешнем мире, Сики это сейчас не касается, отсюда невозможно почувствовать причастность к внешнему миру. Эта мысль просачивается в пустовавший до того разум. Этот маленький ящик – единственный мир, который она сейчас должна ощущать.

Дверь беззвучно открылась, обнаруживая совершенно другой мир - мир темноты.

Доставив Сики в надстройку, в которой нет ничего, кроме ведущей на крышу двери, лифт покинул её и стал опускаться обратно, к первому этажу. Света нет, кругом лишь давящая темнота.

Сики пересекла маленькое помещение и распахнула дверь, ведущую на крышу.

...Темнота превратилась в потёмки.

Очертания города заполняют моё поле зрения.

Крыша Здания Фудзё устроена просто. Ровный пол сделан из бетона, а по периметру крышу окружает сетка. Кроме одиноко стоящей на надстройке водонапорной башни, ничего особенного здесь нет.

Сама крыша устроена просто, но вид с неё открывается неземной.

Вид ночного города со здания, по меньшей мере на десять этажей возвышающегося над окружающими, вызывает скорее чувство одиночества, чем восхищение. Словно смотришь на мир с вершины высокой приставной лестницы. Тем не менее глубины открывающегося моря прекрасны. Разбросанные тут и там электрические огоньки, словно морские ангелы, испускают тёплое свечение.

Если то, что я вижу – весь мир, то мир сейчас действительно спит. Его сон как будто вечный, но на самом деле он, к счастью, лишь временный. Тишина сжимает моё сердце больше любого холода, и это весьма неприятно...

Холод ночного неба так же необычен, как и холод внизу. Если город – глубокое море, то небо – чистая тьма. Звёзды блестят во тьме, как драгоценные камни. Луна – пустота в этой тьме, огромная дыра в большом чёрном холсте под названием «ночное небо». И на самом деле она не зеркало солнца, а скорее вид на «другую сторону»... Так мне говорили в доме Рёги. По их словам, луна - это врата в другой мир.

С древних времён луна символизировала магию, женщину и смерть. А на фоне этой луны парила человеческая фигура...

...И восемь девушек летали вокруг неё.

Белая фигура в ночном небе принадлежит женщине. На ней причудливое белое одеяние, которое можно принять за платье, а её длинные чёрные волосы доходят ей до пояса. Изящные руки и ноги женщины делают её еще красивее.

Её тонкие брови и холодные глаза прекрасны. Я бы дала ей лет двадцать-тридцать. Хотя сомнительно, что оценка возраста живых существ применима к сущности вроде привидения.

Но женщина в белом, в отличие от привидений, не абстрактна. Она действительно существует. Стайка бесцельно толпящихся вокруг неё девушек больше подходит под определение «привидения»; их ленивое парение больше похоже на плавание, чем на полёт. Сами очертания их тел абстрактны и даже периодически мерцают, становясь прозрачными.

В воздухе над Сики – женщина в белом и парящие, словно чтобы защитить её, девушки.

Эту картину можно назвать жуткой. Но точнее было бы...

- Хм, действительно дьявольская, - усмехнулась Сики.

Красота этой женщины – уже не человеческая красота. Её чёрные волосы особенно роскошны, каждая прядь блестит и выглядит, как шёлк. Если бы ветер был сильнее, её фигура с развевающимися волосами была бы невероятно прекрасна.

- Значит, придётся тебя убить, - прошептала Сики, и женщина, возможно, услышав её, посмотрела вниз.

Женщина находилась в четырёх метрах над сорокаметровым зданием. Её взгляд встретился с взглядом Сики.

У них нет ни слов друг для друга, ни языка для общения.

Сики засунула руку в кожаную куртку и вытащила нож. Это скорее маленький меч с лезвием длиной где-то около восемнадцати сантиметров.

Она почувствовала, как взгляд, наполненный желанием убивать, вонзился в неё сверху.

Белая фигура пришла в движение. Её рука взлетела, и тонкий палец указал на Сики. Эта тонкая, хрупкая рука не напоминает Сики о *белизне*.

- ...Больше похоже на кость или на лилию.

В безветренную ночь её слова долго разносятся в воздухе.

На кончике пальца сосредоточено желание убивать.

Кончик белого пальца направлен на Сики.

Голова Сики дернулась. Худая девушка сделала шаг, чтобы восстановить равновесие. Но всего один.

Женщину сверху это слегка озадачило.

Внушение «ты можешь летать» не подействовало.

В её силах создать у человека впечатление «полёта» - это правильнее было бы назвать не внушением, а промывкой мозгов. Сопrotивляться этому невозможно, и в результате человек действительно пытается полететь, либо, наоборот, убегает из страха перед полётом. Но Сики сумела устоять, лишь слегка дрогнув.

Женщина предположила, что контакт был слишком слабым, и решила снова воспользоваться *внушением*.

Но на этот раз более сильным. Вместо слабой подсказки «ты можешь летать» она жёстко приказывает: «Ты должна полететь!»

Но прежде чем она сделала это, Сики окинула женщину взглядом.

Четыре точки - по одной на ногах, одна на спине и одна на левой груди. Отчётливо виден срез, именуемый смертью. Та, что на груди, будет хорошей целью. Это будет мгновенная смерть. Даже если эта женщина всего лишь видение, я могу убить и бога.

Крепко перехватив нож обратной хваткой, Сики подняла взгляд на противника в небе.

Импульс вновь атаковал Сики.

...Я могу летать. Я могу летать. Я всегда любила небо. Вчера я тоже летала. Сегодня, наверное, смогу взлететь ещё выше. Свободно. Чувство умиротворения. Смех. Надо скорее идти.

Куда? В небо? Свобода? ...Да...

Сбежать от реальности. Потянуться в небо. Реакция на притяжение. Ноги не стоят на земле. Бездумный полёт.

Идём, идём, идём, идём, идём, идём----- ИДИ!

- Ты, наверное, шутишь, - произнесла Сики, поднимая свободную левую руку.

Внушение больше не действует. Сики даже не вздрогнула.

- Я не испытываю подобного восхищения небом. Я не чувствую себя живой, и потому мне незнакома боль жизни. Если честно, мне вообще нет до тебя дела, - произнесла она шёпотом, больше похожим на пение.

В жизни Сики нет ни подавленных желаний, ни радости, ни горя.

Вот почему освобождение от боли не привлекает Сики.

- Но мне не нравится, что ты его удерживаешь. Я первая его нашла, так что я его забираю.

Левой рукой Сики схватила воздух и потянула на себя.

Словно попавшую в сети рыбу, женщину и девушек притягивает к Сики. Как будто это их она схватила своей левой рукой.

Женщина изменилась в лице. Она ещё сильнее сосредоточила свою волю, ударяя ею по Сики.

Если бы она могла разговаривать с Сики, она бы закричала:

- Падай!

Проигнорировав проклятие, Сики ледяным голосом ответила:

- Сама падай.

Нож вошёл в грудь притянутой вниз женщины. Легко и быстро, как при нарезке фруктов, и с точностью, которой на мгновение восхитилась даже сама женщина.

Крови не было.

Женщина, парализованная пронзившим её грудь ножом, вздрогнула лишь раз.

Лёгким движением Сики перебросила труп через высокую сетку, в глубины тёмного города.

Перевалившись через ограду крыши, женщина начала беззвучное падение. Её тёмные шёлковые волосы, неподвижные даже в падении, растворяются в ночи, а ветер уносит белое облачение.

Словно белый цветок, погружающийся в глубину океана.

Сики покинула крышу.

А девушки сверху продолжали парить...

/ 4

Я проснулась после того, как нож пронзил мою грудь. Удар был страшен. Она, должно быть, очень сильна, раз проткнула грудь с такой лёгкостью. Но при этом избыточной силы не применялось. Никаких лишних движений, нож прошёл сквозь кости и мышцу так, словно их и не существовало. Какая гармония!

Чувство смерти растекалось по моему телу. Я слышала, как разрывалось моё пронзённое сердце. Это ощущение было ещё сильнее, чем сама боль, потому что вызывало ни с чем не сравнимый страх и наслаждение.

Пугающий холодок пробежал по спине, всё моё тело охватила дрожь. Меня переполняли тревога, одиночество и воля к жизни, и я беззвучно заплакала.

Не потому что боялась боли.

А из-за этого незнакомого чувства смерти, охватившего меня... Меня, каждую ночь желающую дожить до рассвета.

Мне никогда не избавиться от этого чувства.

Потому что я влюбилась в это чувство...

Я услышала, как открылась дверь. Часы показывали два часа дня, и я будто чувствовала жжение солнца сквозь закрытое окно. Время осмотра ещё не наступило, так что это, наверное, посетитель.

У меня своя палата в больнице, и больше здесь никого нет. Есть только яркий свет солнца, занавески, никогда не развевающиеся на ветру, и эта кровать.

- Простите, вы Кирие Фудзё?

Похоже, посетитель – женщина. Поприветствовав меня бодрым голосом, она приближается ко мне, но не садится. Кажется, она меня разглядывает. От её взгляда веет холодом.

...Она пугает меня. Возможно, она будет причиной моей гибели.

Но в глубине души я счастлива, потому что у меня уже много лет не было посетителей. Я не могу заставить себя никого прогнать, даже если пришедшая – сама Смерть, явившаяся, чтобы довести дело до конца.

- Вы мой враг, да?

Женщина кивнула.

Я попыталась сфокусироваться и хоть как-то разглядеть посетительницу.

...Возможно, это из-за яркого солнца, но я смогла увидеть лишь её силуэт. Пиджака она не носила, но её выглаженный костюм без единой складки придавал ей вид учительницы, и это немного успокаивало. Тем не менее оранжевый галстук выглядел слишком кричаще на белой рубашке, что немного портило картину.

- Вы её знаете или это вы и есть?

- Нет, я знакомая той, кто на вас напала, и того, на кого напали вы. Нам с вами приходилось иметь дело с весьма необычными людьми. Мы, должно быть, очень невезучие, - сказала она, вынимая что-то из кармана и тут же кладя обратно. – Я забыла, что здесь нельзя курить. К тому же у вас, по-видимому, плохо с лёгкими. От дыма вам будет только хуже.

В её голосе сожаление. Полагаю, это пачку сигарет она из кармана вынимала. Я к сигаретам никогда не прикасалась, но мне захотелось увидеть, как она курит. Наверное... нет, определенно, сигарета в её руках смотрелась бы хорошо. Как штаны из кожи ящерицы на манекене в витрине.

- У вас не только с лёгкими плохо. Причина, наверное, в них, но у вас множество опухолей по всему телу. Начиная с саркомы - чем дальше, тем хуже. Похоже, что у вас лишь волосы в порядке. Удивительно, что в вас осталось столько силы. Обычный человек умер бы раньше. ...Сколько лет уже, Кирие Фудзё?

Наверное, она имела в виду мою госпитализацию, но я не могла ответить.

- Не знаю. Я перестала считать.

Потому что это бессмысленно. Потому что я не выйду отсюда до самой смерти.

Женщина кивнула и сказала:

- Понятно.

Мне не понравился её тон, в котором не было ни сочувствия, ни неприязни. Всё, что мне могут дать люди, – это сочувствие, но она не желает давать даже его.

- Как место, куда ударила Сики? Я слышала, что удар Сики пришёлся в район сердца, рядом с главной артерией... Предполагаю, что на двустворчатый клапан.

Она сказала нечто странное нормальным голосом. Её чудачество вызвало у меня улыбку.

- Какая вы странная. Я бы с вами сейчас не разговаривала, если бы мне порезали сердце.

- Разумеется. Это просто для проверки.

Ясно. Этим вопросом она проверяла, была ли именно я поражена той, чей стиль я не могла отнести ни к японскому, ни к западному.

- Но эффект проявится со временем, у Сики сильные глаза. Даже если та сущность дублировала вашу, разрушение со временем дойдет и до вас. Я хотела порасспрашивать вас, прежде чем это случится... потому и пришла сюда.

Та сущность... Она, наверное, имеет в виду ту, другую «меня».

- Сама я не видела, как вы парите. Можете рассказать мне, как это было?

- Я и сама не знаю. Всё, что у меня есть, – вид из этого окна. Наверное, это плохо. Отсюда я смотрела на мир внизу. Деревья окрашиваются в цвета времён года, люди один за другим приходят в больницу. Они не слышат, что я говорю, и я не могу дотянуться до них, сколько бы ни протягивала руки. Всё это время я страдала в этой палате. Я уже давно ненавижу этот вид. Разве не это называют проклятием?

- Понятно, должно быть, дело в крови Фудзё. Вы ведёте свою родословную от древней чистокровной семьи. Кажется, они специализировались на молитвах, но, по-видимому, их истинная сила в проклятиях. Возможно, имя «Фудзё» образовалось от слова «нечистый».

Родословная.

Моя семья. Но этому пришёл конец несколько лет назад. Вскоре после моей госпитализации мои родители и мой брат погибли в результате несчастного случая. С тех пор медицинские расходы оплачивал друг отца.

- Проклятия не сплетают неосознанно. Чего вы желали?

...Я и сама не знаю. Этого даже ей не понять.

- ...Вы когда-нибудь испытывали длительную тягу к внешнему миру? В течение стольких лет, что теряли связь с реальностью? Внешний мир был мне ненавистен, отвратителен и страшен. Я всё время его видела. Через некоторое время с моими глазами стало что-то происходить. Я оказалась в небе над тем садом и смотрела на мир сверху. Казалось, что мои глаза летали, пока тело и разум оставались здесь. Но раз я не могла уйти отсюда, мне оставалось лишь рассматривать окружающую местность.

- Вы, наверное, вложили окружающий пейзаж в свой разум. В таком случае вам бы казалось, что вы можете видеть его со всех сторон... Вы примерно в это же время начали терять зрение?

Удивительно. Она знала, что я вот-вот потеряю зрение.

- Так и было, - кивнула я. – Мир стал белым, а в конце не осталось ничего. Сначала я думала, что всё погрузилось во тьму, но я ошибалась.

Всё исчезло, по крайней мере всё, что можно было увидеть.

Но я ничего не имела против, потому что мои глаза уже летали. Я могла видеть лишь пейзаж вокруг больницы и всё равно не могла отсюда уйти.

- Ничего не изменилось, ничего... - сказала я и закашлялась. Я уже давно столько не разговаривала, и мне жгло горло.

- Понятно. Значит, ваш разум был в небе. Но тогда... почему вы живы? Если бы тот призрак у Здания Фудзё был вашим разумом, вы были бы убиты Сики.

Да, мне тоже хотелось бы это понять.

Та девушка... наверное, её зовут Сики... как она сумела поразить меня?

Моё парящее «я» не может ни к чему прикоснуться. Точно так же ничего не может прикоснуться ко мне, но она убила меня так, будто я была в настоящем теле.

- Скажите мне. Вы, которая была у Здания Фудзё – это настоящая Кирие Фудзё?

- «Я» у здания Фудзё – это не я. Есть я, смотрящая в небо, и я, парящая в небе, и «другая я» оставила меня и улетела. Меня бросила даже я сама.

Женщина удивлённо ахнула, впервые проявив эмоции.

- Так у вас не раздвоение личности. Кто-то дал вам, владеющей одним сосудом, второй сосуд. Понятно, вы контролировали два тела одним разумом. Случай действительно беспрецедентный, - сказала она, и, наверное, была права.

Я бросила себя и стала смотреть на мир сверху. Но ни одна из нас не могла коснуться ногами земли, и потому мы просто парили. Раз мир за этим окном отверг меня, мне не попасть в него, как бы я этого не желала.

Наверное, это означает, что мы всё-таки связаны.

- Это всё понятно. Но почему вы не довольствовались лишь видом внешнего мира? Не думаю, что была необходимость заставлять тех девушек падать.

Тех девушек...? А, ясно, девушек, которым я завидовала. Мне их жаль, но я ничего не делала – девушки падали сами.

- У Здания Фудзё вы сами были «волей». Вы этим воспользовались, да? Эти девушки изначально умели летать, так? Неважно, был это лишь образ у них в голове или они действительно обладали силой полета. Полёты во сне – не редкость, но проблем никогда не создают. Почему? Потому что летают они лишь во сне и никогда не думают

о полётах наяву. Раз они без сознания, злая воля не властна над их полётом. Но даже с этой точки зрения эти девушки – особенные. Речь не о Питере Пэне, но детям летать легче. Возможно, одна-две действительно парили, но большинство должно было парить лишь во сне. Но вы внушили им эту мысль. В то время как они бодрствовали, вы вызвали у них ощущения, которые приходили к ним во сне. В результате они узнали, что могут летать. Да, они могли летать... но лишь бессознательно. Человеку трудно летать, полагаясь лишь на свою силу. Даже я не могу летать без метлы. Шансы полететь в сознательном состоянии – около тридцати процентов. Девушки попытались полететь как обычно, и упали, как и должны были.

Да, они летали вокруг меня. Я думала, что мы могли бы стать друзьями. Но они лишь парили вокруг, словно рыбы, не замечая меня.

Вскоре я заметила, что у них нет сознания. Я подумала, что они заметили бы меня, если бы у них было сознание. Дело было лишь в этом, так почему же...

- Вам холодно? Вы дрожите.

Голос женщины холоден, как пластик.

Я обхватила себя руками - холодок не уходил.

- Позвольте спросить ещё одну вещь. Почему вы восхищались небом? Вы ведь ненавидели внешний мир.

Вероятно, потому что...

- У неба нет границ. Я думала, что если смогу идти туда, куда захочу, если смогу лететь туда, куда захочу, то найду мир, который не буду ненавидеть.

Голос спросил, нашла ли я этот мир.

Холодок не проходил. Я дрожала, словно кто-то тряс меня, и в глазах появилось жжение.

Я кивнула.

- ...Каждую ночь я опасалась, что не смогу проснуться на следующий день, боялась не дожить до завтра. Я знала, что если засну, мне не хватит сил проснуться. Дни, тянущиеся, как верёвка, наполнял лишь страх смерти. Но благодаря этому я смогла почувствовать себя живой. Я каждый день чувствовала запах смерти, но лишь этот запах мог надёжно поддерживать жизнь. Поскольку я всего лишь отброшенная оболочка, я чувствую себя живой, только когда смотрю в лицо смерти.

Так и есть. Вот почему я люблю смерть больше жизни.

Летать куда угодно, идти куда захочу...

- Вы забрали моего мальчика, чтобы он составил вам компанию в смерти?

- Нет. Тогда я ещё не знала. Я была привязана к жизни и хотела летать, оставаясь живой. С ним я бы смогла.

- Вы с Сики похожи. Вы обе искали избавления, и вы обе выбрали Кокуто. Вы ищете своё чувство жизни в другом – и в этом нет ничего плохого.

Кокуто. Понятно, эта Сики приходила, чтобы вернуть его.

Получается, что мой спаситель оказался и причиной моей смерти. Впрочем, я не жалею об этом.

- Он очень наивен. Всегда такой непосредственный. Вот почему он смог бы полететь куда хочет, если бы попробовал. ...Я хотела, чтобы он забрал меня.

Мне жжёт глаза. Я этого не чувствовала, но я, кажется, плакала.

Не потому, что мне грустно... Если бы я действительно могла с ним куда-то отправиться, стала бы я от этого счастлива? Это нечто несбыточное, это мечта, которая не должна осуществляться – вот почему она так прекрасна, что я не могу сдержать слёз. Это единственная мечта, которая была у меня последние несколько лет.

- Но Кокуто не интересуется небо. Получается, чем больше хочешь в небо, тем дальше оно от тебя? Какая ирония.

- Вы правы. Я слышала, что у людей часто есть то, в чём они не нуждаются. Я могла лишь парить. Я не умела летать и могла лишь держаться в воздухе.

Жжение в глазах исчезло. В будущем этого, наверное, никогда больше не случится.

Сейчас мною движет лишь холодок внутри.

- Простите за беспокойство. Это последний вопрос – что вы будете делать теперь? Я могу исцелить рану, которую нанесла вам Сики.

Я не ответила, лишь покачала головой. Кажется, женщина немного нахмурилась.

- Понятно... Есть два способа спастись. Можно просто убежать, а можно уйти в выбранном направлении. Первый называется парением, а второй – полётом. Вам решать, с какой высоты смотреть. Но руководствоваться при выборе чувством вины – неправильно. Следует не выбирать свой путь в зависимости от груза ваших грехов, а нести свои грехи по выбранному пути.

И женщина ушла. Она не сказала мне своего имени, но я знала, что в этом нет необходимости.

...Она, наверное, с самого начала знала, что я выберу. Потому что я не могла летать, а могла лишь парить.

Поскольку я слаба, я не могу сделать то, о чём она говорила. Я не в силах удержаться от соблазна. Вспышка света, которую я почувствовала, когда пронзили моё сердце. Неудержимый поток смерти и биение жизни. Я всегда считала, что у меня ничего нет, но внутри меня ещё осталась одна простая вещь.

Осталась смерть.

Страх, от которого холодок пробегает по спине. Чтобы ощутить радость жизни, я должна прочувствовать всю полноту смерти. Чтобы ощутить всё, на что я до сих пор не обращала внимание. Но у меня вряд ли будет возможность умереть так, как я умерла прошлой ночью. Мне вряд ли стоит надеяться на такой яркий финал. Смерть пронзила меня словно молния, словно игла, словно меч. И я попытаюсь приблизиться к этому, насколько это возможно. Я пока ничего не придумала, но у меня ещё есть несколько дней. И я уже выбрала способ. Думаю, не стоит и говорить, что свой конец я должна встретить долгим падением с места, расположенного высоко над землёй.

/ Вид с Высоты /

Солнце село, и мы покинули заброшенное здание Токо-сан. У Сики квартира рядом, а у меня – в двадцати минутах езды на электричке. Усталость Сики была видна по её неровной походке, но от меня она тем не менее не отставала.

- Ты считаешь, что самоубийство - это правильно, Микия? – внезапно спросила меня Сики безо всякой причины. Её печальный взгляд меня немного растрогал.

- Хм, не знаю. Предположим, я подхватываю вирус, который убьёт всех в Токио, если я останусь жить. Если моя смерть сможет всех спасти, я, наверное, убью себя.

- Что за бред? Это настолько невероятно, что даже в качестве примера не подходит.

- Дай закончить. Я считаю, что сделал бы это, потому что я слаб. Я убил бы себя, потому что мне не хватило бы смелости продолжать жить и восстановить против себя весь Токио. Так ведь легче, правда? Есть смелость, которая нужна на мгновение, и есть смелость, которая нужна на всю жизнь. Сама знаешь, что тяжелее. Как последний аргумент – я считаю смерть бегством, независимо от намерений. Но бывает, что человеку хочется убежать. Я не могу этого отрицать или опровергать, потому что я сам слаб.

Хмм, но ведь получается, что я считаю это допустимым для других, потому что так поступил бы я. Пожертвовать собой в таком случае, наверное, было бы правильно, и такой поступок назвали бы героическим. Но это ошибка. Глупо выбирать смерть, неважно, насколько это благородно или правильно. Как бы это ни было низко и неправильно, надо продолжать жить, чтобы исправить содеянное.

Надо продолжать жить и принимать последствия сделанного. Вот это требует много смелости. Я не думал, что сам смог бы так поступить, да и звучало это слишком напыщенно, так что я решил этого не говорить.

- ...Впрочем, неважно... Думаю, каждый решает для себя сам, - расплывчато закончил я, и Сики с сомнением на меня посмотрела.

- Но ты не такой, - сказала Сики, словно прочтя мои мысли.

В этих словах, сказанных холодным тоном, почему-то чувствовалась теплота. Я немного смутился и некоторое время шел молча. Приближался шум главной улицы. Звуки, яркие огни, шум моторов. Волны людей и издаваемого ими шума. Если пройти магазины, станция будет прямо перед нами.

Тут Сики остановилась.

- Микия, переночуй сегодня у меня.

- Что? Чего это ты вдруг?

- Просто так, - ответила Сики и потащила меня.

Остаться у Сики действительно удобнее, поскольку она жила поблизости, но я был против из моральных соображений.

- Да ладно тебе. В твоей комнате всё равно нечем заняться. Скучно будет. Или ты хочешь сказать, что мне там есть чем заняться?

Я знал, что нечем. Я специально сказал это, потому что Сики нечего было ответить... по крайней мере я так думал. Но Сики посмотрела на меня так, будто я в чем-то провинился.

- Клубничные.

-Что?

- Два клубничных Хааген-Даз. Они так и лежат, с тех пор как ты их купил. Сожри уже эту фигню, блин.

- ...А ведь и правда покупал.

Да, покупал. Я купил их из-за жары, по дороге к Сики. С другой стороны, уже почти сентябрь – зачем было суетиться...

Впрочем, не стоит морочить себе голову по пустякам. Похоже, мне оставалось лишь подчиниться Сики. Но просто подчиняться было неинтересно, и я решил немножко отомстить.

У Сики есть уязвимое место, и когда я о нём упоминаю, она злится, но ничего не может сказать в ответ.

И хотя моё пожелание совершенно искреннее, Сики до сих пор не вняла моему совету.

- Ну хорошо, я останусь. Но послушай, Сики...

Сики посмотрела на меня.

- Ты не должна так разговаривать, - заявил я с серьёзным лицом. – Ты ведь девушка, знаешь ли.

Сики сердито отвернулась.

Вид с Высоты (Танатос)/ Конец

Эпилог

Решение идти домой через главную улицу было спонтанным, что для меня большая редкость.

Пока я вяло шагаю через застраиваемую улицу, вид которой меня уже начинает утомлять, кто-то упал.

Хлюпающий, ни на что не похожий звук.

Очевидно, человек погиб, упав с высоты.

Тротуар залило красным.

Различить можно лишь тёмные, даже чёрные волосы и белые тонкие хрупкие руки и ноги.

А ещё это невыразительное разбитое лицо.

В целом похоже на сплюснутый цветок, заложенный между страниц старой книги.

Я знала, кто это был. *Гипнос* всё-таки вернулся, превратившись в *Танатоса*. Я пошла дальше, не обращая внимания на стремительно растущую толпу зевак. Адзака догнала меня.

- Токо-сан. Она совершила самоубийство, прыгнув с того здания.

- Угу, похоже на то, - рассеянно ответила я.

Если честно, мне было неинтересно. Самоубийство будут считать самоубийством независимо от намерений. Её последнее намерение можно обозначить одним словом - и это не «полёт» и не «парение». Это слово - «падение». Осталась лишь грусть, а это никого не интересует.

- Говорят, в прошлом году такое часто происходило, неужели это и до сих пор не редкость? Я не понимаю таких людей. А вы, Токо-сан?

- Угу, - снова рассеяно ответила я, глядя на небо, пытаюсь отыскать то, чего там не было.- У неё не было причин для самоубийства. Просто сегодня она не смогла полететь.

2 / Познание Убийства - Часть 1 (...и сердца пустоты)

---1995, апрель.

Я встретил ее.

/Познание Убийства - Часть 1

2 / Murder
Speculation (Part 01)
.....and nothing heart.

/ 1

Этой ночью я снова решила пройтись; погода была довольно прохладная для конца лета, чувствовалось приближение осени.

- Госпожа, пожалуйста, возвращайтесь сегодня пораньше, - говорил мой слуга Акитака, пока я обувалась у входа. Какой зануда. Я вышла, не обращая внимания на его монотонный голос.

Миновав сад, я вышла через ворота. Фонарей за пределами усадьбы нет; вокруг меня лишь тьма. Глубокая тьма без всяких звуков. Дата вот-вот поменяется с тридцать первого августа на первое сентября. Бамбук вокруг усадьбы шелестит на легком ветру, словно пугая меня. Гулять в такой тишине – единственное, что я, Сики, люблю делать.

Ночь вступает в свои права, а вместе с ней и темнота. Думаю, я гуляю по пустому городу потому, что хочу побыть одна. Или мне хочется думать, что я одна? ...В любом случае это глупый вопрос. Мне невозможно быть одной в этом мире.

...Отойдя от главной улицы, я зашла в небольшой переулок.

В этом году мне исполнится шестнадцать. Я учусь в первом классе, в обычной частной школе для старших классов. Однако где бы я ни училась, в будущем мне придется остаться в усадьбе, и потому мое образование кажется практически бессмысленным. Я выбрала ту школу просто потому, что она была рядом: короткий путь определенно был более практичным. По-видимому, это оказалось ошибкой.

...Переулок был темнее главной улицы. Лишь один фонарь нервно мерцал.

В памяти всплыло знакомое лицо, и я стиснула зубы. Последнее время у меня на душе беспокойно, даже во время таких прогулок. Все потому, что я без всякой причины время от времени вспоминаю *его*.

...Мое окружение не изменилось даже в старших классах. Люди, в каком бы классе ни учились, ко мне не приближались. Не знаю точно почему – возможно, потому что я обычно не скрываю своих чувств. Я не люблю людей. Я их еще ребенком не могла любить. Я даже себя не люблю, потому что, к несчастью, я тоже человек. Вот почему я не могу быть приятной с людьми, когда они со мной разговаривают... Не то что бы я их ненавидела, но люди вокруг меня думали именно так. Слух быстро разошелся по школе, и через месяц никто уже не пытался со мной заговорить. Я сама люблю тишину, так что ситуация сложилась идеальная.

Но идеальной она оставалась недолго. В моем классе был ученик, который вел себя со мной, Сики Рёги, как с другом. Этот парень с фамилией как у французского поэта мне досаждал. По-настоящему досаждал.

...Вдалеке, под фонарем, я увидела человека.

---Как странно, я вспомнила улыбку того парня.

...Поведение человека было подозрительным.

---Позже я спрашивала себя, почему я...

...Я зачем-то пошла за тем человеком.

---Почему меня охватило такое неистовое возбуждение?

Дойдя до конца переулка, попадаешь в другой мир. Тупик больше похож на помещение, чем на дорогу – в этот узкий закоулок, окруженный стенами зданий, солнечный свет даже днем вряд ли проникает. Я готова была увидеть бездомного бродягу, живущего в этом потаенном участке города, но не увидела. Свежая краска покрывала стены вокруг, а по узкому переулку что-то текло. Тошнотворный запах мусора, обычно присутствующий здесь, перебивался еще более сильным запахом.

Вокруг меня бурлит море крови. То, что кажется красной краской, на самом деле является человеческой кровью; она течет и заполняет переулок. Запах исходит от этой красной жидкости. Посреди всего этого – труп мужчины. Я не вижу выражения его лица. Его руки и ноги, по-видимому, отрезаны, и он больше похож на исторгающий кровавый дождь разбрызгиватель.

Это место ненормально. Сама чернота ночи запятнана краснотой крови.

Сики стоит среди всего этого, улыбаясь. Рукава ее голубого кимоно запачканы красным. Опустившись на колени и коснувшись текущей по земле крови, Сики размазывает ее по губам. Кровь капает с ее губ, и ее тело сотрясается в экстазе. Это самая первая помада Сики.

Летние каникулы закончились, и начался новый триместр.

В моей школьной жизни ничего особо не поменялось. Наверное, единственным, что изменилось, была одежда учеников – с приближением осени её стало больше. Что до меня, я никогда не носила ничего, кроме кимоно. Акитака мог бы дать мне красивую одежду, подходящую шестнадцатилетней девушке, но мне никогда и в голову не приходило так одеваться.

К счастью, в этой школе нет формы, и я могу и дальше носить кимоно. На самом деле я хотела кимоно с длинными рукавами, но тогда переодевание длилось бы дольше, чем сам урок физкультуры. В результате пришлось обойтись цельным кимоно в стиле юката. Я не знала, что делать в зимние холода, но вчера нашла решение этой проблемы.

...Это произошло на перемене. Я сидела на своем месте, и мне был задан вопрос:

- Тебе не холодно, Сики?

- Сейчас не холодно, но, вероятно, скоро будет.

Мой собеседник нахмурился, словно поняв, что я и зимой собираюсь ходить в кимоно.

- Ты и зимой будешь это носить?

- Наверное, но я надену что-нибудь сверху, так что холодно не будет, - внезапно сказала я, пытаясь прекратить разговор.

Он ушел, похоже, удивленный идеей, что можно носить что-то поверх кимоно, да и меня саму это спонтанно возникшее решение застигло врасплох. В результате я пошла купить куртку. Купила кожаную, показавшуюся мне самой теплой. Буду носить зимой, а пока повисит в шкафу.

В итоге мы вместе пошли обедать – он меня вроде как пригласил. Мы на крыше главного здания школы, и вокруг много других разбившихся на группы учеников. Среди них парень с девушкой, такие же, как мы; пока я наблюдаю за ними, он говорит со мной. Я настроилась игнорировать его, но одно слово привлекло моё внимание.

- ...Что?

- Убийство, говорю. Случилось в последний день летних каникул в западной части торгового района. Но в новостях ещё не показали.

- Убийство... ужас...

- Да, и способ тоже жуткий. Убитому отрезали руки и ноги, да так и оставили. Я слышал, что там было целое море крови, так что переулок пришлось оградить, а убийца до сих пор на свободе.

- Только руки и ноги? А человек может от такого умереть?

- Конечно, от потери крови. Впрочем, полагаю, что в данном случае смерть наступила раньше, от шока, - сообщил он, продолжая есть.

По его спокойному лицу не скажешь, но он любит поговорить о подобных вещах. Кажется, у него кто-то из родственников в органах или что-то вроде того... Впрочем, готова поспорить, что не на очень высокой должности, раз выдает секретные сведения.

- О, прости, Сики. Тебе, наверное, неинтересно.

- Не то что бы неинтересно, - недовольно ответила я, закрыв глаза. - Но, Кокуто-кун... О таких вещах не говорят за едой.

- Действительно, - кивнул Кокуто.

Ну вот... Мне совершенно расхотелось есть только что купленный томатный сэндвич.

Вот таким странным слухом ознаменовалось окончание первого лета в старших классах. Лето понемногу переходило в осень. Для Сики Рёги жизнь не слишком изменилась, а холодная зима все приближалась.

С самого утра шёл дождь. Я шла по коридору под его звуки. Уроки закончились, и учеников в здании школы было немного. Когда разошлось известие об упомянутом Кокуто происшествии, школа отменила все занятия в секциях и кружках. Этим утром в машине Акитака сказал, что это четвертый случай за месяц. У властей нет сведений ни о личности, ни о мотивах убийцы. Жертвы между собой не связаны, если не считать факта пребывания на улице поздно ночью. Наверное, случись такое далеко отсюда, никто бы шума поднимать не стал, но когда такое происходит в твоём собственном городе, всё совсем иначе. Все ученики идут домой засветло, и все, в том числе и мальчишки, уходят домой вместе. Полицейские начинали патрулировать около девяти, так что я была лишена удовольствия от ночных прогулок.

- Четыре жертвы... - прошептала я.

На каждом из четырех мест преступления, я...

- Рёги-сан, - внезапно позвал меня кто-то.

Повернувшись, я увидела парня, которого никогда раньше не встречала. Он одет в синие джинсы и простую белую рубашку. И лицо у него спокойное... Должно быть, сэмпай.

- Да? В чем дело?

- Не нужно на меня так смотреть. Ты ищешь Кокуто-куна? – спросил он, сопровождая свою абсурдную реплику искусственным подобием дружеской улыбки.

- Я собираюсь домой. Кокуто-кун здесь не при чем.

- Неужели? Ошибаешься. Ты не понимаешь, и это тебя раздражает. Не следует так часто вымещать это на других. Легко винить кого-то еще... Перерастает в привычку. Ха-ха-ха, ну разве четыре – это не слишком?

- ...Что?

Я в замешательстве отступила.

Его фальшивая улыбка не исчезала. Улыбка прямо как моя – настолько довольный у него вид. Но все же...

- Я просто пришел поговорить с тобой. А теперь мне пора. Пока.

Он ушел. Я не видела, как он уходил, но слышала звуки шагов, затихающих на фоне дождя. Я направилась к входу. Когда я переобулась и вышла на улицу, меня встретил лишь дождь – Акитака должен был меня забрать, но еще не приехал. Обычно он отвозит меня в дождливые дни, но сегодня, похоже, задержался. Мне лень снова переобуваться, и я решила подождать на ступенях у входа.

Мелкий дождь поливал территорию школы. Мое дыхание превращалось в белый туман, словно в декабрьские холода... Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я заметила, что Кокуто стоит рядом.

- У меня есть зонт.

- Не надо, меня подвезут. Можешь идти.

- Скоро пойду. Я пока что здесь хочу побыть... Можно?

Я не ответила. Он кивнул и прислонился к стене. Он не из тех, кто беспокоится о запачканной одежде. У меня не было настроения разговаривать с Кокуто. Я твердо решила игнорировать все, что он скажет, и вообще не замечать его присутствия.

Шел дождь, я все ждала. Стояла странная тишина... ее нарушали лишь капли дождя. Кокуто не разговаривал. Он стоял с закрытыми глазами, прислонившись к стене. Я

думала, что он спит, но он стал что-то петь мягким голосом. Наверное, это популярная песня. Позже я спросила Акитаку и узнала, что она называется «Поющий под дождем».

Кокуто не разговаривал. Между нами меньше метра. Такая близость без разговора меня немного нервировала. Это было на удивление неприятно.

Как странно, почему эта тишина так сжимает сердце?

Внезапно мне стало страшно... словно если мы и дальше будем так стоять, появится он.

- ...Кокуто-кун!

- Да?!

Он отскочил от стены.

- Что?! Что случилось?

В его глазах я увидела, как на меня смотрит мое отражение. Наверное, именно в этот момент я впервые по-настоящему посмотрела на человека по имени Микия Кокуто, а не просто окинула взглядом. Мягкие черты лица делают его немного похожим на ребенка. У него большие глубокие черные глаза. В соответствии с его характером у него натуральные волосы, без краски или геля. На нем черные очки, которые в наши дни не носят даже дети. Его простая одежда черного цвета, с ног до головы. Наверное, такой у него стиль. Одно мне непонятно... почему он все время вокруг меня вертится?

- Ты сейчас... - я опустила взгляд, стараясь не смотреть в его глаза, – где был?

- Перед тем как прийти сюда, я был в кабинете ученического совета. Наш сэмпай бросает школу, и мы вроде как устроили небольшую прощальную вечеринку. Его зовут Рио Сирадзуми. Однако он меня удивил. Попросил исключить его из школы, сказав, что нашел занятие получше, а ведь был вроде таким тихим.

Рио Сирадзуми ... Не думаю, что слышала это имя. Но я знаю, что у Кокуто много знакомых, которые могут водить его на подобные вечеринки. Он не только дружен с одноклассниками, но и довольно популярен среди старших девушек.

- Я и тебя приглашал – сказал тебе вчера, но ты так и не явилась в кабинет. Я даже в класс заглянул, но тебя там не было.

Точно, он мне вчера что-то такое говорил. Но если б я пошла, то лишь испортила бы вечеринку... к тому же я думала, что он пригласил меня только из вежливости.

- Удивительно. Так ты меня всерьез приглашал?

- Конечно. А ты как думала, Сики? – рассердился Кокуто.

Не из-за того, что я не приняла его приглашения, а скорее из-за того, что я не восприняла его всерьез. Его злость вызвала у меня лишь неприязнь, потому что раньше я никогда ни с чем подобным не сталкивалась.

С того момента я замолчала. Никогда раньше я не ждала появления Акитаки с таким нетерпением. Чуть позже машина подъехала, и я попрощалась с Кокуто.

Ночью дождь наконец прекратился. Сики надела красную кожаную куртку и вышла на улицу. Темное, затянутое облаками небо нависало над головой, и лишь случайные проблески лунного света пробивались через завесу. Полицейские усердно патрулировали город. Встреча с ними может вызвать некоторые проблемы - решила она и направилась к реке.

Мокрая земля отражает свет уличных фонарей, сияя, словно останки слизи. Я слышу поезд, проходящий вдали. Раздавшееся эхо подсказывает, что рядом мост – мост для поездов, не пешеходов.

...Там я кого-то нашла.

Сики медленно двинулась к мосту.

Снова прошел поезд. На сегодня это, наверное, последний. Звук на этот раз гораздо громче, и эхо сотрясает все вокруг. Она зажала уши, словно защищаясь от глубины звука. Поезд умчался, и под мостом стало необычно тихо. Туда не проникал ни свет фонарей, ни лунный свет, и тьма была кромешной.

Наверное, поэтому даже красная жидкость, разлившаяся на берегу реки, казалась черной. Это – место пятого убийства. Труп был выложен так, чтобы было похоже на цветок. Лицо в центре, руки и ноги расходятся от него, как лепестки. Конечности отделены, шея загнута вверх под неестественным углом. Четко прослеживается намерение сделать что-то вроде цветка... Но, к сожалению, получилось больше похоже на свастику.

Посреди травы выложен искусственный цветок. Цветок красного цвета - из-за разлившейся крови.

...Начинаю привыкать...

...Подумала она. С трудом сглотнув, она поняла, что испытывает огромную жажду. Это из-за напряжения или из-за возбуждения? Она почувствовала сильнейшее жжение в горле. Это место было наполнено смертью, и губы Сики скривились в улыбке. С трудом сдерживая экстаз, она продолжила рассматривать труп.

...Именно в этот момент она чувствовала себя живой.

В семье Рёги есть традиция – в начале каждого месяца наследник проводит бой с мастером на настоящих мечах. Много поколений назад главе семейства Рёги надоело постоянно приглашать мастеров из-за границы; он сделал [додзё](#) в собственном доме и основал много новых школ. Традиция сохранилась до сегодняшнего дня, и, к несчастью, даже я, девушка, обязана брать в руки меч.

Окончив бой с отцом, превосходившим меня и по ловкости, и по силе, я направилась в свою комнату. Расстояние от додзё до главного здания примерно такое же, как, скажем, от спортзала до здания школы. Я шагала по деревянному полу, и он ни разу не скрипнул. По дороге меня ждал Акитака. Акитака – мой слуга, он по меньшей мере на десять лет старше меня. Наверное, ждал, чтобы помочь мне сменить потную одежду.

- Хорошо поработали! Ваш отец что-нибудь сказал?

- То же, что и всегда. Отстань, Акитака. Я сама могу переодеться. И вообще, ты же не мой личный слуга. Шел бы лучше к моему старшему брату. В конце концов, наследником должен быть мужчина.

Акитака улыбнулся моим резким словам.

- Нет, наследницей можете быть только вы. Ваш брат не унаследовал сущность.

- Да чего хорошего в этой сущности?

Я покинула Акитаку и пошла в здание; запершись в своей комнате, сняла ги. Я посмотрела в зеркало... В нем отражалось женское тело. Если наложу немного макияжа и сделаю суровое лицо, может, и сойду за парня; но вот с телом ничего не сделать. С моим телом, которое растет с каждым днем и приводит СИКИ в отчаяние.

- Наверное, надо было родиться парнем, - сказала я себе вслух.

Нет, не себе. Внутри меня есть другая личность, его зовут СИКИ. Для всех детей семьи Рёги заготовлено два разных имени с одинаковым звучанием. Имя ян - имя мужчины. Имя инь - имя женщины. Поскольку я родилась девочкой, меня назвали Сики, что означает «равенство» или «форму». Если бы я родилась мальчиком, меня бы назвали СИКИ, что означает «сплестать». Почему мы так делаем? Потому что семья Рёги порождает детей с высокой вероятностью раздвоения личности.

Как у меня.

Отец говорил, что семья Рёги владеет наследием сверхъестественной расы. Еще он упомянул, что это проклятие. И это действительно проклятие. По-моему, это не сверхъестественно, а просто ненормально. К счастью, уже несколько поколений наследника с подобной сущностью не наблюдалось. Причина проста – все они

попадали в клинику для душевнобольных, не достигнув совершеннолетия. Очень опасно иметь две личности в одном теле. Граница между реальностями становится расплывчатой, что часто приводит к самоубийству. Но несмотря на это, я выросла без всяких признаков сумасшествия. Все потому, что мы с СИКИ игнорировали друг друга.

Право на владение телом целиком принадлежит мне. СИКИ – всего лишь запасная личность, подменившая меня сегодня на время боя, поскольку его агрессивный характер более соответствовал ситуации. Строго говоря, СИКИ и я существуем одновременно. В этом отличие от того, что называют «раздвоением личности». Я – Сики, но в то же время я – СИКИ. Просто телом владею я.

Отец был счастлив, что смог произвести на свет истинную наследницу в своем поколении. Вот почему в качестве наследника рассматривают меня, пренебрегая моим братом, мужчиной. Я не против, буду брать пока дают. Я, кажется, думала, что буду жить этой жизнью, несколько отличающейся от нормальной, вечно. Я знала, что могут жить лишь такой жизнью...

...Да, даже если СИКИ – смертоносное чудовище, не в моих силах заставить его исчезнуть. Раз во мне есть «СИКИ», значит и я, Сики, такая же, как и он.

Познание Убийства (Часть 1)

/ 1

- Это правда, что ты встречаешься с Рёги, Микия?

От слов Гакуто я чуть не выплюнул кофейное молоко. Отфыркиваясь, осмотрелся – к счастью, в обед в классе шумно и никто, кажется, не слышал бреда Гакуто.

- О чем это ты, Гакуто?

Гакуто мой вопрос, похоже, удивил.

- Как это о чем? То, что Кокуто из первого «С» влюбился в Рёги, считается известным фактом. Разве что вы двое не в курсе.

При этих словах я нахмурился.

Прошло семь месяцев с тех пор, как я впервые встретил Сики. Сейчас уже ноябрь, почти зима.

...Было бы совсем неудивительно, если бы после столь долгого знакомства завязались отношения.

- Гакуто, это просто недоразумение. Мы только друзья, ничего больше.

- Правда? – нахмурился подающий надежды член секции дзюдо. Вопреки своему имени, означаящему «образованный человек», этот парень, с которым мы дружили с младших классов, больше тяготеет к спорту. Хорошо меня зная, он, скорее всего, понял, что я не вру.

- Но ты зовешь ее по имени. Рёги ни за что не позволила бы просто однокласснику так себя называть.

- А вот и нет. Рёги этого не любит. Я сначала назвал ее «Рёги-сан», и она нехорошо на меня посмотрела. «Убить взглядом» - образное выражение, но Сики на это явно способна. Короче говоря, она сказала, что терпеть не может, когда ее зовут по фамилии, и что я могу никак не называть ее при разговоре. Но мне это не понравилось, и в качестве компромисса я предложил «Сики-сан». Это не понравилось ей, и получилось просто «Сики». Вот такая скучная правда.

Я объяснил Гакуто, что было в апреле, и он согласился, что история действительно скучная.

- Понятно, никакой романтики, - разочарованно сказал Гакуто.

А какого ответа он ждал?

- Так на прошлой неделе у входа в школу тоже ничего такого не было? Черт, только зря время потратил, придя сюда. Мог бы поесть у себя в классе.

- ...Погоди. Откуда ты об этом знаешь?

- Я же говорю, вы - знаменитости. Вся школа уже знает, что вы с Рёги вместе пережидали дождь у входа в прошлую субботу. Когда речь о Рёги, даже такие мелочи привлекают всеобщее внимание.

Я вздохнул и поднял глаза к потолку. Оставалось лишь надеяться, что Сики об этом никогда не услышит.

- В школе полагается к колледжу готовиться, так? А ощущение складывается такое, что все вовсе не учебой заняты...

- Учителя говорят, что у здешних выпускников высокий уровень занятости.

...Надо бы разузнать, как у школы так получается.

- Не догоняю, почему Рёги? Она тебе просто не подходит.

Я вспомнил, как сэмпай говорили мне нечто подобное.

Они говорили, что мне подойдет тихая, нежная девушка. Гакуто, наверное, мыслит в том же направлении.

...Я слегка разозлился.

- Сики не такая страшная, - вырвалось у меня.

Гакуто усмехнулся... По-видимому, знал, что я не собирался говорить этого вслух.

- Только друзья, говоришь? Она определенно трудная девушка. Факт, что ты этого не видишь, доказывает, что ты по уши в нее влюблен.

Под «трудной» он, наверное, имел в виду упрямую. Я знал, что он прав, но не желал просто так уступать и соглашаться.

- Да знаю я.

- Тогда чего в ней хорошего? Внешность? – прямо спросил Гакуто.

Сики действительно красива. Но меня она привлекает даже не этим. Она всегда выглядит так, словно ей вот-вот причинят боль. На самом деле она достаточно сильная, чтобы не позволить этого, но в то же время более хрупкая, чем выглядит. Наверное, поэтому я не могу не обращать на нее внимания. Я не хочу видеть, как ей будет больно.

- Ты просто этого не замечаешь. Сики даже по-своему милая... Как бы это сказать, если сравнивать ее с животным, она сошла бы за кролика.

Я вдруг пожалел, что сказал это.

- Не говори глупостей. Она явно из семейства кошачьих, может быть, даже диких. Кролик – это мимо, совсем мимо. Разве Рёги из тех, кто умирает от одиночества? – хохотал Гакуто.

Но она кажется мне кроликом, потому, что не привязывается к людям, изучает других на расстоянии. Впрочем... если это только мне так кажется, пусть так и будет.

- Ну хорошо. Не буду больше говорить с тобой о девушках, - сказал я, и Гакуто прекратил смеяться.

- Возможно, ты прав. Кролик ей подходит.

- Гакуто, согласие из вежливости еще оскорбительнее.

- Я серьезно. Я вспомнил, что кролики тоже бывают опасны. В мире есть кролики, способные оттяпать голову невезучей жертве.

Серьезность, с которой он это заявил, привела меня в замешательство.

- Ничего себе кролик.

Гакуто кивнул.

- Разумеется, я ведь говорю о мире игр.

В день окончания экзаменов за второй триместр я увидел нечто невероятное.

В моем столе было письмо. Нет, само по себе это не странно. Дело было в отправителе и в содержимом. Проще говоря, было оно от Сики, и она меня приглашала на свидание.

Формулировка была похожа на угрозу - с требованием сводить ее куда-нибудь завтра. В замешательстве я отправился домой и стал с ужасом ждать следующего дня, чувствуя себя как самурай, получивший приказ убить себя на рассвете.

- Здорово, Кокуто, - поприветствовала меня Сики, приближаясь.

Она пришла к месту встречи – статуе собаки перед станцией – в красной кожаной куртке, надетой поверх кимоно. Ее речь сбила меня с толку еще больше, чем ее наряд.

- Че, долго ждал? Извиняй, чувак. От Акитаки так сразу не отделаешься, - сказала она так, будто это привычная для нее манера разговора.

Она разговаривала, как парень, а не как Сики, которую я знал. Не в силах ответить, я снова окинул ее взглядом. Внешне она точно такая же – грациозная, слегка миниатюрная – но ее уверенная поза и движения придавали ей некое ощущение силы. Зыбкость этого противоречия создавала ощущение кукольного театра. Она как марионетка – хорошо сделана, но это лишь внешность.

- Ты чего? Стоило всего на часок опоздать, и ты уже сердиться? Нетерпеливый ты, блин.

Сики уставилась на меня своими темными глазами. Ее великолепные короткие черные волосы обрамляют маленькое лицо и большие красивые глаза. Однако хоть на поверхности этих глубоких глаз и отражается силуэт Миики Кокуто, возникает ощущение, что они сфокусированы на чем-то гораздо более далеком. Смотрят вдаль...

Я подумал, что эти глаза притягивали меня с того снежного дня, когда мы впервые встретились.

- Э-э... Ты ведь Сики, да?

- Ага, - рассмеялась Сики.

Ее странная улыбка больше похожа на усмешку.

- А кто же еще по-твоему? Мы тут теряем время. Давай, своди меня куда-нибудь. Сам решай куда, Кокуто.

Сказав это, Сики крепко схватила меня за руку и потащила.

...Она сказала, чтобы я решал сам, но я был сбит с толку и даже не заметил, что ведет меня она...

Мы много ходили.

Покупок Сики особо не делала, просто ходила по разным магазинам торгового центра и смотрела вокруг, переходя к следующему, когда ей надоедало. На мои просьбы зайти передохнуть в кафе или кинотеатр она отвечала отказом – и правильно делала. Глупо было бы тратить время подобным образом, пока Сики так себя ведет.

Сики много говорила. Мне показалось, что она выглядела какой-то возбужденной. Как бы это сказать... словно опьяненной.

Большинство магазинов, в которые она заходила, были магазинами модной одежды – женской, к моему облегчению. Наконец, пройдя четыре торговых центра за четыре часа, Сики вроде как устала, поскольку сообщила мне, что хочет перекусить.

Мы немного побродили и нашли фаст-фуд закусочную. Сики сняла куртку и присела. Необычный наряд в виде кимоно привлекал взгляды окружающих, но ее, кажется, этот факт не волновал. Собравшись с духом, я задал вопрос, занимавший меня все это время:

- Сики, а ты разве всегда так говоришь?

- Я – всегда. Но манера разговора значения не имеет. Даже ты ее можешь поменять.

Сики равнодушно жевала свой гамбургер.

- Впрочем, ничего подобного раньше не случалось. Сегодня я впервые вышел на волю. Раньше я ничего не говорил, потому что мое мнение всегда совпадало с мнением Сики.

...Я ничего не понимал.

- Как бы это сказать... Попросту говоря, это раздвоение личности. Я – СИКИ, а обычно здесь Сики. СИКИ – от слова «сплетение». Но мы с Сики не являемся разными людьми. Единственная разница между нами – наши приоритеты. Различается иерархия интересов, - рассказывала она, водя по салфетке мокрой рукой. Ее белый палец выписывал слова «Сики» и «СИКИ».

- Я хотел поговорить с тобой, Кокуто, только и всего. А поскольку Сики этого не хотела, я делаю это вместо нее. Усек?

- Ну, вроде да.

Я ответил нерешительно, но на самом деле понимал, о чем говорил СИКИ. Кажется, нечто подобное со мной уже происходило. До того как поступить в старшие классы, я встретил Сики, но позже она сказала, что не помнит такого. Тогда я подумал, что она сказала так из неприязни ко мне, но после только что услышанного ситуация прояснилась.

Более того, проведя с ней весь день, я понял, что это все та же Сики. Как и говорила Сики, точнее СИКИ, она лишь разговаривает иначе, но ведет себя так же. Из-за их схожести у меня даже начало складываться ощущение, что она ничем и не отличается.

- Но зачем ты мне это рассказал?

- Ну, я типа решил, что не смогу долго скрывать это от тебя.

Сики взяла еще один напиток. Она на секунду приложила соломинку ко рту и быстро убрала... Сики не любит холодное.

- Если честно, я вроде подавленного импульса Сики. Она очень хотела сделать это, но до сих пор было не с кем, потому что Сики Рёги никто не интересовал, - скучающим голосом сказал СИКИ.

Я застыл, завороженный этими глубокими черными глазами.

- Но ты не сомневайся, я та же Сики. Просто говорю то, что Сики думает. Я же говорил, мы только базарим по-разному... Впрочем, у нас намечается расхождение, так что не воспринимай меня всерьез.

- Расхождение?... Хочешь сказать, у вас с Сики бывают ссоры?

- Ну что ты, как можно ссориться с самим собой? Когда я что-то делаю, этого хотим мы оба, так что ни один не возражает. Сколько бы я ни сопротивлялся, контролирует это тело Сики. И я сейчас с тобой говорю потому, что Сики тоже не против. Впрочем, она, вероятно, пожалеет об этом разговоре. Сики не стала бы этого делать, правда?

Я согласился.

СИКИ рассмеялся.

- Вот что мне в тебе нравится. А Сики это не нравится. Вот что я имею в виду под расхождением.

...О чем он говорит? Сики не нравится тот факт, что я не слишком долго размышляю? Или Сики не нравится тот факт, что ей нравится эта часть меня? Не знаю почему, но я вдруг решил, что верно второе.

- Ну, на сегодня объяснений достаточно.

Внезапно поднявшись, СИКИ надел кожаную куртку.

- Пока. Ты мне нравишься, так что очень скоро снова увидимся.

Положив на стол деньги за гамбургер, СИКИ быстро удалился.

Когда я расстался с СИКИ и вернулся в свой район, солнце уже садилось.

Из-за всех этих недавних убийств людей на улице немного, хотя еще даже не стемнело.

Дома был мой кузен, Дайсукэ. Чувствуя себя утомленным после всех этих разговоров с СИКИ, я направился к [котацу](#) и засунул в него ноги. Но там уже были ноги Дайсукэ, и мы, не говоря ни слова, стали бороться за небольшое пространство. В конце концов, я не смог уместиться, и пришлось снова вставать.

- Ты разве не занят, Дайсукэ-сан? – спросил я его, беря мандарин со стола.

- Угу, - ответил Дайсукэ. – Пять человек за три месяца - конечно же, мы заняты. Я так занят, что не могу даже сходить домой поспать. Где-то через час придется снова идти.

Дайсукэ – полицейский. Неподходящая работа для такого лентяя.

- Как идет расследование?

- Неплохо. До сих пор никаких зацепок не было, но теперь убийца нам наконец-то кое-что оставил. Впрочем, похоже, что намеренно, - сказал Дайсукэ, поднимая взгляд. Его серьезное лицо оказалось прямо передо мной.

- То, о чем я говорю, – секретно. Я расскажу тебе, потому что это связано с тобой. Я говорил тебе о первой жертве, так?

Дайсукэ начал описывать места второго и третьего убийств... Я внимательно слушал и надеялся, что не все полицейские мира выдают секретные сведения так же просто.

Вторая жертва была разрублена по вертикали. От головы до паха. Орудие неизвестно. Одна из разрубленных половинок прилеплена к стене.

У третьей жертвы отрезаны руки и ноги, причем отрезанные руки пришиты к ногам.

Тело четвертой жертвы разрезано на куски, и на нем был отпечатан какой-то символ.

У пятой жертвы руки и ноги расположили так, чтобы получилась свастика.

- Очевидно, что убийца ненормален, - сказал я, пытаясь сдержать стремительно поднимающуюся волну тошноты.

Дайсуке согласился.

- По-моему, все намеренно делалось так, чтобы это было очевидно. А ты как считаешь?

- ...Дай подумать. Мне кажется, то, что каждого из убитых разрезали на части, значения не имеет. Больше ничего сказать не могу, но...

- Но?

- Мне просто кажется, что убийца начинает привыкать. Следующий раз может быть не на улице.

- Ты прав.

Дайсуке закрыл лицо руками.

- Нет ни мотива, ни правил. Пока что это происходит лишь на улице, но такой, как он, способен зайти и в помещение. И если убийца не сможет никого найти на улице ночью, у него будет лишний повод зайти в чей-то дом. Просто хочется, чтобы власти приняли это во внимание и были наготове.

- Вот... - сменил тему Дайсуке. – Мы нашли это около пятой жертвы.

Дайсуке положил на стол значок нашей школы. Этому не придается особого значения, так как у нас и формы то своей нет, но на самом деле мы, находясь в школе, обязаны носить его где-нибудь на одежде.

- Не знаю, не заметил ли его убийца из-за того, что преступление было совершено на травяном поле, или специально его там положил. В любом случае, в этом должен быть какой-то смысл. Я к вам, возможно, скоро загляну, - мрачно сообщил он, нахмурившись.

Зимние каникулы окончились в мгновение ока. Единственным происшествием за это время был наш с Сики визит в храм на новый год. Но в остальном я, кажется, жил обычной жизнью.

Когда начался третий триместр, Сики еще больше отдалилась от окружающих. Ауру отторжения, которую она излучала, чувствовал даже я.

После того как все уходили, я заходил в класс и всегда встречал там СИКИ. Он ничего не делал, просто смотрел в окно. Меня туда никто не звал и не приглашал. Но я просто не мог оставить эту хрупкую девушку, и потому составлял ей компанию, хоть это и было бессмысленно.

Зимой солнце заходит рано, и класс был окрашен красным. На фоне красного и черного стоял СИКИ, прислонившись к окну.

- Я тебе говорил, что ненавижу людей?

В этот день, СИКИ рассеянно начал разговор.

- Впервые слышу... ты серьезно?

- Ага, Сики ненавидит людей. Это у нее с самого детства. ...Видишь ли, когда ты маленький, ты ничего не знаешь. Тебе кажется, что весь мир безоговорочно тебя полюбит. Раз они нравятся тебе, ты должен понравиться им... Это кажется здоровой мыслью.

- Ты прав. Когда ты маленький, ни в чем не сомневаешься. Ты безоговорочно их любишь, и тебе кажется естественным, что эта любовь взаимна. Единственным, чего боялся я, были привидения. А вот теперь я боюсь людей.

СИКИ кивнул, соглашаясь.

- Но это очень важный момент. Необходимо быть невинным, Кокуто. Поскольку ребенком думаешь только о себе, ты не замечаешь злых умыслов в других. Получаемое тобой чувство любви, пусть даже выдуманное, заставляет тебя проявлять доброту к другим, потому что люди могут выражать лишь те эмоции, которые им знакомы.

Солнце подсвечивает ее лицо красным цветом. Я не мог определить, СИКИ был передо мной в этот момент или Сики, но роли это не играло – это был их монолог.

- Но со мной все иначе. Кто-то был со мной с самого рождения. Поскольку внутри Сики был СИКИ, она знала других. Она узнала, что есть другие люди, которые думают по-другому, и что они не испытывают к ней безоговорочной любви. Поскольку еще ребенком она узнала, как неприятны другие люди, она не смогла их полюбить. Со временем она научилась их игнорировать. Сики знает лишь одну эмоцию – отторжение.

... Вот почему она ненавидит людей, говорят глаза СИКИ... Мне почему-то захотелось заплакать.

- Но разве ей не было одиноко?

- Почему? У Сики есть я. Одной, конечно, было бы одиноко, но Сики не одна. Она в изоляции, но не одна, - сказал СИКИ с уверенным лицом.

В этом лице нет обмана; ее, кажется, действительно это удовлетворяет.

Но все же...?

И все же...?

- Но последнее время Сики странно себя ведет. В ней есть аномалия – я, но она хочет отвергнуть меня. Отвержение – моя область, а Сики должна быть способна лишь подтверждать.

СИКИ со смехом спросил, как так могло получиться. На его лице жестокая улыбка.

- Кокуто, ты когда-нибудь хотел кого-нибудь убить?

В этот момент солнце окрасило его лицо в багряный цвет, и сердце прыгнуло в моей груди.

- До такого не доходило. В крайнем случае – хотел ударить.

- Понятно. А у меня только это чувство и есть.

Его голос эхом разнесся по классу.

- Что?

- Я же говорил. Люди могут выражать лишь те эмоции, которые им знакомы. Я отвечаю за внутренние запреты Сики. То, что имеет низкий приоритет у Сики, имеет высокий приоритет у меня. Я этим довольствуюсь и знаю, что существую благодаря этому. Я – личность, отвечающая за подавленные желания Сики. Вот почему я всегда убивал свою волю. Я убивал темную сторону по имени СИКИ. Я убивал себя снова и снова. Ясно? Убийство – это все, что я знаю.

Сказав это, он отошел от окна. Почему... этот молча приближающийся ко мне человек вдруг внушил мне такой ужас?

- Так что, Кокуто, - прошептал голос у моего уха, - убить для Рёги означает... уничтожить с целью самозащиты все, что пытается заставить ее раскрыться.

Улыбаясь, СИКИ покинул класс. Это была невинная улыбка – так обычно улыбаются, когда кого-нибудь разыграют.

На следующий день, за обеденным перерывом...

Когда я спросил у Сики, не хочет ли она со мной пообедать, она выглядела очень удивленной. Тогда я впервые, с тех пор как встретил ее, увидел удивленное выражение на ее лице.

- Какой странный вопрос... - произнесла она, но приняла мое приглашение.

По желанию Сики мы направились на крышу. Она молча следовала за мной. Ее безмолвный взгляд сверлил мою спину. Возможно, она злится на меня... нет, точно злится... Я даже знал, что означали ее вчерашние слова. Она в последний раз предупреждала меня, что не надо с ней связываться, что она не знает, что может сотворить в противном случае.

Но Сики не понимает. Подсознательно она всегда посылала мне такие сигналы, и я к ним уже привык. Когда мы пришли на крышу, там никого не было. Наверное, учитывая, что на дворе январь, никто не хотел есть в таком холоде.

- Тут холодно, хочешь где-нибудь еще поедим?

- Нет, я хочу поесть здесь. Если хочешь, сам пойди куда-нибудь еще, не стесняйся.

Я удивленно наклонил голову, услышав вежливый тон Сики. Мы сели у стены, чтобы укрыться от ветра. Сики просто сидела, не распаковывая хлеб. Я же, напротив, почти доел второй сэндвич.

- Зачем ты заговорил со мной? – прошептала Сики настолько внезапно, что я не понял ее слов.

- Что ты сказала, Сики?

- Я сказала, почему ты такой беспечный? – сказала она, устремив на меня пронзающий взгляд.

- Жестоко. Меня называли чрезмерно честным, но беспечным – никогда.

- Наверное, из вежливости молчали, - убежденно заявила она, распаковывая свой яичный сэндвич. Звонкий шелест обертки вполне вписывался в атмосферу морозной крыши. Сики молча сидела и щипала сэндвич. Мне было нечего делать, так как я уже поел. Я решил, что прием пищи надо сопровождать разговором.

- Сики, ты, наверное, немного злишься?

- ...Немного?

Она уставилась на меня. Я отругал себя за то, что сказал не подумав.

- Я не понимаю, но меня раздражает, когда ты рядом. Я ничего не понимаю – зачем ты со мной связался, почему не ведешь себя иначе после сказанного вчера.

- Я и сам не знаю причины. С тобой интересно, но если спросишь, почему, я не смогу ответить. Ну а что касается вчерашнего, можешь, пожалуй, считать меня оптимистом.

- Кокуто-кун, ты понимаешь, что я ненормальная?

На это я мог лишь кивнуть. У нее действительно раздвоение личности, и это действительно ненормально.

- Угу, это действительно ненормально.

- Именно. Поэтому ты должен понять, что я не из тех, с кем стоит общаться.

- Мы просто вместе проводим время, и неважно, нормально это или нет.

Сики полностью застыла. Она словно остановила время и даже забыла как дышать.

- А я не могу так же к этому относиться, - сказала она, проводя рукой по волосам. Ее кимоно колыхнулось, и я заметил повязку на ее тонкой руке, рядом с правым локтем. Ткань выглядела чистой и свежей.

- Сики, эта рана...

Сики встала прежде, чем я договорил.

- Если ты не понимаешь слов СИКИ, я сама тебе скажу, - сказала Сики, глядя вдаль. – Если мы этого не прекратим, я тебя, вероятно, убью.

...Что я мог ответить на эти слова?

После этого Сики ушла обратно в класс, оставив после себя мусор, и я, оставшись один, начал его собирать.

- ...М-да, все прямо как говорил Гакуто.

Я вспомнил разговор с Гакуто. Как он и говорил, я, наверное, глупец. Я не мог забыть Сики даже после того, как она меня полностью оттолкнула. Скорее напротив, мое сознание прояснилось. Может быть только одна причина, по которой с Сики так интересно.

- Я уже давно сошел с ума.

...Точно, как я раньше не заметил?

...Я настолько влюбился в Сики, что даже ее предупреждение, что она хочет убить меня, вызывает у меня смех.

Наступило первое воскресенье января. Я проснулся и зашел в столовую. Там я встретил Дайсуке, уже собиравшегося уходить.

- О, ты был здесь?

- Здорово. Я тут опоздал на последнюю электричку и зашел переночевать, а сейчас пора на работу. Завидую школьникам, вы-то всегда получаете обещанные каникулы.

Он выглядел невыспавшимся. Готов поспорить, занят поисками информации по тому серийному убийце.

- Ты вроде что-то говорил насчет визита в мою школу?

- Похоже, вскоре придется зайти. Скажу тебе прямо – три дня назад была шестая жертва. Видимо, жертва сильно сопротивлялась; мы нашли кусочки кожи убийцы под ее ногтями. У женщин длинные ногти, так что, думаю, она довольно сильно поцарапала руку убийцы. Наверное, это был жест отчаяния, но царапина должна быть глубокой – она отхватила почти три сантиметра кожи.

Это новое обстоятельство еще не попало ни на телевидение, ни в газеты. Но меня оно шокировало по другой причине... Наверное, потому что за последние несколько дней Сики довольно часто употребляла зловещее слово «убить». С чего бы еще мне на секунду представилось, что Сики и есть этот убийца?

- Царапина... ты хочешь сказать, что убийца ранен?

- Конечно. Не думаешь же ты, что жертва стала бы царапать свою руку? Мы уже выяснили, что кожа выдрана из района локтя, и кровь проанализирована, так что убийце крышка.

Дайсуке ушел. Силы покинули мои ноги, и я рухнул на стул. Как раз три дня назад у нас с СИКИ случился тот разговор на фоне заходящего солнца. Когда я увидел ее на следующий день, у нее, кажется, была повязка на локте...

Где-то к полудню я решил, что нет смысла просто сидеть и размышлять. Лучше пойти и прямо спросить у самой Сики. Если она скажет, что ее рана никак с этим не связана, моя тревога исчезнет.

Я решил найти дом Сики с помощью контактной информации школы. Ее дом на краю города, в одной станции отсюда. Когда я, наконец, нашел его, солнце уже садилось. Это усадьба в восточном стиле, окруженная бамбуковыми деревьями. Я не мог оценить размер этого места – понять, насколько оно велико, можно было, лишь облетев его с самолета. Я пошел через бамбуковый лес по дорожке и, выйдя к большим воротам, с некоторым облегчением обнаружил, что в этом старинном на вид жилище был

домофон. Я нажал на кнопку и сообщил о цели своего визита, после чего появился человек в черном костюме. Ему было лет тридцать-сорок, и был он, как выяснилось, слугой Сики. Звали его Акитака, и разговаривал он вежливо - даже со мной, чужаком. К сожалению, Сики дома не было. Он предложил мне остаться и подождать, но я отказался. Честно говоря, мне не хватило духа в одиночку заходить туда.

Я решил пойти домой, так как солнце уже село. Добравшись до станции за час ходьбы, я столкнулся с сэмпаям. Я принял его приглашение поехать в ресторане неподалеку, и в результате мы болтали до десяти. Поскольку я, в отличие от сэмпая, был школьником, мне уже пора было отправляться домой; я попрощался с сэмпаям и взял билет на электричку на станции. Было уже почти одиннадцать. Я на секунду задумался, пришла ли Сики домой.

- Какого черта я делаю? – спросил я себя, проходя через жилой район, который в этот поздний час казался лишенным каких-либо признаков жизни. Я не понимал, почему направлялся к дому Сики в этом незнакомом городе. Даже зная, что не смогу ее увидеть, я хотел увидеть хотя бы свет в ее доме. Вдыхая морозный зимний воздух, я вышел из жилого района, и меня окружили деревья. Я пошел по проложенной среди них дорожке. Ветра не было, и бамбук молчал. Фонари отсутствовали, и лишь луна указывала мне путь.

Я почти в шутку подумал, что на меня здесь могут напасть, и мысль оказалась навязчивой. Картина в моем воображении становилась все ярче, хоть разум и пытался отбросить ее. Когда я был ребенком, я боялся привидений. Похожие на привидения тени в зарослях бамбука могли бы напугать меня. Но сейчас я боюсь других людей. Меня пугает лишь факт, что кто-то может прятаться в кустах.

...Когда это таинственные привидения успели превратиться в людей?

Чем больше я пытался успокоиться, тем сильнее охватывало меня это чувство. ...В самом деле, это жуткое чувство не исчезало. Ах да, кажется, Сики когда-то об этом говорила. Кажется, это было... Пытаясь вспомнить, я заметил что-то впереди.

Я застыл на месте. Не по своей воле, поскольку... мой разум был совершенно пуст.

В нескольких метрах впереди стояла белая фигура. Кимоно, сияющее белизной, покрыто красными пятнами. Красные пятна расплзались по кимоно. Все потому, что перед ней *он*, заливающий все вокруг красной жидкостью. Та, что в белом кимоно – Сики, а *он* – не фонтан, а мертвец.

Я ничего не мог сказать. Но она уже давно обитала где-то в моем сознании, эта картина Сики, стоящей перед мертвым телом. Вот почему я не был удивлен и не поднимал паники. Просто мой разум полностью опустел. Тело, должно быть, умерло недавно - кровь не вытекала бы с таким напором, если бы его артерии не были перерезаны еще при жизни. В шее зияющая рана, разрез проходит под углом через торс. Сики молча смотрела на мертвое тело. Одного лишь цвета пролитой крови достаточно, чтобы

лишиться чувств, но из раны к тому же причудливо вылезают и выпадают органы, превращая тело в нечто нечеловеческое. Выглядело так, будто какое-то мерзкое примитивное создание пытается принять человеческий облик, но сходство столь ужасно, что на него невозможно смотреть... Нормальный человек не смог бы выдержать такого зрелища, но Сики пристально разглядывала мертвое тело. Кровь забрызгивала ее призрачно-белое кимоно.

Пятна были похожи на красных бабочек.

Бабочки подлетели к лицу Сики.

К покрытому кровью, искаженному лицу.

Искаженному от страха или от наслаждения?

Это Сики... или СИКИ?

Я попытался что-то сказать и упал на землю. Меня вырвало. Я исторг все, что было в моем желудке, даже желудочный сок, словно пытаюсь избавиться и от этого воспоминания... Меня рвало, пока не потекли слезы. Но это ничего не дало. Мне даже легче не стало. Количество крови огромно, и запах ее такой сильный, что просачивается в мой разум.

В конце концов Сики меня заметила. Она повернула голову и посмотрела на меня. На ее лишённом эмоций лице появилась улыбка - столь невинная, что даже немного меня успокоила. Эта улыбка напомнила мне мать. Улыбка так контрастировала с остальной картиной, что...

Меня пробрала дрожь.

По мере ее приближения мое сознание начало меркнуть. Я запомнил слова Сики, произнесенные в последний момент:

- ...Осторожнее, Кокуто-кун. Дурные предчувствия имеют свойство становиться реальностью.

...Наверное, я и правда глупец. Потому что пытался не думать об этой зловещей реальности до тех пор, пока не увидел ее собственными глазами...

Школу на следующий день пришлось пропустить. Полицейский нашел меня на месте преступления, где я стоял с отсутствующим взглядом, и меня забрали для допроса.

Говорят, я несколько часов не мог ничего сказать. Мне потребовалось около четырех часов, чтобы прийти в себя... Похоже, у моего мозга не очень хорошая система восстановления. Так или иначе, к тому времени, как меня допросили и отпустили, идти в школу было уже поздно.

Способ, которым был убит человек, не оставлял убийце возможности не запачкать свою одежду кровью, а на моей, к счастью, крови не было; к тому же я был родственником Дайсуке, и, наверное, поэтому допрос прошел довольно гладко. Дайсуке предложил подвезти меня домой, и я согласился.

- Так ты никого не видел, Микия?

- Какой же ты настойчивый. Я же сказал, что никого не видел.

Я сердито взглянул на Дайсуке и уселся поглубже на сиденье.

- Понятно. Черт! Если бы ты видел убийцу, это бы очень помогло... Но, думаю, если бы ты его видел, он не дал бы тебе уйти живым. А так как смерти твоей я не желаю, оно, наверное, и к лучшему, что ты никого не видел.

- Не очень хороший из тебя полицейский, Дайсуке.

Отвечать ему будничным голосом было нетрудно, и я ненавидел себя за это. Совесть презрительно называла меня лжецом. Мне не верилось, что я способен врать с таким честным лицом, тем более что речь шла о полицейском расследовании. Если не рассказать правду, будет только хуже... Но я тем не менее ничего не сказал о присутствии Сики на месте преступления.

- Ладно, я рад, что ты невредим. Итак, как впечатления от первого увиденного тобой мертвого тела? - безжалостно спросил он.

- Ужасно. Никогда больше не хочу такого видеть.

- Этот особенный. Не такой жуткий, какими они обычно бывают, так что не переживай. И почему это я не должен переживать?

- Мир тесен, однако. Я не знал, что ты знаком с дочерью семьи Рёги.

Тот факт, что его это веселило, привел меня в еще большее уныние... Убийство, произошедшее перед домом Рёги, посчитали делом рук того же убийцы, и на этом расследование прекратилось. Полиция покинула территорию Рёги сразу после осмотра. По его словам, причиной стало давление со стороны Рёги. Было зафиксировано, что

убийство произошло между одиннадцатью и двенадцатью часами ночи третьего февраля (в воскресенье) и что единственным свидетелем был Микия Кокуто. Но было также зафиксировано, что я оказался там лишь после того, как преступление было совершено, и, увидев место преступления, находился в состоянии шока. Ни я, ни семья Рёги не сказали ни слова о Сики.

- А вы опрашивали людей Рёги? - спросил я, но Дайсуке покачал головой.

- Их дочь учится в вашей школе, и я хотел расспросить их о ней, но они отказались. Сказали, что им нет дела до происходящего за пределами дома. Мне кажется, что они невиновны и не имеют никакого отношения к преступлению.

- Как? - вырвалось у меня.

Хоть по мне и не скажешь, Дайсуке я доверял. Среди своих коллег Дайсуке был известен профессионализмом, благодаря чему и занимал свою должность; поэтому мне казалось, что он может заподозрить Сики.

- Почему ты так считаешь?

- Хм, ну... думаешь, такая красивая девочка могла кого-нибудь убить? Не думаешь, верно? Вот и я не думаю. Для мужчины ответ очевиден.

...И зачем он решил стать полицейским? И вообще, насколько же он беспечнее меня, подумал я со вздохом.

- Понятно. Быть тебе холостяком до конца своих дней.

- Эй, я тебя арестовать мог, между прочим.

Меня бы отпустили за отсутствием улик... Но я был с ним согласен. Хоть у меня и не было его чутья, я тоже считал, что Сики - не убийца. Даже если она сама в этом признается, я буду верить, что это не она. Поэтому мне сейчас надо кое-что сделать.

Преступление приближалось к раскрытию.

С тех пор убийца перестал появляться - до того дня, три года спустя. Тогда мне казалось, что инцидент не имел ко мне отношения.

Это был первый и последний инцидент, в котором были замешаны и Сики, и я.

Познание Убийства (Часть 1) - Конец

Перед моим домом было совершено убийство. О том, что произошло после моего выхода на ночную прогулку, я помнила весьма смутно. Но если сопоставить обрывки моих воспоминаний, совершённое мною кажется очевидным. Я, так же, как и СИКИ, не очень адекватно реагирую на кровь. Один ее вид опустошает мой разум. Кровь, льющаяся из жертвы, была очень красива. Красная жидкость, растекавшаяся по лабиринту между камнями дороги, была исполнена невиданной красоты.

Но из-за этого произошла неприятность. Придя в себя, я услышала, как кого-то рвало за моей спиной. Это был Микия Кокуто. Я не знала, почему он был там, и в тот момент об этом и не задумывалась. После этого я, кажется... вернулась в усадьбу, но о преступлении, похоже, узнали гораздо позднее, и никто не знал, что я была там. Тогда что это было, просто сон? Мой честный одноклассник никак не мог ничего не сказать про убийцу. Ну почему это должно было случиться перед моим домом?

- Это ты сделал, СИКИ? – спросила я вслух, но ответа не получила.

У нас с СИКИ расхождение. С каждым днем оно все сильнее. СИКИ может пользоваться моим телом только с моего позволения, но почему моя память в эти моменты становится такой расплывчатой?

...Возможно, я, сама того не понимая, сошла с ума так же, как и другие из семейства Рёги. СИКИ на это сказал бы: «Если считаешь себя ненормальной, ты ей не являешься». Ненормальному кажется, что ненормальны все остальные, поэтому в себе он не сомневается. По крайней мере, так я считала. А значит, я после шестнадцати лет, наконец, поняла, в чем разница между мной и остальным миром. Но кто стал этому причиной?

- Прошу прощения, госпожа, - сказал Акитака, постучавшись.

- В чем дело?

Акитака открыл дверь с моего разрешения. Поскольку время было позднее, в комнату он не вошел.

- Похоже, кто-то следит за усадьбой.

- Отец говорил мне, что отогнал всех полицейских.

- Полиция покинула территорию прошлой ночью, - кивнул Акитака. – По-моему это кто-то другой.

- Делай что хочешь. Меня это не касается.

- По-моему человек снаружи – ваш друг из школы.

Услышав это, я тут же вскочила с постели и подошла к окну, выходящему на ворота усадьбы. Тот, чей силуэт виднелся в бамбуковом лесу, мог бы спрятаться и получше. ...Это меня взбесило.

- Если желаете, могу его прогнать.

- Не нужно.

Я быстро вернулась в постель. Акитака ушел, пожелав мне спокойной ночи. Я не могла уснуть даже в темноте, с закрытыми глазами. От нечего делать я снова выглянула в окно. Микия дрожал от холода в своей коричневой куртке и, кажется, смотрел на ворота. У его ног банка с кофе. Ну что за человек.

Пришлось отказаться от мысли, что Микия мне просто снится. А раз он действительно здесь, он пришел, чтобы следить за мной. Я не знала, что им двигало, скорее всего – желание убедиться в личности убийцы... Я разозлилась и бессознательно прикусила ноготь.

На следующий день после произошедшего Микия вел себя как обычно.

- Сики, хочешь вместе пообедаем? – спросил он и отправился на крышу.

Казалось, он дрессировал меня с помощью пищи, потому как я всегда принимала его приглашение на обед. Я могла бы его проигнорировать, но мне хотелось узнать, что он думал про ту ночь. Я последовала за ним на крышу, ожидая, что он станет меня расспрашивать об этом, но Микия разговаривал об обычных вещах.

- Тебе твой дом не кажется слишком большим? Я теперь всем могу хвастаться, что видел у тебя настоящего слугу.

Никто не давал Микии право называть его слугой.

- Акитака – секретарь отца. И мы называем их зрителями, а не слугами, Кокуто-кун.

- Ясно, значит, он у вас не один такой.

...Это был единственный раз, когда разговор коснулся моего дома. Был ли он в курсе, что мы видели его во время слежки за усадьбой? Зная его, я так не думала. Он должен был видеть меня в крови той ночью, так почему же он все так же беззаботен, словно ничего и не было?

Я сама подняла эту тему:

- Кокуто-кун, в ночь с третьего февраля...

- Не надо об этом.

Он просто ушел от ответа.

- В чем дело, Кокуто?

...Невероятно, но я, сама того не заметив, заговорила как СИКИ. Микию слегка удивило, что я так его назвала, поскольку я явно была Сики.

- Скажи, почему ты не рассказал обо мне полиции?

- ...Потому что я ничего не видел.

Это ложь. Такого быть не может. Той ночью СИКИ подошел к нему и...

- Ты просто оказалась там, правда? По крайней мере, я видел именно это, поэтому решил верить в тебя.

Это ложь. Иначе зачем бы ему следить за усадьбой?

...СИКИ подошел к нему и...

- Ну, если честно, сейчас об этом немного тяжело думать. Когда я буду чувствовать себя увереннее, смогу тебя выслушать, а пока давай не будем об этом.

От его выражения лица захотелось убежать.

...СИКИ явно пытался убить Микию Кокуто ...

Я этого не хотела. Микия сказал, что будет верить в меня. Если бы я сама могла поверить в себя, я тоже не испытывала бы этой непонятной боли...

С того дня я решила полностью игнорировать Микию. Через пару дней он перестал со мной разговаривать, но не перестал приходить к усадьбе, чтобы следить за мной. Он до трех утра оставался в бамбуковом лесу под холодным зимним небом. В результате я лишилась возможности ходить на ночные прогулки. Так продолжалось около двух недель. Я смотрела в окно и пыталась понять, действительно ли он так сильно хочет выяснить личность убийцы.

Очень уж он настойчив.

Было уже почти три часа утра, но он продолжал наблюдать за воротами. На его лице не было признаков отчаяния – напротив, он, кажется, улыбался, когда уходил.

Меня охватила злость. Я, наконец, поняла. Он не убийцу искал. Для него доверие ко мне – это нечто само собой разумеющееся, поэтому он и не подозревал меня. Он с самого начала знал, что я не выйду ночью. Он здесь лишь для того, чтобы доказать мою

невиновность. Вот почему, когда ночь заканчивалась без происшествий, он радостно улыбался, полагая настоящую убийцу невиновной.

- ...Какой счастливый, - пробормотала я.

Когда я с Микией, мне становится спокойно. Когда я с Микией, мне кажется, что я такая же, как он. Когда я с Микией, мне кажется, что я могла бы перейти на *их* сторону. Но на той, светлой стороне мира меня быть не должно. Мир, в котором я не могу существовать, мир, в котором мне нет места... втягивает меня его улыбкой.

Вот почему Микия, вызывающий во мне все эти мысли, злил меня. Внутри меня убийца по имени СИКИ. Этот мальчик доказывает, что я ненормальна...

- Мне никто не нужен. Ты все портишь, Кокуто.

Сики не хочет сойти с ума.

СИКИ не хочет быть разрушенным.

Все было бы хорошо, если бы у меня не возникла мечта о нормальной жизни.

Пришел март, и холод стал отступать. Я выглянула в окно из класса. Открывавшийся вид с высоты давал мне ощущение безопасности. Я не могу дотянуться до того, что вижу, и это предотвращает появление любого подобия *надежды*. Микия, как обычно, зашел в залитый красным светом класс. СИКИ любил разговаривать здесь... и я тоже ничего не имела против.

- Ни за что бы не подумал, что ты меня пригласишь. Решила перестать игнорировать меня?

- Я хотела поговорить, потому что так дальше продолжаться не может.

Микия нахмурился.

- Ты сказал, что я не убийца, - продолжила я, чувствуя, как личность СИКИ все больше смешивается с моей.

Красный закат был таким ярким, что я не могла разглядеть его лица.

- Прости. Я убийца. Почему ты покрываешь меня даже после увиденного тогда?

- Тут нечего покрывать, ты ведь ничего такого не делала, - с недоумением произнес Микия.

- Даже если я сама это признаю?

Микия кивнул.

- Ты же сама сказала - не воспринимать тебя всерьез. И ты, вне всякого сомнения, не способна на такое.

Меня разозлило, что Микия, совершенно не понимавший моего положения, говорил такое.

- Что значит «вне всякого сомнения»?! - выплеснула я на него свою злость. – Что ты понимаешь?! Что дает тебе основание верить в меня?!

На лице Микии промелькнуло беспокойство, но тем не менее он улыбнулся.

- У меня нет для этого оснований, но я буду верить в тебя. Я люблю тебя, поэтому хочу и дальше верить в тебя.

Это было последней каплей. Сила чистоты... эти слова сломили все своей чистотой.

Эти простые для него слова несли Сики и счастье, и разрушение, от которого ей было не спастись. Этот счастливый человек только что показал мне мир, в котором мне не было суждено жить.

...Мир, который можно разделить с другим, наверное, полон счастья.

...Но мне неведом такой мир.

...Но мне, наверное, неведом такой мир.

Если я сблизюсь с кем-нибудь, СИКИ его убьет, потому что СИКИ существует, чтобы отвергать. А раз я существую, чтобы подтверждать, я не могу существовать без отвержения. Поскольку меня никогда ничего не привлекало, мне не приходилось сталкиваться с этим противоречием. Теперь это случилось, и чем сильнее мое желание, тем сильнее понимание его безнадежности. Этот факт причинял мне сильную боль, и я ненавидела его. Я впервые возненавидела Микию всем сердцем.

...Микия беззаботно рассмеялся.

Но ведь мне никогда не стать такой.

Его существование для меня невыносимо. Я это окончательно поняла. Микия будет причиной моего разрушения...

- Ты дурак, - в сердцах сказала я ему.

- Да, мне это часто говорят.

Я вышла из класса. Красный закат полыхал за моей спиной.

Выходя, я спросила, не оборачиваясь:

- Ты этой ночью тоже придешь?

- Что...? – удивленно спросил он.

Похоже, он не знал, что я заметила его «дежурства». Микия попытался отмолчаться, но я не позволила.

- Ответь.

- Не знаю о чем ты, но если захочется – приду.

Я покинула класс. В красном небе замаячили тучи. Судя по темноте и тяжести туч, ночью, кажется, будет дождь.

/ 5

Ночь.

Тучи начали поливать землю дождем. Бесчисленные барабанившие по земле капли наполняли своим шумом туманную ночь, а воздух был нетипично холоден для марта. Стоя посреди мокрых бамбуковых листьев, Микия наблюдал за усадьбой Рёги. Рука, держащая зонт, покраснела и затекла, и он тяжело вздохнул. Микия не собирался долго продолжать эту шараду с подглядыванием. Было бы неплохо, если бы убийцу поймали, пока он этим занимается, но Микия решил всё прекратить, если в течение следующей недели ничего не произойдет.

...Однако стоять под дождем было утомительно. Холод и дождь измотали его. Микия с трудом держался.

...Он вздохнул.

Не столько из-за дождя, сколько из-за сегодняшнего поведения Сики. Как можно что-то ей объяснить, если она думает, что Микия ей не доверяет? В тот момент Сики выглядела по-настоящему хрупкой, Микии даже показалось, что она плакала.

Дождь не прекращался.

Черные лужи на земле покрыты бесконечной рябью.

Оглушительный всплеск.

Микия поворачивается в направлении звука.

Красная фигура стоит лицом к нему.

Девушка в красном. Промокшая под дождем.

Девушка, у которой не было даже зонта, промокла так, будто только что вышла из океана. Ее черные волосы прилипли ко лбу, в ее взгляде – пустота.

- ...Сики.

Микия быстро подбежал к ней. Сколько времени эта девчонка пробыла под дождем? Красное кимоно липло к ее ледяному телу. Микия дал ей зонт и вытащил полотенце из сумки.

- Вот, оботрись. Что ты делаешь? Вон же твой дом.

Микия протянул руку. Она рассмеялась над его беззащитностью.

- ...Что?

Он не успел понять, что произошло. Руку, которую он ей протянул, обожгло, и Микия отпрянул. Теплота растеклась по руке.

Порез?

На руке?

Почему?

Она не двигается?

Боль настолько острая, что не воспринимается как таковая. Такая сильная, что органы чувств начали неметь. У Микии не оставалось времени на размышления. Девушка в красном, которую Микия знал как «Сики», пришла в движение. Возможно, потому что Микия уже видел здесь нечто ужасное, его разум еще не поднял паники. Спокойно отпрыгнув, он побежал.

...Но убежать было невозможно.

Едва Микия начал движение, она рванулась к нему со скоростью зверя. Микия услышал режущий звук из-под ног. Красная жидкость смешалась с лужами дождевой воды. Увидев, что это его кровь, Микия упал на землю лицом вверх.

Его спина ударилась о землю, и он застонал. Девушка в красном села на Микию, ее горящий взгляд был полон решимости. Она приставила нож к горлу Микии. Он не мог сделать ничего, кроме как наблюдать за происходящим, словно со стороны.

Не существовало ничего, кроме темноты... и её.

В этих черных глазах не было эмоций. Она серьезна, решительна. Острие ножа коснулось горла Микии. Возможно, это из-за дождя, но девушка как будто плакала.

Но на ее лице не было выражения. Не было эмоций.

Эта пустая плачущая маска вызывала страх и жалость одновременно.

- Кокуто, скажи что-нибудь.

Она выслушает его последние слова. Несмотря на дрожь во всем теле, Микия пристально смотрел в глаза Сики.

- Я... не хочу... умирать...

Эти слова были обращены не столько к Сики, сколько к самой стремительно надвигавшейся *смерти*.

Не к Сики.

Она улыбнулась.

- Я хочу убить тебя.

Теплая улыбка.

Граница Пустоты / Начало

Июль, 1998.

Я успешно выполнил свое первое задание, полученное на работе у Токо-сан. В сущности, это была скорее секретарская задача; все, что я сделал – утвердил пачку контрактов у юриста. Мне было досадно, что со мной обращаются как с новичком, но я знал, что, бросив колледж, не имел права рассчитывать на большее.

- Микия-кун, ты ведь сегодня в больницу идешь?

- Да, пойду после работы.

- Можешь идти сейчас, делать все равно нечего.

Токо-сан очень мила, когда она в очках. Сегодня был один из таких счастливых дней, и она протирала ручку своего великолепного автомобиля.

- Тогда я пойду. Вернусь часа через два.

- Возьми мне чего-нибудь!

Расставшись с Токо-сан, я вышел из офиса.

Раз в неделю, в субботу, во второй половине дня, я хожу навещать ее. Я хожу навещать Сики Рёги, девушку, которая с той ночи не может говорить. Я не знаю, через что она прошла или что пыталась сделать. Я даже не знаю, почему она пыталась убить меня, но мне было достаточно ее улыбки в самый последний момент. Как и говорил Гакуто, я уже очень давно сходил с ума по Сики; один взгляд в лицо смерти этого не меняет.

Спящая в больничной палате Сики не изменилась с той ночи.

Я помню тот день, когда мы с Сики разговаривали в классе на фоне заходящего солнца. Она спросила, что давало мне основание верить в нее. Я повторяю ответ, который дал тогда.

...У меня нет для этого оснований, но я буду верить в тебя. Я люблю тебя, поэтому хочу и дальше верить в тебя...

...Какой непродуманный ответ. Я сказал, что у меня нет оснований, но это, конечно же, было не так. Я с уверенностью могу утверждать, что она ни за что никого не убила бы, потому что сама Сики знала боль убийства.

Она и жертва, и нападающий. Она лучше, чем кто-либо знает, как ужасно убийство.

Вот почему я верю в нее. В Сики, не знающую зла, и в СИКИ, знающего лишь зло.

Она всегда была такой хрупкой, словно ей вот-вот причинят боль.

Ты никогда не могла дать волю истинным чувствам.

Три составляющих заняли свое место.

Личность с двумя телами, парящая на доверии к смерти.

Непригодная сущность, получающая наслаждение от контакта со смертью.

Личность, осознавшая свои истоки, обратившаяся к своему эго путем бегства к смерти.

Все они переплетаются друг с другом, образуя спираль конфликта.

3 / Остаточная боль (есть слезы, нет жизни)

Однажды, когда я была еще маленькой, я порезала руку во время игры.

Подделки, имитации, игрушки...

Среди всех этих кухонных приборов оказался один настоящий.

Забавляясь с этой острой игрушкой, я порезала себя между пальцев.

Я пришла к маме с окровавленной рукой.

Я помню, как она отругала меня, заплакала, а потом нежно обняла.

Мама сказала, что мне, наверное, больно.

Я была счастлива, но не из-за слов, которых не понимала, а из-за того, что мама обняла меня, и заплакала вместе с ней.

- Фудзино, когда порез заживет, боль исчезнет... - сказала мама, забинтовывая рану.

Я не понимала, что означают эти слова.

Потому что никакой боли я не чувствовала.

/Остаточная Боль (есть слезы, нет жизни)

3 Remaining Sense of Pain
ever cry. never life.

/ 0

- Необычное рекомендательное письмо вы принесли.

Я находился в университетской лаборатории. Старик, которому очень шел белый лабораторный халат, протянул мне руку со змеиной улыбкой.

- О, сверхъестественные способности? Вас интересуют подобные вещи?

- Нет, просто хочу знать, что они из себя представляют.

- Это и называется «интересовать». Впрочем, какая разница? Использовать визитку в качестве письма... так на нее похоже. Она была выдающейся ученицей, так что меня заботит ее судьба. У нас тут все меньше толковых людей, человеческого ресурса не хватает. Да, к сожалению не хватает.

- Ээ, насчет сверхъестественных способностей...

- Ах да, сверхъестественные способности... Но ведь способности бывают разные. Точных измерений мы здесь не проводим, так что не знаю, смогу ли вам помочь. В моей профессии это зловещая тема, так что в Японии всего несколько лабораторий, которые ею занимаются. Это, знаете ли, черный ящик – детали от нас скрыты. Я вообще-то слышал, что это осуществимо на практике, но у меня есть сомнения. С этим, знаете ли, нужно родиться...

- Да мне нет дела до классификации. Впрочем, думаю это телекинез. Что я хочу знать, так это каково обладать такими способностями.

- Это как каналы. Вы смотрите телевизор?

- Ну да... а что?

- Человеческий мозг можно сравнить с каналами. Какой канал вы обычно смотрите?

- ...Дайте подумать, наверное, восьмой.

- Хорошо. Предположим, что это канал с самым высоким рейтингом, так? Допустим, что в человеческом мозгу двенадцать каналов. Наши с вами мозги всегда на восьмом канале, канале с самым высоким рейтингом. Есть и другие каналы, но нам они недоступны. Канал, который смотрят все... можно ли назвать его «здравым смыслом»? Наш канал – восьмой, так как мы живем со здравым смыслом. Понимаете?

- ...Ээ, так вы утверждаете, что нас заставляют смотреть наиболее безопасные программы?

- Нет-нет. Они действительно лучше. Здравый смысл двадцатого века, канал с самым высоким рейтингом – восьмой канал. Раз он нам доступен, это самый спокойный канал,

так? С этим здравым смыслом мы живем, и этот здравый смысл нас защищает... разве не прекрасно?

- Вы хотите сказать, что другие каналы не спокойны?

- Я не знаю. Предположим, что третий канал понимает речь растений, а не людей. Предположим, что на четвертом канале мозговые волны, приводящие тело в движение, на самом деле приводят в движение что-то еще. Обладание такими каналами – удивительная способность. На них не существует здравого смысла, который пускают в эфир на восьмом канале. Раз самый популярный канал показывает здравый смысл, необходимый для жизни в нашем мире, другие каналы ничего подобного не показывают. Мораль с восьмого канала они не показывают точно.

- То есть отсутствие восьмого канала делает тебя психически неполноценным?

- Угу. Возьмем, например, человека, у которого есть только третий канал. Он может разговаривать с растениями, но не может с людьми. В результате общество обращается с ним как с душевнобольным, и помещает в клинику. Вот что значит обладать сверхъестественными способностями. С самого рождения иметь другие каналы, отличающиеся от окружающих. Но у большинства людей со сверхъестественными способностями есть и каналы вроде четвертого, и восьмой, так что они могут их переключать. Каналы можно переключать когда захочешь, так? Когда смотришь четвертый, не можешь смотреть восьмой. Когда смотришь восьмой, не можешь смотреть четвертый. Чтобы жить в обществе, люди со сверхъестественными способностями используют оба, обычное «я» и ненормальное «я».

- Понятно. Вот почему человеку, у которого есть лишь четвертый канал, чужд здравый смысл... потому что он изначально лишен здравого смысла.

- Именно. Общество называет таких людей маньяками или убийцами, но мы считаем их «непригодными сущностями». Есть много людей, непригодных для общества, но такие непригодны уже по причине своего существования. Это люди, которых не должно существовать... нет, которые не могут существовать. Но давайте пофантазируем, ладно? Если бы некто, владеющий и четвертым, и восьмым каналом, в результате каких-либо повреждений вынужден был бы постоянно находиться на четвертом, на нем можно было бы ставить крест. Несмотря на то, что у него был здравый смысл, он не смог бы находиться на том же канале, что и мы, а значит не смог бы общаться с нами... поскольку находится на другом канале.

- А есть ли способ превратить непригодную сущность в пригодную?

- Можно просто прекратить ее жизнь. Если точнее, нужно уничтожить ненормальный канал. Но это приведет к уничтожению мозга, что равноценно убийству. Нет способа уничтожить канал, не уничтожив человека. А если есть – вот это была бы действительно сверхъестественная способность. Это, наверное, что-то вроде двенадцатого канала. Канал, который может практически все.

Профессор рассмеялся, словно это было очень смешно.

- Вы очень помогли. Кстати, правда, что сгибание ложек – самый распространенный пример телекинеза?

- Что? Ложки сгибаются?

- Насчет ложек не знаю, а вот человеческие руки сгибаются.

- Вы хотите сказать, руки взрослого человека? Это поразительно. Деформация больше зависит от размера объекта, чем от его твердости. Мне казалось, что требуется около семи дней, чтобы согнуть что-нибудь вроде человеческой руки. И в какую сторону? Влево? Вправо?

- А есть разница?

- Конечно есть. Дело в точке опоры. Даже у Земли есть постоянное направление вращения. А тут, значит, нету? Хм... неужели такая сила и вправду существует? Тогда с таким человеком лучше не связываться. У него больше двух каналов. Эта непригодная сущность по-видимому может вращать вещи в обоих направлениях. Никогда не слышал, чтобы у кого-то было два канала, которыми можно пользоваться одновременно; это слишком большая сила.

- Ээ... у меня мало времени, так что надо идти. Надо сегодня добраться до Нагано... так что спасибо за помощь.

- Не за что. С ее рекомендацией можете приходить сколько пожелаете. Да, кстати... у Аодзаки-кун все хорошо?

/ 1

Фудзино Асагами поднялась, все еще находясь в легком оцепенении. В комнате никого кроме Фудзино. Свет выключен... нет, его не было с самого начала. Ее окружала лишь глубокая темнота.

Фудзино выдохнула, ощупывая волосы. Пучок слева был срезан. Скорее всего тем парнем с ножом, который был на ней секунду назад. Вспомнив это, она наконец оглядела помещение. Это был бар в подвале. Заброшенный полгода назад из-за банкротства, он стал местом тусовки трудных подростков. ...В углу стоял складной стул. ...Посреди комнаты – бильярдный стол. ...Вокруг разбросана еда из магазина, а мусор свален в кучу. От них, похоже, исходил неприятный запах. Тошнотворная вонь, стоявшая в помещении, раздражала Фудзино. Это руины... или какие-то трущобы далекой страны? Даже представить невозможно, что по лестнице можно выйти в нормальный город. Единственное, что здесь нормально – запах принесенной ими спиртовки.

- Ой...

Она элегантно огляделась. Разум Фудзино еще не полностью функционировал. ...Она еще не осознала, что только что произошло. Она подобрала кисть руки, оказавшуюся у нее под ногами. На оторванной руке были часы. На цифровом экране было написано «20 июля, 1998». Время – 8PM, после произошедшего даже часа не прошло.

От внезапной боли Фудзино застонала. Сильная боль в районе живота. Она согнулась, не в силах выдержать сдавливающую боль. Ее руки коснулись пола, раздался всплеск. Она увидела, что все помещение затоплено.

- Ну да, точно, сегодня же дождь, - сказала Фудзино вслух, вставая. Она посмотрела на свой живот. Там было немного крови... в том месте, куда ее ранили эти лежащие здесь люди.

Тот, кто ранил Фудзино, был знаменитостью в городе. Из всех бросивших школу подростков он особенно выделялся, считался лидером местных хулиганов. Он собрал группу таких же ребят, и они творили что хотели. Одной из их забав была Фудзино – они ее насиловали. Без особой причины. Скорее всего потому, что Фудзино была ученицей Академии Рэйэн для девушек, и притом очень красивой. Они были грубы и безжалостны, и одного раза им было мало. Они, похоже, понимали, что их за это могли посадить, но, увидев, что Фудзино никому ничего не рассказала и страдала в одиночестве, успокоились. Они поняли, что Фудзино в их власти, и стали постоянно приводить ее сюда. Этой ночью все было также, они были совершенно расслаблены, но однообразие уже стало им надоедать. Он принес нож, по-видимому чтобы сделать однообразный процесс более возбуждающим. Гордость их главаря была уязвлена,

поскольку даже после изнасилования Фудзино продолжала жить нормальной жизнью. Он хотел неоспоримого доказательства своей власти над ней. Приготовившись совершить нечто крайне жестокое, он вытащил нож, но ее лицо оставалось спокойным. Разозлившись на девушку, выражение лица которой не изменилось даже когда к лицу был поднесен нож, он повалил ее и...

- Нельзя идти в таком виде.

Фудзино осмотрела себя, ощупывая залитую кровью одежду. Ее кровь была только на животе, но чужая кровь перепачкала ее с ног до головы. Отмыть, по-видимому, будет непросто.

- Как глупо... так перепачкаться, - пробормотала Фудзино.

Она пнула одну из разбросанных по полу конечностей.

«Меня что, больше злит то, что я перепачкалась в крови, чем то, что они меня насиловали?» - подумала Фудзино, удивляясь собственной ярости. Снаружи идет дождь... в этот час прохожих должно быть немного. Несмотря на дождь, холодно быть не должно – сейчас лето. Она отмокнет под дождем и смоеет кровь в каком-нибудь парке.

...Приняв решение, она вдруг успокоилась. Выйдя из лужи крови, она наконец пересчитала разбросанные трупы. Раз, два, три, четыре... четыре... четыре... четыре, сколько бы она не считала! Она поражена. ...Одного не хватает...

- Один значит ушел?... – чуть слышно пробормотала она.

А значит меня поймает полиция. Если он пойдет к ним, меня арестуют. Но... пойдет ли он в полицию? Как он сможет им все объяснить? Расскажет им для начала, как насиловал меня, Фудзино Асагами, и угрозами заставлял молчать? Исключено. Это невозможно, и у подобных людей мозгов не хватит выдумать убедительную историю.

Немного расслабившись, Фудзино зажгла стоящую на столе спиртовку. Она осветила все помещение. Стали отчетливо видны шестнадцать разбросанных по полу рук и ног. При желании можно было найти четыре тела с головами. Залитая оранжевым светом комната окрашена свежей красной краской – безумное зрелище. Фудзино мало интересуется эта жуткая сцена. ...Один сбежал. Ее месть еще не закончена... К счастью, еще не конец.

- Мне придется мстить?

Фудзино пугала мысль, что придется убить еще одного человека. Ее тело задрожало, словно говоря ей, что этого делать нельзя; но если она этого не сделает, опасность

будет грозить ей самой. Но все равно, она не хотела больше делать ничего плохого... В самом деле не хотела.

...На отразившемся в луже крови лице рот скривился в улыбке.

Остаточная боль - 1

Июль подходил к концу, и в моей жизни стали происходить различные странные события, вроде пробуждения подруги после двухлетней комы, выполнения мною второго большого задания на работе и визита сестры, с которой я пять лет не виделся. Свое девятнадцатое лето Микия Кокуто начал в суматохе.

Сегодня был один из моих редких выходных, но мой школьный товарищ привел меня на вечеринку. Я увидел, что опоздал на последнюю электричку. Остальные уехали на такси, но, поскольку зарплата ожидалась лишь завтра, таких денег у меня не было. Делать было нечего, я решил идти до дома пешком. К счастью, мой дом был всего в двух станциях отсюда. Число как раз сменилось с двадцатого июля на двадцать первое.

Было за полночь, я в одиночестве шел по ночному городу. Поскольку завтра будний день, торговые районы быстро погрузились в спячку. Этой ночью шел сильный дождь. Он прекратился до полуночи, но на асфальте еще сохранялись следы дождя, и на мокрой земле раздавались всплески. Была середина лета, и температура превышала тридцать градусов. Сочетание горячего ночного воздуха и влажности после дождя было неприятным. Я увидел девушку, сидящую на тротуаре. Девушка в черной школьной форме держалась за живот, сидя у ограждения. Я заметил, что ее форма имитирует одежду монахинь. Этот дизайн, сочетавший простоту и причудливость вечернего платья, принадлежал Академии Рэйэн для девушек, и был, по словам Гакуто, очень популярен среди любителей «этого дела», что-то вроде костюма горничной. ...Я-то не из таких, просто там учится моя сестра.

- Я слышал, что все тамошние ученицы живут в общежитии...

Странно, что она здесь в такое время. Она должно быть в беду попала, или просто плохая ученица, нарушающая школьные правила. Поскольку она все-таки училась в той же школе, что и моя сестра, я решил поговорить с ней. Когда я позвал ее, она медленно повернулась, взмахнув длинными волосами. Девушка, кажется, тихо охнула. У нее очень длинные волосы. Ее взгляд, как и сама она, выглядел спокойным. У нее маленькое лицо... милое, но с благородными чертами. Подходящий баланс для японской красавицы. Длинные волосы отброшены назад, а небольшой отделенный ухом пучок спускается на грудь. Но пучок с левой стороны был будто срезан. Ровно подстриженная челка навевала мысль о воспитанной девушке из уважаемой семьи.

- Да? В чем дело? – спросила девушка с бледным лицом. Ее губы были фиолетового цвета. У нее явно был цианоз. Одну руку она держала на животе, лицо было искажено от боли.

- У тебя живот болит?

- Нет, ммм... Я, ммм...

Она пыталась выглядеть спокойной, но ее речь выдавала ее. На вид девушка была довольно хрупкой. Казалось, что она вот-вот сломается, прямо как Сики, когда я ее впервые встретил.

- Ты – ученица Академии Рэйэн, да? На электричку опоздала? Отсюда далеко. Хочешь, я тебе такси поймаю?

- Нет, не надо. У меня денег нет.

- Да, у меня тоже нет.

Девушка удивленно посмотрела на меня. ...Я понял, насколько глупым был мой ответ.

- Ясно. Так у тебя, наверное, дом рядом. Я слышал, что у вас все живут в общежитии, но, как видно, разрешают уходить.

- Нет, мой дом далеко.

Я озадаченно склонил голову.

- Так ты что, вроде как сбежала?

- Да, думаю только это мне и остается.

...Я был в замешательстве. Выглядела она промокнутой. Наверное, не смогла найти укрытия от того дождя, раз с нее вода стекала. Я с некоторых пор не переношу вида промокнувших под дождем девушек. Наверное, поэтому у меня вырвалось:

- Хочешь на эту ночь у меня остаться?

- А можно...?

Все еще продолжая сидеть, она смотрела на меня полным отчаяния взглядом. Я кивнул.

- Никаких проблем, я живу один. Но обещать ничего не буду. Дурных намерений не имею, но если что случится, могу начать приставать. Я здоровый парень, так что имей в виду. Если тебя это не пугает, пойдём. Зарплату я, к сожалению, еще не получил, тут я тебе мало чем помогу, но вот болеутоляющее у меня есть.

Девушка обрадовалась. Ее беззащитная и невинная улыбка в свою очередь порадовала меня. Я протянул ей руку, и она грациозно поднялась.

...Мне показалось, что там, где сидела девушка, остались красные пятна...

Вместе с этой незнакомкой я продолжил путешествие по ночному городу.

- Идти неблизко, если будет плохо – скажи. Уж девушку то я на спине донести смогу.

- Хорошо, но рана зажила, так что мне не больно, - сказала она, но за живот по-прежнему держалась. Ей было явно нехорошо.

- Живот болит? – снова спросил я.

Ответив отрицательно, девушка снова затихла. Некоторое время мы молча продолжали идти, затем она покачала головой.

- ...Да. Очень, очень болит. Я сейчас заплачу... можно я заплачу?

Я кивнул, и девушка удовлетворенно закрыла глаза. Словно смотрела сон.

Девушка не назвала своего имени, так что я решил не называть своего. Мне это показалось романтичным. В квартире она сказала, что хочет воспользоваться душем. Еще сказала, что хочет высушить одежду, и я решил выйти. Я ушел под предлогом покупки сигарет. Я чувствовал себя хорошим человеком, отправляясь за сигаретами, которые не курю.

Вернувшись где-то через час, я застал ее спящей на диване. Я поставил будильник на семь тридцать и лег в постель. Я заснул, тревожимый мыслями о порезе в ее форме, в районе живота.

Когда я проснулся следующим утром, девушка сидела в комнате, словно ей нечем было заняться. Она поклонилась, увидев, что я проснулся.

- Спасибо что помог. Мне нечем тебе отплатить, но я очень благодарна.

Девушка встала и собралась уходить. ...Мне стало немного неловко, что ей пришлось сидеть и ждать просто чтобы сказать мне это.

- Постой, ты хотя бы позавтракай.

Девушка послушно подчинилась. Из еды остались лишь макароны и оливковое масло, так что на завтрак, естественно, были спагетти. Я быстро приготовил две порции и поставил на стол. Было слишком тихо, так что я включил телевизор – и увидел жуткие новости.

- ...Ого, Токо-сан такое понравилось бы, - пробормотал я, и, будь она здесь, она бы чем-нибудь в меня запустила. ...Но новость действительно необычная. Я слушал ведущего, рассказывающего о событиях прошедшей ночи.

Этой ночью в заброшенном полгода назад подвальном баре было найдено четыре тела. У всех четырех жертв по-видимому были оторваны конечности, и место преступления

было залито кровью. Место было недалеко отсюда, примерно в четырех станциях от того, где ночью был я. Как ни странно, было сказано что конечности оторваны, а не отрезаны, но в новости на этом подробно не останавливались, перечисляя вместо этого информацию о жертвах.

Все четыре жертвы были старшеклассниками – просто подростки, слонявшиеся в том районе. По-видимому они также наркотики употребляли, и человек на экране отвечал на вопросы телеведущего о личной жизни жертв.

- ...Думаю, эти парни заслужили смерть, - донеслось из телевизора, и я, разозленный таким отношением к умершим, выключил телевизор. Я посмотрел на девушку и увидел, что она схватилась рукой за живот. Судя по тому, что она не съела ни куска, ей было очень плохо. Я не видел выражения ее лица, так как она опустила голову.

- ...Никто не заслуживает смерти, - сказала она, тяжело дыша. – Почему... Все зажило, так почему?!..

Девушка вскочила со стула и побежала к двери. Я бросился за ней, но она жестом остановила меня. Она, кажется, не хотела, чтобы я подходил.

- Поймай. Думаю, тебе надо успокоиться.

- Ничего. Я знала... Мне нет пути назад.

Ее лицо исказилось от боли. Эта боль напоминала боль Сики. Успокоившись, девушка поклонилась мне и открыла дверь.

- Прощай. Надеюсь, что никогда больше тебя не встречу.

И она просто ушла. Ее лицо было как у японской куклы, за исключением взгляда.

По ее взгляду казалось, что она вот-вот заплачет.

Остаточная боль - 2

После происшествия с незнакомкой я отправился на работу. У организации, в которой я работаю, нет официального названия. Она специализируется на создании кукол, но большинство производимых нами работ связаны с архитектурой. Президенту, женщине по имени Токо Аодзаки, уже почти тридцать, и эта чудачка купила заброшенное здание, чтобы устроить в нем свой офис. Получается, что это скорее дорогостоящее хобби, чем фирма. По различным причинам я решил работать у нее и теперь хожу сюда каждый день. Не все идет гладко, но в целом я доволен. Считаю, что мне повезло. Есть недостатки, но терпимые.

...В таких размышлениях я добрался до места. Это четырехэтажное здание, с офисом на четвертом этаже. Расположенное между жилым и промышленным районом здание выглядит необитаемым. Вид у него, несмотря на достаточно небольшую высоту, гнетущий. Я поднялся по лестнице, так как лифта не было.

Войдя в кабинет, я увидел необычную посетительницу, стоящую среди разбросанного как всегда хлама. Девушка в черном кимоно повернулась, направив на меня свой пронзительный взгляд. ...На кимоно был узор в виде рыбок...

- О, Сики? Что ты делаешь в этой дыре?

- Плохо, что это место для тебя «дыра». Так уж получилось, что ты в этой дыре работаешь, Кокуто.

Токо-сан, сидевшая за спиной Сики, сердито смотрела на меня. Одета как всегда неброско, во рту сигарета. На ней были черные брюки, белая рубашка и серьга в одном ухе, естественно оранжевая. По неизвестным мне причинам она, кажется, считает необходимым постоянно носить что-нибудь оранжевое.

- А ты рановато сегодня. Я же говорила, работы пока нет, приходи к полудню.

- Да не могу я.

В самом деле. Содержимое бумажника не позволяет. Непокойно мне, когда в бумажнике только проездной на электричку и карточка на телефон.

- Кстати, что здесь Сики делает?

- Я позвала. Она мне для одного дела нужна.

Сики молчала, сонно потирая глаза. ...Опять гуляла по ночам? ...Прошел лишь месяц с тех пор, как она вышла из комы. Нам почему-то неловко разговаривать друг с другом. Увидев, что Сики разговаривать не настроена, я сел за свой стол. ...Заняться было нечем, и я решил поболтать. К счастью, тема нашлась быстро.

- Токо-сан, видели новости утром?

- Ты наверное про Широкий Мост. По-моему, в Японии такой большой мост не нужен, не заграница ведь.

Ее комментарий привел меня в недоумение. Речь шла о большом мосте, длиной около восьмисот метров, который планировали достроить в следующем году. Наш город расположен недалеко от порта. Добраться до порта можно за двадцать минут езды, но путь этот неудобен. Проще говоря, по прямой было бы гораздо короче. На карте эта местность похожа на полумесяц, и, чтобы добраться с одного конца до другого, приходится делать большой крюк. Городская строительная группа объединила усилия с крупной строительной компанией, чтобы устранить то, что они назвали причиной общественных жалоб. Они стали прокладывать между концами полумесяца прямой путь в виде моста... Большая часть денег на его постройку шла, разумеется, с наших налогов. По-моему, типичный случай – правительство говорит, что якобы реагирует на общественные жалобы (хотя на самом деле никаких жалоб не было), что в свою очередь приводит к общественным жалобам. Еще на мосту будут располагаться музеи, аквариумы, большие стоянки и тому подобное – не мост, а просто парк аттракционов. До недавнего времени его называли Мостом Залива, но со слов Токо-сан получается, что его официально называли Широким Мостом. Ни мне, ни Токо-сан не нравится идея постройки этого моста.

- Вы вроде не в восторге от этой идеи, Токо-сан, а место для галереи все равно получили.

- У меня выбора не было. Один знакомый дал мне это место в качестве оплаты. Я некоторым образом связана со Строительной Компанией Асагами, так что просто перепродать его не могу. И что толку от места, на котором денег не сделаешь?

С ее ворчания складывалось ощущение, что у нее проблемы с деньгами. Меня охватило очень нехорошее предчувствие.

- Ээ, извиняюсь за прямоту, можно мне зарплату получить?

- Кокуто, насчет зарплат... у меня, к несчастью, нет денег. К сожалению, придется подождать до следующего месяца, - невозмутимо сообщила Токо-сан. Она разговаривала так, будто это я был злодеем.

- Минуточку! У вас в банке вчера было миллион сто двадцать тысяч йен! Вы хотите сказать, что они все исчезли?!

Раскачиваясь в кресле, Токо-сан объяснила, что она все потратила. Сики с завистью на нее смотрела. ...Да уж, Токо-сан в этом кресле явно уютно. Стоп, мне сейчас не до этого.

- На что вы потратили деньги, Токо-сан?

- Да так, купила одну дурацкую вещицу. Доску Уиджи Викторианской эпохи. Особого эффекта от нее ожидать не приходится, но она все же не совсем бесполезна – все-таки ей больше сотни лет. Какой бы обыкновенной она не была, немного маны и большой возраст придают ей некоторую ценность. Впрочем, полезность ее в любом случае значения не имеет. Купила я ее, если хочешь знать, просто потому, что это часть моего хобби.

Не понимаю я ее. Эта женщина, Токо Аодзаки – маг. По-моему лучше бы она была кем-то вроде волшебницы, но приходится смириться с реальным положением вещей.

- Она внезапно появилась в продаже, вот я ее машинально и купила, - продолжала оправдываться маг. – Не сердись. Я тоже без денег.

...Не сердиться? Она многого хочет. Я от нее немало чудачеств видел, и считал эту ее черту довольно забавной, но такого стерпеть не мог.

- Вот значит как? В этом месяце зарплаты не будет?

- Угу. Найди деньги где-нибудь еще.

Я поднялся.

- В таком случае я уйду искать средства к существованию на этот месяц. Вы не против?

- Ладно. Кстати, Кокуто, хочу попросить тебя об одолжении, - сказала Токо-сан совсем другим голосом.

Возможно это связано с приходом Сики... Я успокоился и остановился.

- Что такое, Токо-сан?

- Можешь занять мне немного денег? Я, как видишь, на мели.

- ...Да ни за что.

Хлопнув дверью, я покинул офис.

- Токо, давай к делу, - заговорила наконец Сики, все это время наблюдавшая за разговором Микии и Токо.

- Верно. Не люблю браться за такую работу, но жить мне не на что. ...Черт, на что угодно готова ради денег, а ведь не алхимик какой-нибудь. А все потому, что Кокуто мне денег не дает.

Затушив сигарету в пепельнице, Токо заявила, что у нее плохое настроение. Сики подумалось, что настроение Микии вероятно еще хуже.

- Итак, что касается произошедшего этой ночью...

- Я слышала достаточно. Я поняла, что произошло.

- Отлично... Я лишь описала место преступления, а ты уже все поняла? А ты проницательна.

Токо многозначительно посмотрела на Сики. Токо лишь описала обстоятельства убийства, произошедшего между семью и восемью часами прошлого вечера, а Сики уже вникла в суть преступления. Явное свидетельство того, что Сики близок мир Токо.

- У клиента есть предположение насчет личности убийцы. Твоя задача – взять ее под контроль, если это возможно, но при малейшем сопротивлении... клиент сказал убить ее.

Сики кивнула. Задача была понятна. Найти убийцу и убить ее.

- А что потом?

- Если придется убить – все будет улажено, выставят как несчастный случай. Официально она уже мертва, клиент об этом позаботился. Закон не запрещает убивать мертвую. Что скажешь? По-моему работа как раз для тебя.

- Могла бы и не спрашивать, - сказала Сики, направляясь к выходу.

- Куда торопишься, есть что ли хочешь?

Сики не ответила.

- Вот ее фотография и данные. Куда ты собралась, не зная, как она выглядит?

Сики посмотрела на Токо, бросившую ей папку с информацией. Папка упала на пол.

- Мне это не нужно. Это явно убийца моего типа. ...Так что если мы встретимся, сразу же попытаемся убить друг друга.

Сики покинула офис, сопровождаемая шелестом кимоно и холодным взглядом.

Другого выхода не было. Выйдя из офиса, я решил занять немного денег у приятеля. Мы решили встретиться в столовой колледжа, который я бросил в июне. Гакуто пришел после полудня. Он очень вырос со школы. Когда я рассказал ему о цели встречи, он сделал озадаченное лицо.

- Невероятно. Ты позвонил только чтобы занять денег? Ты правда Микия Кокуто?
- Угу. Ты важный для меня человек. Радуйся.
- Да чему тут радоваться? И вообще, почему у родни не займешь?
- Я поссорился с родителями когда бросил колледж и с тех пор с ними не разговаривал. Как это по-твоему будет выглядеть, если я приду сейчас к ним с такой просьбой?
- Ха, ну ты упрямый. Сильно поссорились?
- Тебя это не касается. Так займешь денег или нет?
- Уу, да ты сегодня не в духе.

Сердито посмотрев на него, я сказал что это не его дело, но занять мне немного денег он согласился.

- Благодаря твоей популярности я наверняка смогу быстро собрать для тебя пятьдесят или шестьдесят тысяч йен... а если нужно еще больше, могу занять из своих. Но не просто так.

...По-видимому он хотел попросить меня об услуге. Гакуто огляделся, чтобы убедиться, что нас никто не слышит.

- Короче говоря, хочу чтоб ты кое-кого поискал. Это один из наших кохай, он до сих пор не вернулся домой. Он кажется замешан в странном преступлении.

Рассказ Гакуто меня встревожил. Пропавшего кохай звали Кэйта Минато. Он не объявлялся с прошлой ночи и, по словам Гакуто, был в компании убитых той ночью подростков. Той же ночью Кэйта Минато связался с одним из своих друзей, но вел себя как-то странно, и этот друг обратился за помощью к Гакуто.

- Кэйта говорил, что его будто бы собирались убить. Это был единственный звонок, а теперь он даже не берет трубку. По словам говорившего с ним парня, он реально слетел с катушек.

Слетел с катушек... видимо речь о наркотиках... Легкие наркотики для начинающих на сегодняшний день дешевы и достаточно доступны. При желании даже школьники могут раздобыть Л; впрочем, у них и желания то такого возникать не должно...

- Слушай, ты правда считаешь, что с такого рода делишками ко мне надо обращаться?
- А как же. Поиск людей – твой талант.

Я помолчал.

- Этот Кэйта наркотики употребляет?

- Нет, их употребляли убитые. Не помнишь Кэйту? Один из тех ребят, что тебя обожали.

...В школе я почему-то был популярен среди некоторых кохай. Наверное из-за моей дружбы с Гакуто, не знаю.

- Самое логичное – предположить, что ему просто снесло крышу от нового наркотика. Какие они употребляли? Возбудители или депрессанты?

Есть два типа наркотиков: возбудители, которые словно опьяняют, вызывая ощущение бодрости, и депрессанты, которые, соответственно, вызывают депрессию. Гакуто назвал возбудитель.

- Плохо, если он употребляет наркотики, чтобы подавить страх. Возможно убийца и правда преследует этого паренька. Ладно, я этим займусь. Расскажи о его друзьях.

Гакуто протянул мне адресную книжку, словно только этого и ждал. Для той компании было характерно наличие большого числа друзей, и Кэйта не был исключением. Напротив многих имен указаны номера мобильных телефонов, для каждой компании – места тусовок.

- Я свяжусь с тобой, как только найду его. Могу обеспечить его безопасность – ты ведь не против?

«Обеспечить безопасность» подразумевало передать его Дайсуке, полицейскому. Гакуто понимающе кивнул. Соглашение достигнуто. Для начала поисков я занял у него двадцать тысяч йен.

Попрошавшись с Гакуто, я отправился на место убийства. У меня было ощущение, что эти поиски потребуют немало усилий. Я понимал, что мне не следует лезть в эти дела, но и понимал также, что паренек в опасности, и потому не мог отказать Гакуто...

Зазвонил телефон. После пяти звонков включился автоответчик, и после гудка я услышала знакомый голос.

- Доброе утро Сики. Можешь сделать одолжение? Я должен в полдень встретиться с Адзакой в кафе под названием «Аненербе», но, видимо, не смогу. Тебе ведь нечем заняться? Можешь сходить туда и сказать, что я прийти не смогу?

Звонивший повесил трубку. ...Превозмогая сонливость, я повернулась к стоящим у кровати часам... «22 июля, 7:23АМ» Я вернулась домой лишь четыре часа назад. Организм все еще жаждал сна, возможно из-за того, что я гуляла по городу до трех утра с тех пор, как получила задание от Токо. Я натянула одеяло. Летняя жара меня не особо тревожила. Я с детства неплохо переносила жаркую и холодную погоду и, похоже, до сих пор неплохо переношу. Я немного полежала, и телефон зазвонил снова. Включился автоответчик, и на этот раз я услышала голос, который предпочла бы не слышать.

- Это я. Новости видела? Не видела, да? И не надо. Я тоже не видела.

...Мои подозрения окончательно подтвердились. Ее мыслительные процессы совершенно непостижимы. Истинного смысла слов Токо мне просто не понять.

- Этой ночью было три смерти. Очередная прыгнувшая со здания самоубийца и два убийства «в состоянии аффекта». В новостях их не показали, а значит, чем-то необычным не считают. Но есть еще одно странное происшествие. Если хочешь подробностей, приходи ко мне. Хотя не надо. И так сойдет. Ладно... скажу просто, чтобы даже ты своей сонной головой усвоила. Только что появилась еще одна жертва.

Звонившая повесила трубку. Я начала злиться. Появилась жертва или не появилась, меня это не касается. Не нужна мне эта информация, я с собой то разобраться не могу. Смерть незнакомого человека заботит меня меньше, чем падающий на меня солнечный свет.

Когда сонливость прошла, я, наконец, встала. Приготовила завтрак, какой прежняя Сики ела в течение шестнадцати лет своей жизни. Я поела и стала собираться. В этот раз надела простое оранжевое кимоно, для прогулок по городу я предпочитаю его. ...Даже мой выбор одежды – всего лишь привычка из прошлого. От чувства, что я наблюдаю за кем-то посторонним, хотелось прикусить язык. Два году назад, когда Сики Рёги еще было семнадцать, я такой не была. Два года в коме не просто изменили меня. ...Эти два года пустоты дали мне что-то – ощущение, что я действую не по собственной воле. Мне все время кажется, что нити под названием «шестнадцать лет в роли Сики Рёги» управляют мною словно марионеткой. Но это, должно быть, просто самообман. Сколько бы я не проклинала себя за пустоту и фальшивость, на самом деле я действую по своей воле. Ничьей другой воли тут быть не может.

Когда я закончила одеваться, было почти одиннадцать. Я воспроизвела первое сообщение на автоответчике. Снова раздался голос, который я слышала так много раз. Голос, который должен был затеряться в воздухе, оказался вот так просто записанным.

...Микия Кокуто.

Последний, кого я видела два года назад...

Одноклассник, два года назад увидевший, как я утратила самоконтроль...

У меня сохранились воспоминания о нем, но нет последней сцены. Хотя нет, воспоминания того года, начиная с момента нашего знакомства, полны провалов. Не хватает многих важных составляющих. Почему с Сики произошел тот несчастный случай... Почему она в тот момент смотрела в лицо Микии... Так хочется, чтобы забытые воспоминания были где-то записаны. Провалы в памяти тревожат меня и не дают нормально разговаривать с Микией.

...Автоответчик замолчал. Странно, что мои тревоги немного рассеиваются при звуке его голоса. Возникает ощущение, что у меня есть твердая опора, но ведь голос опорой быть не может. Это, должно быть, тоже самообман. Скорее всего так и есть.

Единственная реальность, которую я теперь способна ощущать – жгучее возбуждение, возникающее, когда я убиваю.

Аненербе оказалось кафе в античном стиле. Прочитав надпись на немецком, я зашла внутрь. Уже наступил полдень, но посетителей было немного. Не знаю как его строили, но внутри было темно, особенно в глубине, у стойки. Освещены были лишь столики у двери. Четыре окна были единственным источником света. Свет из этих окон заливал столики, словно вырезая их из тьмы. Контраст этот выглядел величественно, возможно из-за яркости солнечного света. Адзака Кокуто сидела за столиком в самой глубине. Две девушки, одетые в форму западного стиля, сидели рядом, дожидаясь Микию.

- Две?..

Я об этом ничего не знала. Микия говорил только про Адзаку. Про другую девушку речи не было. Я изучала их, приближаясь. У них были схожие черты лица и они были красивы, выглядели как и подобает ученицам Академии для девушек, хотя впечатление создавали совершенно разное. У Адзаки твердый взгляд, выражающий готовность принять любой вызов; даже ее женственные манеры не могут этого скрыть. Если Микию любят за его обаяние, то Адзакой следует восхищаться за ее суровость. Девушка рядом с Адзакой выглядит довольно хрупкой. Ее осанка ровна и грациозна, но впечатление она производит такое, будто вот-вот сломается.

- Адзака, - позвала я, подойдя к их столику.

Адзака, нахмурившись, посмотрела на меня.

- Сики... Рёги.

Ее голос был полон враждебности. Она даже не пыталась это скрыть. Ее женственность – всего лишь маска.

- Я жду брата. С тобой я не разговариваю, - сказала Адзака, сохраняя спокойствие.

- А у меня как раз от него сообщение. Он сказал, что прийти не сможет. Он тебя кинул.

Адзака ахнула. То ли ее шокировало, что он не смог прийти, то ли что именно я пришла сказать ей об этом.

- Сики, это должно быть твоих рук дело!..

Адзака сжала кулаки. Похоже ее шокировал именно мой приход.

- Не говори глупостей. Я сама жертва. Этот эгоист послал меня передать, что прийти не сможет.

Адзака с ненавистью посмотрела на меня.

- Кокуто-сан, это неожиданность для всех нас, - попыталась успокоить Адзаку сидящая рядом девушка, словно опасаясь, что та начнет швыряться посудой.

У нее был тонкий голос. Я отпрянула.

- ...Ты права, мы же сегодня ради тебя пришли. Прости, Фудзино, мне не следовало выходить из себя.

Адзака извинялась перед девушкой по имени Фудзино. Я посмотрела на тихую девушку. Она тоже посмотрела на меня.

- Тебе... не больно? – вырвалось у меня.

Девушка, не отвечая, лишь продолжала рассматривать меня. Безо всяких эмоций, словно жучков на природе. Внутри меня происходила борьба. Интуиция подсказывала, что эта девушка – мой враг, а разум – что она им быть не может.

- ...Нет, не может быть.

В конце концов я решила поверить разуму. Не может эта девушка, Фудзино, получать удовольствие от убийства. У нее нет для этого причин. Да и вообще, не смогли бы ее тонкие руки оторвать человеческие конечности. Вот если бы у нее были необычные глаза, вроде моих...

- Это все, - сказала я Адзаке, быстро утратив интерес к той девушке. – Что-нибудь ему передать?

- «Брат, прошу, немедленно прекрати общаться с этой девчонкой».

Адзака в самом деле потребовала это передать.

- «Брат, прошу, немедленно прекрати общаться с этой девчонкой», - серьезно сказала Адзака одетой в кимоно девушке по имени Сики. Мне было довольно тревожно из-за напряженной атмосферы между ними. Они, казалось, держали ножи у горла друг друга, выжидая удобного момента. Подобная атмосфера меня пугает. Оставалось лишь молиться, чтобы обошлось без происшествий. К счастью, они закончили разговор, и девушка в кимоно удалилась изящной походкой. Я смотрела ей вслед. Сики говорила очень мужеподобным голосом. Из-за этого я не смогла определить ее возраст, но ей, наверное, примерно столько же, сколько мне. Ее фамилия Рёги... возможно она из тех Рёги; это объяснило бы наличие дорогого на вид кимоно, явно сделанного на заказ. Если она из Рёги, я не удивлюсь, если у нее есть собственный пошивщик кимоно.

- ...Красивая она, - прошептала я, и Адзака кивнула. Меня восхищает ее способность быть честной даже по отношению к той, которую ненавидит.

- Но она меня пугает. ...Она мне не нравится.

Адзаку это, кажется, удивило. Это вполне понятно, я и сама себе удивилась, потому что, я, вероятно впервые в жизни, испытывала антипатию к кому-то.

- Неожиданно. Я думала, ты из тех людей, которые вообще не способны ненавидеть кого-либо, но видно ошибалась.

- Ненавидеть?..

...Разве неприязнь и ненависть – одно и то же? Я никогда так не считала. Я просто почувствовала, что не смогу поладить с той девушкой. Я прикрыла глаза. Сики Рёги. Зловещие черные волосы, зловещая белая кожа, и эти зловещие бездонные пустые глаза. Она посмотрела на меня, и я встретила ее взгляд. И каждая из нас увидела, что сокрыто в другой. Она видит лишь кровь. Она убивает по собственному желанию. Она пытается причинить боль другим. ...Эта девушка – убийца.

Но я не такая. Думаю, что не такая. Потому что я такого никогда не желала. Я снова и снова повторяла это в темноте закрытых глаз. Но ее образ не уходил. ...Мы двух слов друг другу не сказали, но ее образ был запечатлен в моем сознании.

- Прости, Фудзино. Я тебе выходной испортила.

Услышав слова Адзаки, я открыла глаза и улыбнулась отработанной улыбкой.

- Ничего. Мне все равно не хотелось.

- Ты и правда выглядишь довольно бледной. Это едва заметно, потому что у тебя кожа и так очень белая.

Не хотелось мне не поэтому, но я все равно кивнула. Я видела по реакции своего тела, что оно не в порядке, но не заметила, что это видно по моему лицу.

- Похоже, выбора нет. Я сама попрошу Микию, а на сегодня закончим, ладно?

Адзака беспокоилась о моем здоровье. Я поблагодарила ее.

- Может, не следовало передавать то сообщение для твоего брата?

- Ничего страшного. Я ему и так сто раз уже говорила. Он уже, наверное, привык. На самом деле это проклятие. Слова, повторяемые снова и снова, способны притянуть к себе реальность. Это и есть девичье проклятие. В нем грусть и несчастье, - объяснила она, и я не знала, насколько серьезна она была. Я была привычной к ее непредсказуемости и молча слушала красивый голос Адзаки.

...Она всегда на первом месте по успеваемости и даже в десятке лучших по стране. Она немного странная, но очень воспитанная. Адзака – одна из моих друзей в Академии Рэйэн. Мы обе поступили туда в старших классах. Поскольку «сквозная» учеба в Рэйэне начинается с младших классов, в старших классах туда поступают редко. Благодаря этому мы встретились и сблизились настолько, что иногда даже вместе проводим выходные. Сегодня Адзака хотела устроить мне встречу с ее братом, чтобы он для меня кое-кого нашел.

В средних классах я ходила в местную школу, и как-то раз, на соревновании, со мной заговорил сэмпай из другой школы. ...Последнее время мне было тяжело, но мысль об этом сэмпайе мне помогала. Когда я рассказала об этом Адзаке, она сказала, что надо его найти. Оказалось, что ее брат тоже из тех мест и многих там знает. Она сказала, что он здорово умеет находить людей нашего возраста. ...Не то чтобы я действительно хотела с ним встретиться, но настойчивой Адзаке отказать не смогла, и мы решили его поискать. Сегодня мы ждали ее брата, но он, кажется, не смог прийти. ...Для меня это было даже облегчением.

Мне не очень нравится вся эта затея, потому что... я случайно столкнулась с ним два дня назад. И я смогла сказать то, чего не сказала три года назад. Я сделала то, что хотела, и искать его снова смысла не было. Наверное, Бог знал, что брат Адзаки мне больше не нужен, и потому он не смог прийти.

- Пошли отсюда. Без толку оставаться тут больше часа, тупо заказывая одни напитки.

Адзака поднялась. Может она и расстроилась, что не смогла увидеться с братом, но поднялась все равно элегантно. Временами она ведет себя очень по-мужски. Возможно

дело в манере разговора. Ее формальный тон исчезает – как сейчас – и она становится развязной, как парень. И это не притворство, а просто часть ее характера. Я очень люблю свою подругу. ...Поэтому мне не следует больше с ней видеться.

- Адзака, пожалуйста, возвращайся в общежитие одна. Я сегодня опять у родителей заночую.

- Вот как? Ну хорошо, но Сестра будет недовольна, если ты слишком долго будешь отсутствовать. Не увлекайся.

Помахав рукой, Адзака покинула кафе. Оставшись одна, я взглянула на вывеску. «Аненербе» - в переводе с немецкого означает «наследие».

Адзака ушла, и я начала бесцельно бродить по улице. Я солгала, сказав, что вернусь домой, к родителям. Мне теперь было некуда идти. Я даже в школе не появлялась с позавчерашней ночи. Отцу, вероятно, уже сообщили об отсутствии без уважительной причины. Если я приду домой, меня спросят, где я была. Я не очень умею врать и могу проболтаться. И тогда... отец меня возненавидит.

Я – дочь матери от предыдущего брака. Отцу нужны были лишь дом и земля матери, а я была как бы в комплекте. Поэтому я очень старалась не вызвать его ненависти. Честная женщина, как мать, ученица, которой может гордиться отец, обычная девушка, не вызывающая подозрений... Я всегда хотела быть такой.

Не ради других, а ради себя. У меня всегда была эта мечта, она мне помогала. Но ей пришел конец. Волшебства больше не было, сколько бы я не искала. Я продолжала идти, солнце начало садиться. Я миновала множество прохожих и множество равнодушно мигающих светофоров. Люди старше меня, люди младше меня, все выглядят такими счастливыми. Мое сердце сжалось от боли. Я попробовала ущипнуть себя за щеку. ...Ничего не почувствовала. Ущипнула сильнее. ...Ничего. Отчаявшись, я прекратила и заметила кровь на кончиках пальцев. Видимо ущипнула так сильно, что ногти проткнули кожу. Но я все равно ничего не почувствовала. Не чувствовала себя живой.

Мне это показалось смешным, и я хихикнула. Почему сердце чувствует боль, а я не чувствую? И вообще, что такое сердце? Откуда моя боль – из сердца или из мозга? Когда в мозг поступают слова, направленные причинить боль личности по имени Фудзино Асагами, он, защищаясь, порождает рану. Поскольку рана сообщает человеку о боли, любые сказанные мною в ответ слова – это просто лекарство, смягчающее боль. Вот почему я, хоть и не чувствую боли, понимаю ее сердцем. Но это, наверное, всего лишь иллюзия. Определенно иллюзия. Настоящую боль словами не излечить. Боль в сердце ничтожна, ее забываешь быстро; а вот рана на теле причиняет боль до тех пор, пока не заживет. Это – сильное доказательство жизни.

Если то, что называют сердцем, находится в моем разуме, значит там должна быть и рана. Значит я должна быть способна чувствовать боль, как в последние дни. Если воспоминания о днях, когда они меня насильовали, превратились в раны...

...Я снова вспомнила их смех и жестокие лица. Все эти изнасилования и угрозы. Когда тот парень с ножом набросился на меня, живот обожгло, и одежда на животе оказалась порезана. Поняв, что меня сейчас зарежут, я стала защищаться. Покончив с ними, я осознала, что жжение в животе было болью. Сердце снова сжалось. «Не прошу». Эти слова снова и снова повторялись в моей голове.

- Ах...

Мои колени дрогнули. Опять началось. Живот был в огне. Словно невидимая рука сжимала мои внутренности.

Меня затошнило. ...Обычно я не чувствую тошноты. Закружилась голова. ...Обычно я сразу теряю сознание. Онемела рука. ...Обычно я ее вообще не чувствую, только вижу. Это настоящая боль. ...Да, я чувствую себя живой.

Начало болеть место удара. Внезапно вспыхнула боль уже зажившей раны. Давным-давно мама сказала мне, что зажившая рана болеть не будет. Но она солгала. Рана от того ножа все еще болела, хоть и зажила.

...Но знаешь, мама, мне нравится эта боль. Для меня, никогда не чувствовавшей себя живой, нет ничего более живительного. Остаточная боль – не иллюзия.

- Надо быстро его найти, - прошептала я, тяжело дыша. Надо отомстить. Надо убить сбежавшего мальчишку. Это нехорошо, но в противном случае станет известно, что я – убийца. А я не хотела этого, ведь я наконец-то обрела чувство боли. Я хотела продолжать наслаждаться чувством жизни. И я заставила свое тело, испытывающее боль с каждым движением, идти в сторону места их тусовок. Я плакала от остаточной боли в животе. Но в тот момент даже это недомогание казалось прекрасным.

Расставшись с Адзакой, я вернулась домой, а с наступлением ночи вышла в город. Пока что убито было пятеро. Четверо из них – в том подвальном баре два дня назад. Еще один, по словам Токо, вчера на стройплощадке. Я не видела связи между убитыми два дня назад и убитым прошлой ночью, но это не означало, что такой связи не было. Микия как-то сказал, что у тех, кто живет ночной жизнью, много общего. Отсюда высокая вероятность, что у тех четверых есть что-то общее с убитым вчера.

- Та девушка...

Я вдруг вспомнила девушку, которая была с Адзакой. Аура смерти текла в ней словно по капиллярам. Поскольку к своим глазам я еще не привыкла, увиденное застало меня врасплох. Это было ненормальным. Возможно даже в большей степени, чем я. Но сама девушка была нормальной. От нее пахло кровью, и ее глаза, похожие на мои, словно говорили, что она не знает, по какую сторону границы находится. Она, судя по всему, и была объектом моей охоты, но я все еще пребывала в сомнениях. У этой девушки не было мотива. У нее, в отличие от меня, не было причин убивать из удовольствия, не было темной стороны, получающей наслаждение от убийства.

Наслаждение от убийства... Что подумал бы Микия Кокуто, если бы услышал такое? Отругал бы меня, сказав, что убивать нехорошо?

- Дурак.

Или это я дура? Микия Кокуто сказал, что я не изменилась. Видимо, я не отличаюсь от той, кем была до комы. Но разве я всегда ходила на прогулки по ночам? ...Была ли я всегда ненормальной, ищущей, кого бы убить?

Нет, не так. У Сики не было такого желания. Точнее, было, но не обладало приоритетом. А следовательно, за это отвечал СИКИ. Мужское начало, СИКИ Рёги, ян, внутри женщины, Сики Рёги, инь. Я задумалась о напрашивающемся выводе. Он был внутри меня, но больше его нет. А раз его нет, значит он умер. А в таком случае... это желание убивать может быть лишь моим собственным. Как и сказала Токо, работа как раз для меня – я, без сомнения, рада возможности кого-нибудь убить.

...Полночь почти наступила. Я доехала на электричке до станции, на которой бываю редко. Из этого вечно бодрствующего, шумного города вдали был виден большой порт.

Расставшись с Адзакой, я выбрала следующий пункт назначения. Я не знала, куда мог побежать уцелевший, но полагала, что был способ его найти. Единственными, кто общался со мной напрямую, были четверо, которых я убила, и тот, который убежал, но было также множество мест, в которые они меня водили. Если я пойду туда и спрошу, куда отправился уцелевший, смогу найти, где он скрывается. Поскольку такие, как он,

не могут обращаться в полицию или в школу, полагаться они могут только на своих. Держась за горящий живот, я шла по ночному городу. Мои колебания насчет визита в сомнительные заведения стали казаться глупыми на фоне мучившей меня боли и воспоминаний об изнасилованиях.

По третьему посещенному мною адресу я встретила человека, назвавшегося другом Кэйты. Он работает в большом здании, переделанном под клуб караоке. Неприятно улыбнувшись, он согласился немного поговорить со мной. Улизнув с работы, он повел меня в «тихое место, чтобы поговорить». По своему длительному опыту я знала, что мы направлялись к месту их сборищ. Такие люди способны учуять слабых. Этот человек с притворно-ласковой улыбкой, должно быть, увидел во мне легкую добычу, которую можно изнасиловать. Он, наверное, знает, что друзья Кэйты Минато меня тоже насиловали. Вот почему он беззаботно повел меня туда. Зная это, я все же согласилась пойти с ним. Этот мужчина, который был на несколько лет старше меня, направлялся в безлюдное место. Держась за живот, который стал болеть еще сильнее, я сосредоточилась.

...Полночь почти наступила. Я шла за мужчиной, мысленно проклиная многочисленные изнасилования. Из этого вечно бодрствующего, шумного города вдали был виден большой порт.

Мужчина понимал, что ему повезло. Кэйта любил хвастать, как они с друзьями развлекались с этой девчонкой из девчоночьей школы. Кэйта делал с ней что хотел, а потом расписывал, что именно делал, но мужчина отношения к этому не имел. Его мало что связывало с компанией Кэйты, и они были с разных районов, поэтому рассказы Кэйты его обычно мало заботили. Но чтобы та девчонка сама к нему пришла!

Надо брать, пока дают. Мужчина решил уйти с работы и отвести Фудзино кое-куда. ...Не то чтобы он по сексу изголодался. Для таких как он, изнасиловать девушку впятером или вшестером – не редкость. Но мужчина решил не звать своих друзей. Причина в том, что Фудзино – дочь главы Строительной Компании Асагами. Он сможет получить много денег, если изнасилует ее и пригрозит обнародовать этот факт. Кэйта со своими друзьями не очень соображают в таких делах. Наверное, их главарь не очень умен. А может наоборот, они умны и не нуждаются в деньгах? Впрочем, неважно. Как бы то ни было, мужчина был счастлив. Он не стал звонить друзьям, поскольку не хотел потом делиться полученным.

Фудзино Асагами, девушка, которая пришла расспросить его о Кэйте Минато, молча следовала за ним. Обычное место тут не годилось. Мужчина направился в район портовых складов. Была почти полночь, и район складов был безлюден. Поскольку все склады были одинаковы и размещались одинаково, место было похоже на завод. Фонарей немного, и в пространстве между складов его никто не потревожит. Мешать будет только шум волн да огни Широкого Моста, строящегося на другом берегу.

- Здесь поговорим, - заговорил наконец мужчина, заведя Фудзино в темноту. – Так ты меня о чем-то хотела спросить?

Мужчина решил сначала ответить на ее вопрос. Интуиция подсказывала ему, что набрасываться с ходу было бы неразумно.

- Да, вы случайно не знаете, где Кэйта-сан?

Фудзино держалась за живот, опустив голову. Ее ровно подстриженные волосы закрывали от мужчины ее лицо.

- Последнее время я его не видел. У него и квартиры то своей нет, поэтому он живет у разных знакомых. Связаться с ним тоже не выйдет, у него мобилы нет.

- Нет... Связаться с ним я могу.

- Что?

Какую-то глупость девчонка говорит. Она может с ним связаться, но не знает где он? Она что, обезумела от постоянных изнасилований? Впрочем, так оно наверное и лучше, но мужчина все же был немного разочарован. Он снова сделался вежливым.

- Ну и отлично. Если ты можешь с ним связаться, просто спроси где он.

- Понимаете... Кэйта-сан не хочет говорить мне, где он прячется. Поэтому я хожу и расспрашиваю его друзей. Ответьте пожалуйста... Мне все равно, знаете вы или нет.

- Э-эй, погодь. Что значит прячется? Он что, в какое-то дерьмо вляпался?

Мужчину встревожили странные слова девушки. Прячется... значит ли это, что полиция знает об изнасилованиях Фудзино? Нет, в таком случае сама бы она не пришла. Мужчина задумался, но не смог найти ответа, потому что... ..Потому что он не смотрел новостей.

- Впрочем, какая разница? А почему ты говоришь, что тебе все равно, знаю я или нет? Ты с самого начала это задумала? Ты сюда типа не из-за Кэйты пришла, а чтоб мужика нового найти?

На этот раз мужчина рассмеялся искренне. «Вот повезло, сделаю денег безо всяких ухищрений». К тому же Фудзино Асагами – красивая девушка, которую обычно просто так не заполучить. Куча денег и красавица. Разве не это называют удачей?

- Прости, надо было тогда сразу тебя к себе отвести. Или тебе тут типа больше нравится?

Девушка в черной форме кивнула.

- Но сначала, пожалуйста, скажите, знаете ли вы, где Кэйта-сан?

- Ты че тупая, можешь уже больше не отмазываться. Да я вообще не знаю, где он может быть.

Девушка с удовлетворенным видом подняла на него взгляд. Смотрящие на мужчину глаза ненормальны. В этих лишенных эмоций янтарных глазах были лишь свет и спираль.

...Это ненормально...

Мужчина не обращал внимания на эти глаза, но почувствовал что-то странное. Его рука двигалась сама по себе! Сустав согнулся. Локоть закрутился где-то на девяносто градусов и продолжал сгибаться... ..И, наконец, сломался.

- Ч-че?!.. – вырвалось у него.

Участь его была уже предрешена. Он ошибался, думая, что ему повезло. Ему очень не повезло.

В темном переулке, куда даже лунный свет не проникал, поднимался занавес трагедии.

Крик вскоре перешел в нечеловеческий стон. Руки мужчины больше не были похожи на руки. Плетеное кольцо... или резинка, изогнутая для запуска самолетика. ...В любом случае, в качестве человеческих рук они больше функционировать не могли.

- П-п-помогите!..

Мужчина бросился бежать от девушки, которая просто стояла перед ним. В ту же секунду что-то подняло его в воздух, и правая нога оторвалась в колене. Кровь хлынула как из ведра. Залитые кровью стены были похожи на картины. Фудзино Асагами продолжала смотреть своими лишенными эмоций глазами.

- С-с-со... согн-н-н-нул-ась!!!..

Его речь стала бессвязной. Фудзино решила не обращать на нее внимания.

- ...Согнись, - пробормотала она.

Она произносила это слово все это время. Подруга сказала ей, что многократно повторяемое слово может превратиться в проклятие. Мужчина на земле мог шевелить только головой. У него изогнуты обе руки и нет правой ноги. Кровь из ноги заливала землю. Фудзино вступила в нее. Красный ковер. Ее туфля погрузилась в красную жидкость. Летняя ночь была жаркой, и влажный воздух раздражал ее кожу. Запах крови тоже ее раздражал.

Опустив взгляд на мужчину, извивавшегося словно гусеница, Фудзино вздохнула. Она ненавидела себя за то, что сделала, но в то же время понимала, что собиралась сделать это с самого начала. По поведению мужчины она поняла, что он не знал о произошедшем в подвальном баре. Но со временем он бы узнал. И Фудзино, искавшая Кэйту, натолкнула бы его на подозрения. Поэтому выбора у нее не было. Этот мужчина с самого начала собирался сделать то, что сделал. Это, пусть и не напрямую, тоже часть мести Фудзино Асагами. Мести тем, кто ее насильовал.

Теперь ее способность к насилию многократно превосходила их способность.

- Прости... но я должна это сделать.

Вместе с оставшейся, левой ногой мужчины оборвалась и его жизнь. Фудзино смотрела на подергивающееся тело. Теперь она понимала, что чувствовал мужчина. А раньше не знала. Не понимала, почему люди так реагируют на боль. Но теперь, познав боль, она могла очень хорошо его понять. И это ее радовало. Быть живой – это чувствовать боль.

- Наконец-то... Я могу быть нормальной.

Моя боль, боль окружающих. Это я сделала с ним такое. Я нанесла ему эти раны. А значит Фудзино Асагами сильнее. Вот что значит быть живой – внутри меня жуткая сущность, способная испытывать наслаждение жизнью лишь через совершение этих зверств.

- ...Мама. Неужели я так ужасна, что способна на такое?

Боль в животе становилась невыносимой. Сердце бешено заколотилось. По спине пробежал холодок...

- Я не хочу убивать...

- Ошибаешься.

Фудзино обернулась, услышав внезапно раздавшийся голос. У начала прохода между складами стояла девушка в кимоно, а в портовых водах за ее спиной отражался лунный свет.

...Сики Рёги стояла там...

- Сики... сан?

- Фудзино Асагами... Понятно. Ты, должно быть, приходишь от АСАГАМИ – «бог».

Сики приблизилась легкой походкой. Почувяв запах крови, она прикрыла глаза. Не от отвращения, а от удовольствия.

- Давно ты...

Фудзино не закончила своего вопроса. Ответ очевиден.

- Все это время. Я наблюдала за тобой с тех пор, как ты привела сюда этот кусок мяса.

Ее ледяной голос заставил Фудзино вздрогнуть. Сики все видела. Видела, но все равно вышла. Видела, но не помешала. Знала, что произойдет, и просто смотрела...

...Ненормальная...

- Не называй его, пожалуйста, куском мяса. Это человек. Это труп человека, - запротестовала Фудзино, хотя и сама думала иначе. Ей казалось, что называть того мужчину куском мяса – это слишком.

- Да, человек даже после смерти остается человеком, - кивнула Сики. - Смерть сама по себе не превращает его в кусок мяса. Но это – не человеческая смерть, верно? Люди так не умирают.

Сики сделала еще шаг.

- Человек, окончивший жизнь не по-человечески – больше не человек. Даже если у убитых тобой остались головы на плечах и не было ран на торсе, нормальными их назвать нельзя. Те, кто не вписывается в границы нормального, лишены изначального смысла. Вот почему *это* – всего лишь кусок мяса.

Фудзино вдруг почувствовала отвращение к девушке. Сики утверждала, что и она, Фудзино, и этот труп – ненормальны, совсем как сама Сики Рёги, наблюдающая за произошедшей трагедией с неизменным выражением лица.

- ...Нет. Я не сумасшедшая. Я не такая, как ты! – резко выкрикнула Фудзино.

- Ты такая же, Асагами, - засмеялась Сики, словно ее это по-настоящему забавляло.

- Не говори чушь.

Фудзино уставилась на Сики. Взгляд Фудзино начал искажаться. Пробудилась сила, которой она обладала еще в детстве.

Но внезапно сила исчезла.

Это удивило обеих. Фудзино Асагами удивила исчезнувшая сила. Сики Рёги удивила внезапная перемена в Фудзино Асагами.

- Опять?.. Черт, да что с тобой такое? – разозлилась Сики. Она с расстроенным видом почесала голову.

- А так я бы тебя убила. И в кафе с тобой такое было. ...Ладно. Разочаровала ты меня. Ты мне больше неинтересна, - сказала Сики, после чего повернулась и пошла прочь. Звуки ее шагов стали удаляться.

- Иди домой. Если пойдешь домой, больше не встретимся.

И ее фигура исчезла. Фудзино продолжала неподвижно стоять в луже крови.

...Я снова такая, как раньше. Я снова ничего не чувствую.

Фудзино еще раз взглянула на мужчину. Чувство, жившее в ней до этого, исчезло без остатка. Теперь она испытывала лишь чувство вины. В памяти остались слова Сики. Слова о том, Фудзино – убийца, такая же, как Сики.

- Нет... я не такая, - чуть не плача, прошептала Фудзино. Она совершенно не желала убивать. Ее начало трясти при мысли, что придется продолжать подобное, чтобы найти Кэйту Минато. Потому что убийство – непростительный грех. В самом деле непростительный.

...На отразившемся в луже крови лице рот скривился в улыбке.

Остаточная боль - 3

Ранним утром двадцать третьего июля я наконец добрался до убежища Кэйты Минато. С помощью сведений, полученных от его друзей, среднего радиуса его появлений и понимания его способа мышления я, потратив целый день, сумел наконец вычислить его укрытие. Это был один из домов, расположенных вдали от жилого района... Он проник туда и жил в квартире на шестом этаже. Позвонив в дверь, я негромко позвал:

- Кэйта-кун. Я пришел помочь тебе по просьбе твоего сэмпая. Я вхожу.

Дверь не была заперта, и я тихо вошел. Освещения не было, и, хотя было уже утро, в квартире было темно. Я прошел через деревянный коридор в гостиную. Из пустой гостиной просматривались кухня и спальня.

- Ты в задней комнате, да? Я вхожу.

Рядом со спальней была еще одна комната. Открыв дверь, я увидел, что в комнате царит крошечная тьма, так как все занавески задернуты. Когда я открывал дверь, раздавался сдавленный крик. ...Как я и думал, в комнате не было ничего. Комната без мебели была похожа на безжизненный ящик. Внутри был только паренек примерно шестнадцатилетнего возраста, мусор из-под еды и мобильный телефон.

- Ты – Кэйта Минато-кун, верно? Жить здесь не очень полезно. К тому же неправильно занимать эту квартиру, даже если тут никого нет. Тебя могут посчитать грабителем, понимаешь?

Когда я вошел в комнату, Кэйта прижался к стене. ...Лицо его было жутко исхудавшим и изможденным. С того происшествия прошло всего три дня, а щеки его впали и глаза покраснели. Было очевидно, что он не спал. Поговаривали, что он употребляет наркотики, но это было не так. Он сходил с ума безо всяких наркотиков. ...Увидев ту жуткую сцену, он просто не желал возвращаться к реальности. Чтобы хоть как-то сохранить рассудок, он оставался в этой темной комнате. Для него это весьма опасный способ защиты, но на несколько дней способен помочь. Я мысленно издал вздох облегчения – успел.

- ...Кто ты?

В его голосе еще чувствовались остатки здравого смысла. Он все еще пребывал в смятении после пережитого. Возможно он боялся убийцы, и неизвестно, что сделал бы, если бы я приблизился. При малейшем сомнении он решит, что я враг. А вот если с ним поговорить... Если с ним поговорить, к нему должен вернуться разум. Я решил остаться на месте и поговорить, вместо того чтобы пытаться успокоить его вблизи.

- Кто ты?

В ответ я поднял обе руки.

- Я друг Гакуто, тоже сэмпай. Микия Кокуто, помнишь меня?

- Кокуто... сэмпай?

Он явно не предполагал меня тут встретить. Он стоял с растерянным видом, а через секунду заплакал.

- Сэмпай. Зачем ты пришел ко мне?

- Я пришел помочь тебе, потому что ко мне обратился Гакуто. Мы боялись, что ты попал в беду.

Я спросил, могу ли я подойти поближе, но Кэйта резко замотал головой.

- Я отсюда не выйду. Если выйду, меня убьют.

- Если останешься, тоже убьют.

Глаза Кэйты расширились. Он злобно на меня посмотрел. Я достал сигарету и закурил. ...Я вообще не курю, но этот жест помогает выглядеть спокойным и успокоить собеседника.

- Я слышал о том, что произошло. Ты ведь знаешь, кто убийца, Кэйта-кун? – спросил я, выпуская дым, но он продолжал молчать. – Тогда я немного сам с собой поговорю. В ночь с двадцатого вы были на месте ваших тусовок, в баре Синкиро. Той ночью шел дождь. Я сам той ночью был на вечеринке, но это к делу не относится. Когда я по просьбе Гакуто отправился на твои поиски, мне многое про вас рассказали. Мне кажется, я знаю, чем вы занимались в ту ночь. А вот полиция, полагаю, пока не знает. Люди вашего круга не любят помогать полиции.

Я пожал плечами, сказав, что это нехорошо. На лице Кэйты появился страх иного рода. Не страх того, что должно произойти, а страх того, что содеянное станет известно.

- В ту ночь, кроме вас, там был еще один человек. Школьница, которой вы угрожали. Не знаю ее имени, но ее видели спускающейся в бар. В полицию девушка не ходила. Более того, с тех пор ее вообще не видели. Но и трупа ее не нашли, в отличие от остальных четверых. Не знаешь, что с ней случилось?

- Не знаю... Не знаю никакой девушки.

- Тогда получается, что ты убийца. Пойду позвоню в полицию.

- Постой, я не убивал!.. Да я бы так и не смог...

- Угу, мне тоже так кажется. Так девушка все-таки была?

Немного помолчав, Кэйта кивнул.

- Но тогда возникает другой вопрос. Того, что там произошло, девушке совершить не под силу. Вы были под кайфом?

Паренек покачал головой. Не на вопрос о причастности девушки, а на вопрос об их неадекватности.

- Одной девушке ни за что не справиться с пятью парнями.

- Но так и было!.. Я сразу подумал, что она странная, но это было просто безумие какое-то! Чудовище... Она – чудовище!

Он затрясся и закрыл лицо руками, видимо вспоминая произошедшее.

- Она просто стояла, а всех вдруг скрутило. Я слышал, как ломаются их кости, и ни черта не понимал. ...Когда она убила двоих, я понял, что Фудзино – ненормальная, что она убьет меня, если я там останусь!

Рассказ Кэйты был явно бредовым. Он утверждал, что девушка по имени Фудзино оторвала всем конечности, не сходя с места, одним взглядом. Не знаю, почему он решил, что это она – видимо просто почувствовал... как жертва чувствует убийцу. Но... сгибание предметов одним лишь взглядом? Поверить было трудно, но я принял это как факт. Как можно что-то отрицать, зная Сики с ее глазами смерти и Токо-сан, мага? Впрочем, мое внимание привлекла еще одна деталь.

- Хорошо. Я верю, что это сделала та девушка, Фудзино.

- ...Что?

Кэйта удивленно поднял голову.

- Нет... врешь. В такое никто не поверит! Прошу, скажи что врешь!

- Давай предположим, что это фокус, скажем, что-то вроде гипноза. Не важно, не задумывайся об этом. Не пытайся принять то, чего не способен понять. Однако... что ты имел в виду, когда сказал, что она странная?

К Кэйте, кажется, возвращался рассудок. Он стал понемногу успокаиваться.

- Ну просто она... странная. Будто притворяется все время, реагирует на все с запозданием. Ее выражение лица не изменилось даже когда Главный ей угрожал. Не изменилось даже когда ее накачали наркотой, а когда ее били ей будто и больно не было.

- ...Ясно.

Я знал, что они насильовали Фудзино, но, когда он стал вот так об этом рассказывать, лишился дара речи. Они насильовали девушку по имени Фудзино в течение полугода, и

она убила их в отместку. Можно ли назвать это правосудием, или понятия «справедливость» и «законность» в данном случае несовместны? Впрочем, в тот момент мне не хотелось об этом думать.

- Она вообще-то отлично выглядела, но с ней было не прикольно. Словно куклу имеешь. А, один раз было иначе, это недавно было. Среди нас один отморозок был. Его прикалывало, что выражение ее лица не менялось, столько бы он ее не бил, и он в конце концов притащил битую и ударил ее по спине. Сказал «ШЛЕП!» и как врезал. Ее лицо перекошило от боли. Мне стало немного спокойнее, потому что я увидел, что она тоже чувствует боль. Мне это запомнилось, так как той ночью она вела себя по-человечески.

- Так, заткнись пока что.

Кэйта закрыл рот. Я боялся, что не смогу сохранять самообладание, продолжая слушать подобное.

- Ситуацию я понял. Можно пойти в полицию, у меня там знакомый. Это, наверное, второе по безопасности из известных мне мест.

Я подошел к нему, чтобы помочь подняться, но Кэйта отскочил.

- Нет, в полицию не пойду. К тому же... если выйду, она меня убьет. Лучше остаться здесь, чем быть разорванным на куски!

- Убьет, если выйдешь?..

Странная формулировка. Похоже, между нами по-прежнему какое-то сильное недопонимание. ...Я понял бы, если бы он сказал, что она его найдет если он выйдет. Но он, как ни странно, пропустил эту часть и сразу сказал, что она его убьет. Словно она за ним... следит. Я наконец понял, что означал телефон, лежащий у его ног.

- ...Фудзино Асагами звонит тебе.

При этих словах Кэйта снова задрожал.

- Ей уже известно об этом месте?

Паренек ответил, что он не знает.

- Когда я убежал, у меня был телефон Главного. Когда все были убиты, она позвонила мне. Сказала, что во что бы то ни стало найдет меня! Поэтому мне надо прятаться!

- Почему телефон все еще у тебя? – спросил я, хотя заранее знал ответ.

- Потому что она говорит, что убьет меня, если я его выкину! Говорит, я должен держать его при себе, если не хочу умереть! Говорит, что если он будет у меня, она меня пощадит!

...Ну и дела... Какой сильный запрет.

- Но она каждую ночь звонит. ...Она сумасшедшая. Два дня назад встретила с Сёно, вчера с Кохэем... сказала, что убила их, потому что они не знали где я. И ласково добавила, что это для моего же блага! Сказала, что я должен прийти к ней, если не хочу, чтобы гибли мои друзья... Ни за что не приду!!!

...Что это за страх? Телефон, по которому каждую ночь звонит та, что пытается его убить. ...*Сегодня я тебя не нашла. Один из твоих друзей умер вместо тебя. Приходи, если не желаешь их смерти. Можешь не приходить, тогда убийства будут продолжаться... ..и рано или поздно я тебя найду...*

- Что делать? Я не хочу умирать. Я не хочу так умирать! Они кричали от боли! Они кашляли кровью и их шеи скрутило как тряпки!

- Надо выкинуть телефон. Иначе будут еще жертвы.

- Ты что, не понял?! Я же сказал, она меня убьет если выкину!

Из-за этого погибли двое невинных людей. Из-за этого Фудзино Асагами пришлось совершить два бессмысленных убийства.

- Она все равно тебя убьет, если останешься здесь.

Затоптав сигарету, я подошел к нему и с силой потянул за руку.

- Сэмпай, не надо, пожалуйста. Я ничего не могу. Пожалуйста, не трогай меня... не трогай меня... нет, постой, мне страшно. Я больше не хочу быть один. Пожалуйста, помоги!..

- Я помогу, - кивнул я. – В полицию не пойдем. Отведу тебя в самое безопасное из известных мне мест.

Защитить его могли только в одном месте – у Токо-сан. Убедив себя, что это лучшее решение, я покинул дом вместе с Кэйтой.

Остаточная боль - 4

Я описал ситуацию Токо-сан и попросил защитить Кэйту. Уложив не спавшего с той ночи паренька на свой диван, она вернулась в кабинет, где ее ждали мы с Сики. Токо-сан села в кресло, а Сики стояла, прислонившись к стене. Я сидел на диване, прямо перед Токо-сан. Когда Кэйта заснул, они обе наконец расслабились и сообщили мне, что я слишком добрый. Я с кислым видом выслушал их критику.

- Так и знал, что издеваться будете.

- Раз знал, не лез бы в это. Такие, как он, легко пользуются твоей добротой.

- Выбора не было. Тут случай особый.

Токо-сан задумалась над моим ответом. Несмотря на резкие слова, она согласилась взять Кэйту под защиту. А вот Сики была против. Она, похоже, всерьез разозлилась, потому как молча сверлила меня взглядом.

- Особый, говоришь? Признаю, случай необычный, но что ты теперь собираешься делать? Думаешь найти и переубедить ее?

- ...Да, думаю. Вечно держать его здесь нельзя, а Фудзино Асагами может продолжить убивать. По-моему, единственный выход – встретиться с ней и поговорить.

- Дурак. Поэтому мы и говорим, что ты слишком добрый.

Сики даже и не пыталась сдерживаться. Она и раньше не сдерживалась, но сейчас была особенно агрессивна. Она была действительно зла.

- Ты не отговоришь ее, уже слишком поздно. Она не остановится, пока не достигнет цели. Впрочем, сомневаюсь что она и после остановится. У нее перепутались средства и цель.

- Сики, ты так говоришь, как будто знаешь ее.

- Знаю, и даже встречалась. Она была вчера с Адзакой.

Поразительно. Непонятно, почему Адзака была с Фудзино Асагами. У них же нет ничего общ... А может и есть. Я знал лишь, что Фудзино – школьница, но если она из Академии Рэйэн для девушек, это меняет дело.

- Медленно работаешь, Кокуто. Ты еще не собирал информацию про Фудзино Асагами?

- Эй, да я имя то ее впервые услышал два часа назад. Моей задачей было помочь Кэйте Минато, так что времени на подобные вещи у меня не оставалось.

...Но у меня было плохое предчувствие. Не потому, что я беспокоился за Адзаку... это было больше похоже на раздражение, возникающее, когда приходится думать о том, о чем думать не хочется.

- ...Так Фудзино Асагами все еще ходит в школу?

- Нет, с той ночи она не появлялась ни дома, ни в общежитии. В школу тоже не ходила – исчезла бесследно. Адзака сказала, что не видела ее со вчерашнего дня.

- Токо-сан, когда вы все это успели узнать?

- Недавно. Ее родители наняли меня, чтоб я ее нашла. От Сики я узнала, что Адзака вчера была с Фудзино Асагами, но Адзака, по-видимому, не заметила в подруге ничего необычного.

Какая ирония, если бы встреча с Адзакой была днем позже, или я нашел Кэйту раньше, вчерашней жертвы могло бы и не быть.

- Получается, защита Кэйты Минато – занятие, не лишнее смысла. Раз мы не можем ее найти, используем его как приманку. Если сработает, будет жарковато, так что вам с Кэйтой лучше остаться здесь.

И я наконец понял... для чего здесь нужна была Сики.

- Жарковато?.. Что вы собираетесь делать с Фудзино Асагами?

- Зависит от обстоятельств, возможно придется прибегнуть к силе. В конце концов, этого даже клиент желает. Он не хочет, чтобы его дочь объявили убийцей. Он сказал избавиться от нее прежде, чем дело получит огласку.

- Что? Но она же не без причин убивает!.. Я думаю, с ней можно поговорить.

- Нельзя. Ты не все знаешь. Ты не знаешь про последний удар, который довел ее до убийства. Погрузив Кэйту в сон, я заставила его признаться. Он рассказал, что главарь в последнюю ночь напал на Фудзино с ножом. Она, по-видимому, была ранена. Вот что подвигло ее на месть.

...Нож... Так ей угрожали ножом даже после изнасилования? Но почему из этого следует, что ей уже не помочь?

- Проблема вот в чем. Ее ранили в живот в ночь с двадцатого. Сики встретила ее два дня спустя. И раны у нее уже не было... Она полностью зажила.

- Ранили в живот...

Стоп. Дальше не думай. Разум попытался остановить меня, но не преуспел. Ночь с двадцатого, ученица Академии Рэйэн, рана на животе...

- По словам Кэйты, по телефону она говорила, что не может простить их, потому что рана продолжает болеть. Болит уже зажившая рана. Скорее всего боль от удара ножом приходит, когда она мысленно возвращается к моменту изнасилования. Ужасные воспоминания вызывают ужасную боль. Я уверена, что эта боль – иллюзия, но для нее она, должно быть, реальна. Это как приступ. Каждый раз, когда Фудзино охватывает существующая лишь в ее воспоминаниях боль, она убивает. Кто гарантирует, что этого не случится во время разговора с ней?

Но это значит, что пока она не чувствует боли, с ней можно говорить. Прежде чем я успел это сказать, заговорила Сики:

- Ошибаешься, Токо. Ей действительно больно. Боль по-прежнему в ее теле.

- Не может быть. Получается, ты ошиблась, сказав, что ее рана полностью зажила, Сики?

- Рана от ножа зажила. В ней нет ни кусочка металла. Ее боль по-настоящему появляется и исчезает. Когда ей больно, становится слишком поздно, а когда не больно – неинтересно. Я же говорила, я ушла, потому что ее даже убивать смысла не было.

- Ну, если бы в ней до сих пор были кусочки металла, она была бы уже мертва... но зажившая рана, которая продолжает болеть – это как?

Токо-сан с озадаченным видом достала сигарету. Меня слова Сики тоже привели в недоумение. Рана болит, пока не заживет – это нормально. Но как может время от времени возвращаться боль уже зажившей раны? Как будто само чувство боли осталось в теле.

- ...Оо.

Меня вдруг осенило. Это не было связано с ее непонятными симптомами, но я вдруг понял, почему Кэйта назвал ее странной.

- Кокуто, это что, такая новая оздоровительная процедура – распевание гласных?

...Вряд ли кто-нибудь стал бы такое выполнять, даже если б помогало.

- Нет, я про странность Асагами.

Токо-сан подняла бровь. Ну да, я ведь рассказал ей лишь краткую версию моей истории, и об этом, похоже, не упомянул. Я рассказал ей о странном поведении Фудзино.

- Разве не странно? Кэйта Минато в своем рассказе заметил, что ей было словно все равно, что с ней делают. Сначала я решил, что она просто сильная девушка, но я ошибался. Она не очень решительная.

- ...Ты говоришь так, будто знаком с ней, Микия, - заметила Сики, внимательно посмотрев на меня. Инстинкт посоветовал мне проигнорировать ее. ...В противном случае я мог нарваться на неприятности.

- Возможно... Я в этом не сильно разбираюсь, но, думаю, у нее может быть что-то вроде парестезии, или потери чувствительности.

Потеря чувствительности – это, как и следует из названия, расстройство, при котором перестают функционировать органы чувств. Это очень редкое заболевание, оно практически не встречается, но в данном случае может объяснить ее странные симптомы.

- Понимаю. Это кое-что объясняет, но не все. Если у нее потеря чувствительности, она даже при ударе ножом не почувствовала бы никакой боли. Надо узнать, врожденное ли это и повреждена ли ее нервная система. Итак, исходя из допущения, что у нее потеря чувствительности, могло ли что-либо нарушить эту нечувствительность, вроде сильного удара по спине или приема большого количества стероидов?

Сильный удар по спине... точно.

- Насколько я знаю, ее ударили битой по спине, впрочем не знаю как сильно, - сказал я, стараясь выглядеть бесстрастным.

Токо-сан лишь рассмеялась.

- Понятно. Эти, скорее всего, размахнулись по полной. У нее, вероятно, был поврежден позвоночник. Даже небольшая трещина – уже повреждение. А потом ее, не понимающего этого ощущения, еще и изнасиловали. Уу, получается, это была первая боль, которую она почувствовала? Она, наверное, не понимала, что это за раздражение. Даа, просто удивительно, что ты решился защищать Кэйту Минато, - усмехнулась Токо-сан.

Есть у нее такая дурацкая манера – загонять человека словами в угол. Наверное любит устраивать психологические атаки, а под руку обычно я попадаюсь. Обычно я с ней спорю, но на этот раз ответить не мог. ...Не был уверен в собственной правоте. Оставалось лишь отвести взгляд и проигнорировать ее.

- ...Так позвоночник каким-то образом связан с потерей чувствительности, Токо-сан?

- Ну да, спинной мозг ведь управляет нервной системой, так? Когда возникают проблемы с чувствительностью, причина обычно где-то в позвоночнике. Знаешь, что такое сирингомиелия?

...Такой медицинский термин мне, конечно же, не знаком. Я покачал головой, и Токо-сан разочарованно опустила плечи.

- Синдром миелоязы – самый распространенный случай потери чувствительности. Смотри, Кокуто, есть два вида чувств. Есть *поверхностные*, позволяющие чувствовать такие вещи как боль, температуру и прикосновение. А есть *глубокие*, сообщающие о движении и состоянии тела. Обычно оба вида чувств работают одновременно. Понимаешь ли ты, что представляет собой человек, абсолютно лишенный чувств?

- Попробую сформулировать. Он не чувствует того, чего касается, и не знает вкуса того, что ест, так?

- Естественный ответ для того, кто наделен чувствами, - улыбаясь, кивнула Токо-сан. – Ты думаешь, что у него нет чувств, но есть тело, и поэтому он такой же, как ты. Но ты ошибаешься. Тот, у кого нет чувств, не может ничего получить от жизни, Кокуто.

Не может ничего получить... Это как? Он же все равно способен держать вещи и разговаривать с окружающими. Получается, что он лишь не может чувствовать прикосновения. Почему он из-за этого не сможет ничего получить от жизни? Он ведь не тела своего лишен. По-моему, это лучше, чем, скажем, лишиться части тела.

И тут я понял. ...У него нет тела. Даже прикасаясь, он не чувствует прикосновения. Лишь его глаза сообщают ему, что он коснулся чего-то. Все равно что книгу читать. Разве это не то же самое, что читать книгу или выдумывать историю? Даже ходьба для него – всего лишь перемещение тела. Он не чувствует земли, чувствует лишь, что его ноги двигаются. Хотя нет, даже в этом он может убедиться лишь глядя на свои ноги. Не иметь чувств значит не иметь тела. Такой человек ничем не отличается от призрака. Его реальность – лишь то, что видят его глаза. Он будто не может ни до чего дотронуться, хоть на самом деле и может!..

- Вот, значит, что такое потеря чувствительности.

...Той ночью я встретил девушку, слабо ощущающую реальность.

- Именно. Предположим, что в результате удара по спине чувствительность Фудзино Асагами на время вернулась. Тогда она узнала, что такое боль. Чувство, которого она раньше никогда не испытывала, послужило импульсом к убийству.

Если эта девушка узнала, что такое боль, возненавидела ли она это чувство? Нет, для нее такой ход мыслей невозможен. ...Поскольку она существует как призрак, могу лишь представить, как счастлива она была испытать чувство боли. Впрочем, чувство счастья она бы тоже не поняла.

- ...Возможно, что чувствительность временно вернулась, и боль, которую она испытала, позволила ей познать чувство ненависти. Чувство боли, которое она наконец обрела, подтолкнуло ее к мести...

...Какая ирония.

- Вопрос вот в чем. Фудзино сказала, что мстит, потому что болит ее рана, хоть у меня на этот счет сомнения. Точнее, боль вызывает в ее памяти все то, что с ней совершили, и это вызывает в ней желание отомстить. Таково мое предположение, но что-то тут не так. Во-первых, по словам Сики, она уже утратила чувствительность, так? В таком случае у нее не было бы причин для мести. Ее рана не должна болеть, поскольку она зажила.

- Все не так, Токо-сан. Отсутствие чувств должно означать и неспособность к сексуальной стимуляции, поэтому она не могла ничего чувствовать даже когда ее насиловали. С ее точки зрения, насильники лишь ее тело. Но, несмотря на это... нет, именно из-за этого, вместо тела боль приняло ее сердце. Думаю, раны ее не на теле, а в душе. Вот почему вместе с воспоминаниями к ней возвращается боль – болит ее сердце.

Токо-сан не ответила. Вместо нее ответила Сики.

- Невозможно, - засмеялась она. – Души не существует. Как может болеть то, чего нет?

Я не мог найти подходящего ответа. Доказать реальность такого сентиментального понятия, как душа, было, естественно, невозможно. Пока я молча стоял, Токо-сан выразила свое несогласие:

- Но человеческое сердце, человеческую психику легко сломать. Не думаю, что из невозможности получения повреждений следует отсутствие сущности. Были случаи, когда люди умирали из-за душевных травм. Даже иллюзию можно назвать «болью», если для самого человека она реальна.

Ответ вышел неоднозначным, что для нее довольно необычно. Но теперь у меня был союзник.

- Ты что, Токо, тоже теперь на стороне Фудзино Асагами? – разозлилась Сики. – К ней это не относится.

- Да, тут я с тобой согласна. Не думаю, что Фудзино Асагами столь сентиментальна. Мстит ли она из-за боли в сердце? Не думаю. Ведь если чувствительность утрачена, сердце тоже ничего не чувствует.

Она немедленно превратилась из союзника в противника.

- Видишь ли, с медицинской точки зрения индивид – это феномен реакции человека на внешнее воздействие. Эмоции индивида... такие, как «доброта» и «ненависть», не могут зародиться сами, изнутри. Они не будут функционировать, пока их не простимулирует что-то извне. Вот зачем нужны чувства. Без чувств подобное невозможно. У людей с потерей чувствительности отсутствует индивидуальность. Их мышление непохоже на твое, у них нет вкуса, как у нас. Они не понимают здравого

смысла. Вот почему разговаривать с ней бессмысленно, - невозмутимо резюмировала она.

Сказанные с безразличием слова прозвучали как окончательный приговор, и я не выдержал.

- ...Прошу, не говорите так, ведь вы ее даже не видели.

Я вскочил с дивана, не в силах больше сдерживаться.

- Мы ведь исходим из предположения, что Фудзино Асагами с рождения лишена чувствительности. А это еще не факт.

- Это ведь именно ты сказал, что у нее, возможно, потеря чувствительности, - ледяным голосом сказала она.

...Ей абсолютно наплевать на окружающих. Как она может быть так жестока к Фудзино Асагами, она ведь женщина? Или же она так жестока *именно* потому, что женщина?

- Впрочем, у меня тоже есть свои сомнения. Фудзино Асагами может оказаться всего лишь жертвой. Вопрос в том, что произошло первее.

...Что значит «что произошло первее»? Токо-сан погрузилась в размышления и не стала объяснять подробнее.

- А ты что думаешь, Сики? – спросил я, не оборачиваясь.

- То же, что и Токо, - ответила Сики, как я и ожидал. – Но к какому бы выводу ни пришла Токо, я не могу позволить Фудзино Асагами продолжать действовать. Меня тошнит от одной мысли, что она может совершить еще одно убийство.

- Ненавидишь себе подобных, значит? Видно, такие как ты действительно не любят друг друга.

Токо-сан поняла смысл, скрытый в словах Сики. Я знал, почему Сики так сказала. ...Когда же Сики поймет, что ей не убивать нравится? Я уверен, что Фудзино Асагами и Рёги Сики похожи. И именно поэтому они не могут простить друг другу имеющееся между ними важное отличие. Если они встретятся в бою... осознает ли Сики, кто она на самом деле? Нет, нельзя позволить им сразиться.

- ...Хорошо. Я сам займусь поиском сведений о ней. Можно взглянуть на уже имеющуюся информацию, если она у вас есть?

Токо-сан передала мне документы. Сики отвернулась, сказав «делай что хочешь». Судя по документам, Фудзино Асагами до школы жила в Нагано. Там ее фамилия была не Асагами – «малая вершина», а АСАГАМИ – «малый бог». Ее нынешний отец – не

настоящий отец, а значит она осталась с матерью, когда та повторно вышла замуж. Пожалуй отсюда и начну свое расследование.

- Путь мне предстоит неблизкий, и я, возможно, не вернусь ни сегодня, ни завтра. Кстати, Токо-сан, а сверхъестественные способности правда существуют?

- Не веришь словам Кэйты Минато? У Фудзино Асагами явно какая-то разновидность такой способности. Да. Термин «сверхъестественная способность» можно понимать очень широко, и потому он недостаточно точен. Если хочешь об этом разузнать, могу рекомендовать тебя специалисту.

С этими словами Токо-сан записала адрес этого специалиста по сверхъестественному на обороте своей визитки.

- Пойдите, а вы что, не разбираетесь?

- Нет конечно. Магия – это наука. Какое отношение мы имеем к тому, что дано с рождения, или к теории, нарушающей законы? Больше всего меня бесит, что такие способности даются лишь избранным.

Ее это, должно быть, действительно бесило, поскольку она разговаривала так, будто на ней были очки. Взяв ее визитку, я обратился к Сики:

- Сики, я пойду, а ты не делай глупостей.

- Это ты у нас делаешь глупости. Видно, дураков и правда не лечат, - грубо сказала Сики, но затем кивнула, сказав, что постарается.

Я с облегчением покинул офис. Она права, однажды я едва не погиб. Я не говорил Сики, что это она была той, кто чуть меня не убила. Выйдя из комы, она забыла о том происшествии. Пусть лучше и дальше не вспоминает.

Я ей, наверное, никогда об этом не расскажу.

Двадцать четвертое июля. Прошел день с тех пор, как Микия Кокуто отправился за информацией о Фудзино Асагами. Ничего особенного за это время не случилось. Значительных событий, кроме надвигающегося сильного урагана, который должен был пройти с вечера до следующего утра, да гибели в автомобильной аварии семнадцатилетнего подростка, не имевшего прав, не происходило. По крайней мере, огласку они не получали. Сики Рёги отсутствующим взглядом смотрела в окно из кабинета Токо Аодзаки. Летнее небо так необъятно, что один его вид утомляет. Солнце валялось на безоблачном небе. Мысль о том, что это чистое небо к вечеру покроется тучами, казалось просто кошмарным сном.

Бум! Бум!

Грохот отдавался эхом. Рядом с офисом находился завод. Сики стояла у окна, и грохот беспрестанно атаковал ее слух. Она взглянула на разговаривающую по телефону Токо. Токо была в очках.

- Да, точно. Насчет той аварии. ...Ясно, был мертв еще до столкновения. А смерть наступила от удушения? Нет, все правильно. Раз шея деформирована, это удушение. Неважно, с какой силой. А почему отнесли к несчастным случаям? Ах столкновение... Понимаю. В машине был только пострадавший. Ни одному детективу не раскрыть загадку движущейся закрытой комнаты. Нет, это все, что я хотела знать. Огромное вам спасибо. Я ваша должница, сержант Акими.

Голос Токо был очень вежливым и любезным. Тон ее настолько отличался от обычного, что тех, кто становился очевидцем такой перемены, бросало в дрожь. Повесив трубку, Токо поправила очки, глядя сквозь них своим лишенным эмоций взглядом.

- Сики, появилась седьмая жертва. Их уже больше, чем у убийцы двухлетней давности.

Сики отошла от окна, слегка огорченная. Она хотела посмотреть, как темные тучи закроют небо.

- Я же говорила. На этот раз убийство, скорее всего, бессмысленное.

- Похоже на то. Кэйта Минато не знаком с погибшим в аварии Сёити Такаги. Это убийство не имеет никакого отношения к ее мести.

Сики, одетая в белое кимоно, в ярости стиснула зубы. Она накинула красную кожаную куртку.

- Ясно. Тогда больше ждать нельзя. Токо, ты знаешь, где она?

- Нет. Могу предположить несколько мест, где она может скрываться. Если хочешь найти ее, придется обойти их все.

Токо достала из своего стола несколько карточек и бросила поймавшей их быстрым движением Сики.

- ...Это... идентификационные карточки Компании Асагами? Кто такой Сорэн Арая?

Все три карточки были картами доступа для стройплощадок, в работе на которых участвовала Строительная Компания Асагами. Замки были, должно быть, магнитными, так как на каждой карточке была магнитная полоска.

- Этот псевдоним – имя одного моего знакомого. Больше ничего в голову ни пришло. Эти идентификационные карточки были сделаны для меня на это имя. Впрочем, неважно. Фудзино Асагами скорее всего прячется в одном из этих мест. Чтобы избежать неприятностей, покончи с этим до возвращения Кокуто.

Сики посмотрела на Токо. Ее обычно пустой взгляд заострился. В ее глазах был упрек, но Токо молча отвернулась. Сики пришлось признать, что Токо права. Сики не торопилась, вышла своей грациозной походкой. Смотрящая в окно Токо осталась одна.

- Похоже Кокуто, не успел. Что же случится раньше, гроза или *гроза*? Сама по себе Сики может и не выжить, Рёги, - пробормотала маг.

Погода начала меняться сразу после полудня. Голубое небо уже покрылось серыми тучами. Ветер тоже усиливался. Прохожие обменивались фразами о приближающейся грозе.

- Ах...

Я продолжала идти, держась за горящий живот. Я не знала про грозу, вероятно потому, что кое-кого искала и слишком увлеклась. Город был шумным, но людей на улицах становилось все меньше и меньше. Похоже, до наступления ночи не получится. Я решила на сегодня закончить.

Пройдя много часов пешком, я наконец добралась до порта. Небо уже потемнело, хотя было лето и всего семь часов. Гроза может нарушить даже обычное расписание времен года. Перемещая тело, реакция которого со временем начинала все больше запаздывать, я дошла до входа на мост. Это – тот самый мост, на который отец потратил больше всего сил. Большой мост, соединяющий этот порт с портом на другом берегу. Он состоит из четырехполосной дороги с множеством мостков под ним. Подземная часть похожа на торговый центр. Она висит над океаном, но я называю ее «подземной», потому что она под мостом. На верхней части моста была охрана, и туда я попасть не могла, но вход в подземный комплекс был автоматизирован, и с карточкой можно было пройти. Достав одну из взятых из дома карточек, я открыла дверь.

...Внутри было темно. Большая часть внутренней конструкции была завершена, но электричество еще не подвели. Пустой комплекс был похож на станцию, закрывающуюся в конце дня. Множество различных магазинов облепили по бокам коридор, который, казалось, тянулся бесконечно. Я прошла около пятисот метров и оказалась на стоянке. Она еще не была достроена, и вокруг царил беспорядок. Стены были возведены не полностью, и защищающие от дождя пакеты шумели на ветру. ...Было почти восемь часов. Дул сильный ветер. От завывания ветра и шума волн хотелось заткнуть уши. Дождь барабанил по стенам громче, чем пулеметы в кино.

- Дождь...

В тот день тоже шел дождь. Под дождем я отмылась после своего первого убийства. А потом я встретила его. Того, с кем раньше встречалась лишь раз, в средних классах, с кем говорила совсем недолго.

...Да, я помню. Солнце уже заходило. После школьного соревнования ко мне подошел сэмпай из другой школы – он еще не ушел с площадки. Я не могла идти, так как вывихнула лодыжку. Поскольку чувствительность у меня отсутствовала, я на самом деле могла идти, даже если мне и не следовало – неприятных ощущений я от этого не испытывала. Но распухшая лодыжка подсказывала, что, если пойду, будет хуже. Оставалось лишь смотреть на закат, ничего не испытывая. О помощи я тогда никого не попросила. Не хотела просить о помощи. Если бы попросила, все стали бы говорить... «Ты такую боль вытерпела», «Тебе больно?», «Тебе не больно?», «Очень болит?» Я этого не хотела, и потому сидела со спокойным выражением лица. Я всегда ото всех упорно скрывала. От матери, от отца, от учителей, от друзей... никто не заметил. Все должны были думать, что Фудзино – нормальная. И тут кто-то постучал меня по плечу. Я это не почувствовала, а услышала. Оглянувшись, я увидела его. У него был добрый взгляд, а ведь он меня не знал. Думаю, первое впечатление о нем у меня сложилось отрицательное.

- Тебе больно? – спросил он вместо приветствия.

Поразительно. Как он узнал о травме, о которой никто не должен был знать? Я покачала головой. Я из упрямства не стала соглашаться. Он посмотрел на надпись на моей спортивной форме и произнес мое имя. Затем ощупал мою больную лодыжку и сделал кислое лицо. Я знала, что он сейчас скажет что-нибудь неприятное, и закрыла глаза. От людей с нормальными чувствами я не хотела слышать бестактных фраз вроде «больно?» или «очень болит?». Но он сказал совершенно другое:

- Глупенькая. Боль не надо терпеть. Когда больно, надо сказать, Фудзино-тян.

...Вот что сказал мне сэмпай, когда я была в средних классах. Потом сэмпай отвел меня в медпункт, и на этом все закончилось. Все было смутно, как во сне. Думаю, Фудзино Асагами могла бы влюбиться в него тогда. Эта улыбка, с которой он беспокоился о страданиях, которых больше никто не заметил...

Пульсация.

Заболел живот, прерывая мои мечтания. Я не имела права мечтать, на моих руках кровь. Но... может дождь смоет мои грехи. Я захотела подняться на мост. Гроза уже началась. На мосту наверное лило как из ведра. Я почувствовала возбуждение. Я потащила свое тело, теперь испытывающее непрерывную боль, вверх, по выезду со стоянки.

Фудзино Асагами поднималась на мост, чтобы отмокнуть под знакомым летним дождем.

Большой мост превратился в небольшое озеро. Четыре полосы асфальта залиты дождевой водой, доходящей до лодыжек. Неистовый дождь лил под углом, а ветер бушевал, словно пытаясь сбить фонарные столбы. Небо было темным. Виднеющиеся вдаль огни порта недостижимы, как луна от земли. Фудзино Асагами вышла в эту грозу. Черная форма растворялась в ночи. Промокшая под дождем, она шла, выдыхая фиолетовыми губами. Дойдя до фонаря, она встретила Смерть.

- Наконец-то я тебя нашла, Асагами.

В бушующем море дождя стояла Сики Рёги в белом кимоно. Дождь хлестал красную кожаную куртку. Она тоже промокла.

Она похожа на призрака.

Сики с Фудзино стояли под уличным фонарем. Между ними около десяти метров. Фудзино казалось странным, что они могут видеть и слышать друг друга в этом неистовом дожде и бушующем ветре.

- Сики... Рёги.

- Надо было просто идти домой, как я тебе говорила. Ты – чудовище, знающее лишь вкус крови. Ты получаешь удовольствие от убийства.

- ...Не я, а ты. Я не получаю удовольствия от убийства.

Фудзино, по-прежнему тяжело дыша, уставилась на Сики.

Враждебность. Желание убивать.

Фудзино медленно закрыла лицо левой рукой. ...Из-под пальцев сверкнули ее глаза. Словно в ответ, Сики подняла нож правой рукой. Это была их третья встреча. Сики засмеялась, вспомнив поговорку «три – число счастливое». Такая Фудзино Асагами – более чем достойная цель.

- ...Я чувствую. Да, мы похожи. Да... тебя, такую как сейчас, я могу убить.

Эти слова словно разрушили удерживавший их невидимый барьер.

Сики побежала. Скорость ее была невероятна, несмотря на скопившуюся на земле воду и неистовый ветер. Ей требовалось не больше трех секунд, чтобы сократить разделявшие их десять метров до нуля. Этого времени хватало, чтобы сбить хрупкую Фудзино с ног и пронзить ее сердце. Но даже эта скорость не могла сравниться со скоростью взгляда. Для них двоих три секунды – слишком много.

Глаза Фудзино замерцали. Левый глаз закручивает влево. Правый глаз закручивает вправо. Используя голову и левую ногу Сики в качестве точек опоры, она стала скручивать. Сразу же появилось странное ощущение. Почувствовав воздействие невидимой силы, Сики моментально прыгнула в сторону. Но действующая на Сики сила не ослабевала. Сила Фудзино – это не метательное оружие. Можно увернуться от первой атаки, но полностью оторваться, находясь в ее поле зрения, невозможно.

...Проклятье!..

Сики поняла, что Фудзино сильнее, чем ожидалось. И побежала. Побежала вокруг Фудзино, словно чтобы спастись от ее взгляда.

- Думаешь, сможешь уйт... - прошептала Фудзино, но осеклась, пораженная. Сики смогла уйти!

Невероятно, но Сики прыгнула с моста вниз, к океану. Раздался звук бьющегося окна. Какая ловкость... Сики спрыгнула с моста в находящуюся прямо под ним стоянку.

- Какая смешная.

Сики ушла. Но Фудзино видела левую руку Сики до конца. Видела, как изогнулась кожаная куртка Сики. Сики больше не сможет пользоваться левой рукой. Фудзино поняла...

- Я... сильнее.

Живот с каждой секундой болел все сильнее. Терпя боль, Фудзино спустилась вниз. Бой с Сики Рёги нужно было закончить сейчас же.

Стоянка была погружена во тьму. Плохая видимость затрудняла передвижение. Это был словно миниатюрный город. Металлические столбы и груды стройматериалов выстроились как здания. Последовав сюда за Сики, Фудзино уже через несколько минут пожалела, что приняла бой в этом месте. Для ее способности необходимо видеть цель, чтобы установить точку опоры при кручении. Даже если Фудзино знает, что Сики прячется за металлическим столбом, но не видит ее, согнется лишь столб. В то краткое мгновение на мосту Сики поняла силу Фудзино. Поэтому и убежала сюда, где у нее был шанс на победу. ...Фудзино поняла, насколько она уступает в тактике. Но все же... У нее было превосходство в силе. Если она не может видеть, придется просто

уничтожить все, что блокирует обзор. Фудзино нацеливалась на каждый металлический столб, который мог ей помешать, и сгибала его. С каждым согнутым столбом боль в животе усиливалась, а стоянка сотрясалась все сильнее.

- А ты и правда смешная, - раздался эхом голос Сики в темноте.

Фудзино повернулась в сторону голоса. Груда материалов, за которой скрывалась Сики, немедленно разрушилась. В этот момент... белая фигура выскочила из обломков.

- ...Есть!!!

Глаза Фудзино захватили Сики. Девушка в белом кимоно и красной кожаной куртке бежала к Фудзино, вытянув левую руку.

Немного поколебавшись, Фудзино *согнула*. Левая рука Сики с треском сломалась. Теперь шея; но когда Фудзино перевела взгляд... Сики уже была на расстоянии удара. Траектория ножа сверкнула, словно полоса света. Четкий взмах рассек темноту, оставляя сияющий след. Но нож, ударивший без промедления, не достиг Фудзино. Она избежала его, уклонившись от нацеленного в шею удара... Нет, это была простая случайность. Фудзино Асагами просто отвернулась, испугавшись бегущей на нее со сломанной рукой Сики.

- Черт...

Сики снова подняла нож. Фудзино в панике направила взгляд на Сики.

- ...Прочь!.. – крикнула Фудзино, но Сики пришла в движение еще раньше. Она без колебаний унеслась в темноту. Удивляться следовало не ее ловкости, а быстроте, с которой она приняла решение о бегстве.

- ...Что за человек... - прошептала Фудзино.

Она тяжело дышала, но не из-за боли в животе. Фудзино внимательно вглядывалась в окружающую ее темноту. Невозможно было предугадать, когда оттуда снова вынырнет Сики. Фудзино ощупала шею. От последней атаки на ней осталась небольшая царапина. Бескровная рана около четырех миллиметров. ...Крови не было, но дыхание было тяжелым.

- Почему ее даже сломанная рука не останавливает?.. – спросила Фудзино вслух, не в силах подавить страх. Она не могла забыть тот момент. Тот взгляд Сики, продолжающей атаку со сломанной рукой. Сики было весело. Она наслаждалась ситуацией, в которой даже ту, на чьей стороне было преимущество, переполняло напряжение. Может быть... Сики Рёги сломанная рука доставила не боль, а радость. До сих пор Фудзино не получала удовольствия от убийства. Она не хочет убивать. А Сики – наоборот. Ей, наверное, нравится убивать. Чем опаснее ситуация, тем она счастливее. Фудзино задумалась... Если Сики Рёги лишена самого чувства жизни, что она

использует в качестве замены этому чувству? Фудзино использует убийство. Когда она видит, как умирают другие люди, она испытывает это неопишное чувство... Узнав, что такое боль, Фудзино обрела возможность сочувствовать боли других. Тот факт, что другие находятся в ее власти, позволяет ей почувствовать, что она действительно существует. В качестве замены Фудзино использует «безжалостное убийство». Сама того не зная, Фудзино наслаждается убийством. Какая же в таком случае замена у Сики Рёги?..

- Плохо вышло, - прошептала Сики вслух, прячась за кучей строительного мусора. Рука перестала ее слушаться, когда ее скрутило на мосту. Так как она стала бесполезна, Сики решила воспользоваться ею как щитом, полагаясь на один решающий удар, но план провалился, поскольку Фудзино оказалась трусливее, чем ожидала Сики. Сики сняла куртку, отрезала рукав и обмотала вокруг левого плеча, чтобы остановить кровотечение. Топорная работа. Скрученная рука ничего не чувствовала. Она, вероятно, никогда больше не будет двигаться. От этой мысли Сики почувствовала холодок.

- Ты великолепна, Асагами. Ты – лучшая!..

Она теряла много крови. Сознание начало ускользать.

...У меня все равно кровь горячая. Небольшая кровопотеря лишь прочистит мне мозги...

Сики сосредоточилась. Фудзино Асагами – сильный противник, возможно лучший из всех, что ей когда-либо встретятся. Одна ошибка может стоить ей жизни. Это приятно, это позволяет Сики почувствовать себя живой. Для Сики, обычно связанной своим прошлым, реален лишь этот момент. Это ощущение, которое она может испытать, лишь подвергая свою жизнь опасности. Эта маленькая жизнь, которую она имеет право считать своей. Убить или быть убитой. Поскольку ее обычная жизнь расплывчата, Сики способна ощутить жизнь лишь с помощью таких примитивных методов. Если Фудзино Асагами ищет наслаждения в смерти других... Сики Рёги ищет чувство жизни в близости к смерти. Фудзино этого боится... а Сики этого желает. В этом разница между охотником и добычей. Теперь различие между ними прояснилось.

...Дыхание Фудзино эхом отдавалось в воздухе. ...Резкое, глубокое, тяжелое, словно от страха...

Она дышала тяжело, как Сики, хоть и не была пока ранена. Они дышали в унисон в темноте. Совпадают ли биения их сердец, их мысли и даже их жизни? Гроза раскачивала мост как колыбель. Сики впервые почувствовала, что Фудзино ей близка. Так близка, что она просто обязана забрать жизнь Фудзино своими руками.

- Впрочем, я знаю, что это бесполезно... - прошептала Сики.

Она знала с тех пор, как увидела ее в кафе. Знала, что внутри Фудзино Асагами находится на грани разрушения. Добывать Фудзино теперь было бесполезно. Но такова жизнь. Сики считала, что в бесполезных действиях тоже должен быть какой-то смысл. Она вспомнила слова Токо, что люди – существа, которым свойственны бесполезные поступки. Теперь Сики ее понимала. Прямо как этот мост. Люди осуждают одну бесполезную вещь как глупость и восхваляют другую как искусство. Где проходит граница? Четких границ нет. Их устанавливает сам человек, но определяют всегда внешние обстоятельства. Тогда получается, что границ нет вообще. Мир полон пустых границ. Вот почему в обществе нет стен, отделяющих нормальное от ненормального.

...Стены возводим мы сами. Как я, желающая отгородиться от этого мира. Как Микия, не считающий меня ненормальной. ...Как Фудзино Асагами, ищущая спасения в убийствах...

В этом Сики и Фудзино похожи. Это у них общее. И здесь было слишком тесно для них двоих.

- Начнем. Теперь я вижу секрет твоего фокуса.

Сики потрясла головой, чтобы сбросить эффект кровопотери, и поднялась. Правой рукой она крепко сжала нож. Раз Фудзино отказывается сама проводить границу... придется ее просто уничтожить.

Сики медленно вышла. Фудзино не верила своим глазам. Сики появилась прямо перед ней, и притом на большом расстоянии. Фудзино не замечала, что ее температура уже превышала тридцать девять градусов. Она не понимала, симптомом чего была боль в ее животе.

- ...Ясно. ...Ты, наверное, ненормальная.

Для Фудзино это было единственное возможное объяснение. Она посмотрела на Сики и *согнула*. Ее взгляд искажился. Точки опоры, установленные на голове и ноге Сики, повернулись в противоположных направлениях, скручивая тело Сики как тряпку.

...Должны были скрутить.

Сики, с истекающей кровью левой рукой, нейтрализовала «искажение» Фудзино простым взмахом ножа в правой руке. Нет... она его убила.

- Трудно увидеть то, у чего нет формы, но ты слишком часто использовала свою силу. И я наконец-то смогла ее увидеть. Твоя сила – красно-зеленая спираль. Она действительно... прекрасна.

Фудзино не понимала, что говорила Сики. Она понимала лишь, что теперь Сики ее точно убьет.

- Согнись, согнись, согнись, согнись, - взмолилась Фудзино.

В ответ на взгляд Фудзино Сики взмахнула ножом, уничтожая силу. Боль в животе Фудзино становилась нестерпимой.

- Кто... ты такая? – с ужасом спросила Фудзино.

- У всего существующего есть изъяны. Особенно много их у людей, но есть они и у воздуха, и у мысли, и у времени. У чего есть начало, есть и конец, таков естественный порядок. Мои глаза видят смерть вещей. Они особенные, как и твои.

Сики смотрела на Фудзино зловещими глазами, взгляд которых Фудзино уже испытывала.

- Вот почему... я могу убить даже Бога, если он существует.

Сики побежала. Ее бег был грациозен, словно шаг. Она сблизилась с Фудзино и сбила ее с ног. Сики села на нее. В горле у Фудзино пересохло от вида Смерти в такой близости.

- Ты... убьешь меня?

Сики не ответила.

- За что меня убивать? Я убивала лишь потому, что болела рана.

- Ложь, - засмеялась Сики. – Почему же ты тогда смеешься? В тот раз, и даже сейчас. Почему выглядишь такой счастливой?

Фудзино замешкалась. Она медленно поднесла руку ко рту.

...Он был изогнут.

Она не знала, потому что ничего не чувствовала, но она явно улыбалась...

Мое первое убийство. ...Как выглядело мое лицо в луже крови?

Мое второе убийство. ... Как выглядело мое лицо в луже крови?

Она не знала, почему каждый раз ощущала раздражение. Раздражение присутствовало каждый раз, когда она убивала. Этой эмоцией была... радость? Она ничего не чувствовала даже когда ее насиловали, и потому стала получать наслаждение от убийства?..

- Все-таки тебе это доставляло удовольствие. Тебе нравится причинять боль другим. Вот почему боль никогда не пройдет.

Если бы боль прошла, у Фудзино не было бы причины убивать. Рана продолжит болеть, ради самой Фудзино.

- ...Это и есть... ответ? - прошептала Фудзино.

Она не хотела принимать его. Не хотела думать об этом. Она должна быть не такой, как Сики...

- Я же говорила, мы с тобой похожи.

Нож Сики пришел в движение. Фудзино закричала во всю силу своих легких... Чтобы все *согнулось*.

Стоянка вздрогнула. В сознании Фудзино появился океан с бушующей над ним грозой. Чувствуя жжение в мозгу, Фудзино установила точки опора по сторонам моста...

...И *согнула*...

Раздался рев, нарастающий, словно раскат грома. Металлические опоры закричали и затрещали. Пол накренился, и потолок начал рушиться. Фудзино безучастно смотрела на собирающуюся рухнуть конструкцию. Сидевшую на ней девушку отбросило, когда мир внезапно наклонился. Снаружи гроза, внизу океан. Если она упадет и не схватится за что-нибудь, то точно погибнет. Тяжело было даже дышать, но Фудзино заставила свое тело слушаться, сказала ему, что сейчас все рухнет, что надо уходить отсюда. Она заставила свое почти полностью обессиленное тело добраться до выхода со стоянки. Торговый комплекс был относительно невредим, но квадратный коридор стал ромбовидным.

Фудзино шла, или, по крайней мере, думала, что шла... потом упала. Она не могла дышать. Ноги не двигались. В голове был туман, мешающий соображать. Оставалась лишь... да, лишь сильная боль внутри. Впервые в жизни Фудзино подумала, что умрет. Было очень больно. Невыносимо. Лучше уж умереть, чем жить с такой болью.

Лежа на животе, Фудзино кашляла кровью. Она лежала на полу, все было как в тумане. Собственная кровь - единственное, что она видела на фоне белизны. Красная кровь... все вокруг в красном. Заходящее солнце словно охвачено пламенем... словно оно вечно охвачено пламенем...

- Нет... Я не... хочу умирать.

Фудзино протянула руки. Раз ноги не двигаются, придется пользоваться руками. Подтягиваясь, она ползла вперед. Иначе Смерть придет за ней. Фудзино продолжала двигаться. Она чувствовала лишь боль. Больно, больно, больно... ее разум знал лишь это слово. Она наконец обрела чувство боли, и теперь его ненавидела. Но... оно настоящее. Ей было больно... очень больно, и она продолжала желать. Она не хотела умирать. Не хотела исчезнуть. Она должна жить дальше и что-нибудь сделать. Потому что она ничего не сделала и ничего после себя не оставила...

Как жалко. Как пусто. ...Как грустно.

Но ей больно. Так больно, что воля к жизни может онеметь и исчезнуть. Больно, больно, больно, больно. Больно, но... ..Фудзино двигала руками, продолжая кашлять кровью. Она повторяла одни и те же слова. Впервые в жизни Фудзино испытывала сильное желание. ...Хочу и дальше жить. ...Хочу и дальше разговаривать. ...Хочу и дальше любить. ...Хочу и дальше быть здесь...

Но она больше не двигалась. Оставалась лишь боль. Такова истинная сущность того, что нравилось Фудзино. Больнее всего ей было от осознания открывшейся истины. Теперь она поняла, какие грехи совершила, какова тяжесть пролитой ею крови. Тяжесть столь велика, что она даже не в силах раскаяться. Она вспомнила добрую улыбку. Если бы он был здесь... обнял бы он ее, после всего, что произошло? Судороги пробежали по ее телу. Подкатившая к горлу кровь подсказывала, что сейчас наступит последний приступ боли. От боли она лишилась зрения. Теперь она видела лишь то, что осталось в ней самой. Нет, даже это видение угасало... Не в силах вынести одиночества угасания, Фудзино заговорила вслух. Сказала то, что так хотела сказать и так упорно скрывала. ...Простое желание, о котором она мечтала с детства.

- ...Больно. Больно, сэмпай. Очень больно... Так больно... Хочется плакать... Мама, можно я поплачу?

...Вот что она хотела сказать кому-нибудь. ...Если бы она могла сказать так в тот день, три дня назад...

Она заплакала. Ей было больно, грустно и так одиноко, что она могла лишь плакать. Но одно это облегчило боль. Он говорил ей, что боль не надо терпеть, на нее надо пожаловаться тем, кто тебя любит. Фудзино была рада, что встретила его... очень рада, что успела снова увидеть его...

- Тебе больно?

По другую сторону боли стояла Сики. В руке у нее был нож. Фудзино перевернулась, чтобы увидеть Сики.

- Если тебе было больно, так и сказала бы, - сказала Сики напоследок.

...Такие же слова, как и те, что помнила Фудзино. Конечно, подумала она. Если бы она смогла просто сказать это, она, возможно, и не пошла бы по этому пути. Нормальная жизнь пронеслась перед ее взором, но было уже поздно. Она не могла ничего исправить. Она совершила слишком много грехов. Убила слишком много людей. ...Убила слишком много людей ради собственного счастья.

Фудзино Асагами медленно остановила собственное дыхание. Боль стремительно исчезла. Все произошло мгновенно.

Она не почувствовала боли от пронзившего грудь ножа.

Остаточная боль - 5

Я вернулся в офис, когда гроза уже бушевала над городом. Я вошел, мокрый от дождя, и Токо-сан, увидев меня, выронила сигарету.

- Быстро ты. Всего день прошел.

- Я услышал, что приближается ураган, и вернулся, пока не перестал ходить транспорт.

Токо-сан кивнула с озабоченным видом. Мне показалось, что что-то не так... Нет, не сейчас...

- Токо-сан, насчет Фудзино Асагами. Ее отсутствие чувствительности – не врожденное. До шести лет она была нормальной.

- Что? Быть того не может. Сам подумай, ведь даже если она лишена чувствительности, на ее физическую деятельность это не влияет. Если бы она, как ты говоришь, потеряла чувствительность после рождения, причиной этому была бы полость в позвоночнике; но это вызвало бы проблемы с физической деятельностью. Редкий случай, когда отсутствует лишь чувствительность, возможен лишь если она отсутствовала с самого рождения.

- Да, так и ее личный врач сказал.

Я хотел рассказать ей о произошедшем в Нагано по порядку, но времени не было. Я стал вкратце рассказывать о семье Асагами... нет, о семье АСАГАМИ:

- АСАГАМИ были уважаемой семьей, но разорились, когда Фудзино было около двенадцати лет. Фудзино с матерью вошли в семью, известную сейчас как Асагами. Семья Асагами, которая, по-видимому, является ответвлением семьи АСАГАМИ, взяла на себя долги последних, чтобы заполучить землю. В детстве у Фудзино была чувствительность, но была также и необычная способность. Говорят, она могла сгибать предметы, не касаясь их.

- ...И?

- Ее ненавидели, считали исчадием ада. Над ней издевались. Но, когда ей исполнилось шесть лет, способность исчезла, как и чувствительность.

Выражение лица Токо-сан поменялось. Судя по ее улыбке, она была взволнована.

- После этого ей назначили личного врача, но в доме АСАГАМИ таких сведений нет. Там теперь пусто.

- И это все? Ты на этом остановился?!

- Конечно нет. Я отыскал личного врача и поговорил с ним.

- ...Грамотно работаешь, Кокуто.

- Да, отследил по документам и поехал в Акиту. Он нелегальный врач, без лицензии, так что у меня целый день ушел на вытягивание из него информации.

- ...Поразительно. Если уйдешь с этой работы, надо тебе стать детективом. Я бы даже наняла тебя в качестве личного детектива.

Ответив, что подумаю, я продолжил рассказ:

- Похоже, врач только передавал лекарство. Он сказал, что не знает, почему Фудзино потеряла чувствительность. Сказал, что это – дело рук исключительно ее отца.

- Дело рук отца? Ты имеешь в виду, что он лечил ее, или что давал ей лекарство?

Я кивнул, понимая небольшую разницу в формулировках.

- Лекарство давал, конечно. По словам врача, отец Фудзино и не собирался лечить чувствительность Фудзино. Большую часть лекарств, которые передавал врач, составляли аспирин, индометацин и стероиды. Он сказал что у Фудзино, судя по результатам осмотра, оптикомиелит.

- Оптикомиелит... Болезнь Девика, то есть?

Болезнь Девика. Разновидность миелита, болезнь, вызывающая онемение органов чувств. Обычные симптомы – онемение в голених и ухудшение зрения. Имеется даже опасность ослепления. Болезнь требует лечения стероидами на ранней стадии. Стероиды, которые Токо-сан раньше упоминала... называются адренокортикостероидами.

- К тому же был использован индометацин, притупляющий боль. Понятно. Так и был получен нужный эффект. Ее болезнь не врожденная и не приобретенная. Потеря чувствительности Фудзино Асагами была вызвана искусственно. Полная противоположность Сики! – засмеялась Токо-сан. Выглядела она немного пугающе, прямо как профессор, с которым я вчера виделся.

- Токо-сан, что такое индометацин?

- Болеутоляющее. Боль, как периферийная, так и внутренняя, является реакцией на внешние силы, представляющие возможную угрозу жизни. Организм производит болевую субстанцию, стимулирующую болевые нервы. Так боль передается в мозг. В мозг идет сообщение, что, если ничего не сделать, тело погибнет. Ты ведь знаешь, что такое болевая субстанция? В нее входят кинины и амины, а также усиливающие их метаболиты арахидоновой кислоты. Такие лекарства, как аспирин и индометацин, ингибируют синтез простагландинов из арахидона. Боль от кининов и аминов невелика, поэтому прием большого количества индометацина снимает основную часть боли.

Токо-сан была, по-видимому, очень обрадована, поскольку выглядела довольно возбужденной.

Честно говоря, все эти арахидоны-кининдоны казались мне именами чудовищ.

- Так это лекарство убирает боль?

- Не напрямую. Чтобы убрать боль, больше подойдут лекарства, именуемые опиоидами. Дело ведь в эндорфине, так? Это вещество, выделяемое мозгом для облегчения боли. С его помощью опиоиды и убивают боль в центральной нервной системе. ... Впрочем, это, пожалуй, к делу отношения не имеет. Понятно. Отец Фудзино Асагами решил запечатать ее силу, запечатав ее чувства. Эта семья – полная противоположность Рёги, так старающихся воспроизвести обладателей силы. Самое печальное, что ее сила от этого возросла. Волхвы из Египта и его окрестностей зашивали глаза, чтобы не выпустить ману. Чем Фудзино Асагами от них отличается?

... Сказанное Токо-сан, хоть и не было сюрпризом, меня все же шокировало. Мне уже было известно, что в семье Асагами рождаются дети с особыми способностями, как у Фудзино Асагами... рождаются с другими каналами. Этих детей презирали, их силу старались запечатать любыми средствами. В результате... потеря чувствительности. Для того, чтобы отключить канал «особых способностей», отсекались также и функции органов чувств. Вот почему Фудзино Асагами овладевает своей способностью, когда к ней возвращается боль... потому что возвращаются запечатанные чувства.

- Ужасно. Для нее единственный способ остаться нормальной – быть ненормальной.

Верно. Фудзино Асагами может жить в нашем мире лишь благодаря ненормальности в виде потери чувствительности. Но раз она ничего не чувствует, она и от жизни ничего получить не может. Она лишь призрак, получивший возможность пожить в нашем мире.

- Если бы она не чувствовала боли, она бы никого не убила.

- Погоди, не стоит говорить, что боль – это плохо. Боль – это хорошо. Не путай боль с раной, вот рана – это уже плохо. Боль необходима, какой бы сильной она не была. Люди распознают опасность, потому что у них есть боль. Отдергиваешь ли ты руку лишь потому, что огонь касается ее? Нет. Ты отдергиваешь ее потому, что ее жжет, и становится больно. Без этого ты не узнаешь опасности огня, пока не рука не сгорит. Боль и должна быть болезненной, Кокуто. Тот, кто этого лишен, не способен понять чужой боли. Фудзино Асагами ударили по спине, и чувствительность к ней на время вернулась. После этого она впервые стала защищаться от причиняемой боли. Благодаря боли она смогла увидеть опасность в людях, которых раньше опасными не считала. ... Впрочем, убивать их не следовало.

...Но Фудзино не знала боли. Она убила их, защищаясь, но, поскольку они на нее напали, ответственность частично лежала и на них. Нельзя всю вину перекладывать на нее.

- Токо-сан, ее можно вылечить?

- Нет раны, которую нельзя вылечить. Рану, которую вылечить нельзя, называют смертельной.

Токо-сан подразумевала, что рана Фудзино Асагами смертельна. Но ведь причиной всего случившегося стала ножевая рана в ее животе. Если боль возникает повторно, если известна причина боли...

- Кокуто, ее рану нельзя вылечить. Она лишь продолжит болеть.

- Что?

- Раны вообще не было, Кокуто, - неожиданно произнесла Токо-сан.

- Ээ... что вы имеете в виду?

- Сам подумай. Если тебя ранят в живот, заживет ли рана сама за день или два?

...Верно... но...

Позиция Токо-сан меня запутала, она шла вразрез со всеми предположениями. Токо-сан пыталась сдержать смех.

- Пока ты изучал прошлое Фудзино Асагами, я изучила ее настоящее. Фудзино не обращалась ни в одну больницу с двадцатого числа. Она даже не ходила к личному врачу, которого тайно посещает.

- Личному... Что?!

Токо-сан изумленно вскинула брови.

- ...Ты хорошо умеешь искать, но тебе не хватает пронизательности. Подумай, самое страшное для человека, лишенного чувствительности – проблемы со здоровьем. Раз он не чувствует боли, он не способен узнать, что заболел. И потому ему время от времени нужен врачебный осмотр.

Понятно. Она была совершенно права. А значит... нынешние родители Фудзино Асагами не знают, что она лишена чувствительности?

- Все началось с банального недоразумения, Кокуто. Парень с ножом повалил Фудзино, и она подумала, что ее зарежут. Нет, готова поспорить, он ее почти зарезал. Раз в этот момент к ней вернулась чувствительность, она смогла воспользоваться своей способностью. Нож против сгиба... Фудзино оказалась быстрее. В результате парню

скрутило шею, и ее кровь залила Фудзино. Фудзино, должно быть, подумала, что ее ранили в живот.

Я отчетливо представил картину...

- Не сходится, - покачал головой я. – Если бы к ней вернулась чувствительность, она не совершила бы такой ошибки. Не почувствовала бы боли, раз не было удара.

- Боль была в ней с самого начала.

...Что?

- Врач показал мне ее диагноз. У нее хронический тифлит, его еще часто путают с аппендицитом. Думаю, поэтому она и обратилась к нему. Боль в ее животе – не от ножа, она внутренняя. Боль возникала время от времени. Если чувствительность вернулась к ней прямо перед ударом, она точно подумала, что ее ранили. Тот, кто вырос, не зная боли, не станет даже проверять наличие раны. Даже если Фудзино посмотрела на живот и не обнаружила там раны, она решила, что рана зажила.

- Так это... недоразумение? – промямлил я.

- Сама рана – да. Но это ничего не меняет. Она действительно была на волоске. Неважно, вошел нож или нет. Единственным выходом для нее было убить их. Если бы не убила она, убили бы ее. Важен сам факт угрозы. Но, к сожалению, Кэйта Минато сумел спастись. Думаю, если бы ее месть завершилась тогда, до такого бы не дошло... Прямо как сказала Сики. Слишком поздно.

А ведь Сики действительно так говорила. Почему слишком поздно? Потому что Фудзино совершила убийство? Но тех четверых она тоже убила. Я не понимал.

- Почему слишком поздно?

- Сики, наверное, имела в виду ее психическое состояние. Ее месть распространяется на пять человек. Убийства других – это не месть, а бойня. Они не оправданы. Это и разозлило Сики. ...У Сики есть склонность к убийству, но подсознательно она осознает значимость смерти. Вот почему она не убивает без разбору, как Фудзино Асагами. Сики не может простить Фудзино ее произвола.

Разве то, что делает Фудзино Асагами – произвол? По-моему, больше похоже на отчаянную попытку спастись.

- Но я-то имела в виду ее физическое состояние, - продолжила Токо-сан. - Без лечения тифлит приводит к перфорации и развитию перитонита. Воспаление брюшины сопровождается болью, несравнимой с болью червеобразного отростка. Можно сказать, что по силе это как боль от удара ножом. Затем повышается температура и появляется цианоз. Может даже случиться шок от пониженного кровяного давления. Если воспаление достигнет двенадцатиперстной кишки, смерть может наступить через

полдня. С двадцатого числа прошло пять дней. Перфорация уже, наверное, произошла. Жаль, но ее уже не спасти.

Как она может так спокойно об этом говорить?

- Еще не поздно. Надо скорее ее найти!..

- Кокуто, наш клиент – отец Фудзино Асагами. Он, наверное, знал о способности Фудзино. Вот почему, услышав о произошедшем, он сообразил, что это скорее всего ее рук дело. Отец сказал «убить это чудовище». Единственный, кто может ее защитить, желает ей смерти. Видишь, Кокуто, ей нет спасения ни в каком смысле. К тому же, Сики уже ушла.

- Это же... глупо!!! – вскричал я.

Остаточная боль - 6

Широкий мост был погнут, словно смятый гигантской рукой. Мы приехали сюда в грозу в багги Токо-сан, и, пока я препирался с охранником, из-под моста показалась Сики с окровавленной рукой. Охранник подбежал к Сики, но она отшвырнула его, оглушив.

- Здорово. Я почему-то подумала, что ты придешь, - сказала Сики с бледным лицом.

Я многое хотел сказать, но, увидев, как она слаба, лишился дара речи. Я подбежал помочь, но Сики отказалась даже опереться на меня.

- Ты что, одной рукой чтоли справишься, Сики?

Токо-сан выглядела удивленной. Сики недовольно взглянула на нее.

- Токо, у нее под конец появилось ясновидение. Она станет невероятно сильна, если ничего не сделать.

- Ясновидение, значит? Да уж, в сочетании с ее способностью это сделает ее неуязвимой. Она сможет установить точку опоры, даже если ты спрячешься... Что? Если ничего не сделать?..

- В последний момент она снова лишилась чувствительности. Так нечестно. В таком состоянии Фудзино Асагами не может быть моей целью. Ничего другого не оставалось, и я просто убила болезнь в ее животе. Если поторопитесь, она, возможно, выживет.

Сики не убила Фудзино Асагами. Поняв это, я быстро позвонил в больницу. Я не знал, согласятся ли они приехать в такую грозу, но в случае отказа готов был сам ее отнести. К счастью, врач согласился приехать. Он волновался, когда исчезла Фудзино, и, по-моему, плакал во время разговора. На стороне Фудзино еще были люди, пусть и немногие. Это меня растрогало. За моей спиной двое вели нехороший разговор.

- Ты остановила кровотечение? Вроде крови больше нет.

- Угу, рука стала бесполезной, и я ее убила. Ты ведь сможешь сделать руку, да? Ты же все-таки мастер по куклам.

- Хорошо. Будет платой за твою работу. Мне всегда казалось, что твое тело слишком нормальное для таких глаз. Могу сделать так, чтобы эта рука была способна хватать духов, например.

...Мне не хотелось, чтобы они вели такие разговоры.

- Скорая сейчас приедет. Остаться здесь не стоит, наверное, лучше уехать?

Токо-сан кивнула, но Сики промолчала. Наверное, хотела удостовериться, что Фудзино Асагами заберут.

- Раз я звонил, я и останусь. Можете идти, я потом все расскажу.

- В такой дождь? Странный ты. Ладно, пошли, Сики.

Сики отказалась. Токо-сан многозначительно ухмыльнулась и села в свой багги-внедорожник совершенно нелегального вида.

- Сики. Не убивай Кокуто только потому, что не смогла убить Фудзино Асагами, - сказала серьезным тоном Токо-сан и уехала.

Мы с Сики укрылись от дождя на ближайшем складе.

Почти сразу приехала скорая и забрала Фудзино Асагами. Из-за грозы я не разглядел ее лица. Я не мог убедиться, что она – та девушка, которую я встретил той ночью, но может это и к лучшему. Мокрая от дождя Сики продолжала безучастно смотреть в темноту. Все это время она смотрела на Фудзино.

- Сики, ты все еще не можешь простить Фудзино Асагами, - поинтересовался я под шум дождя.

- ...Мне нет дела до той, которую я уже убила, - заявила Сики.

В ее голосе не было ни намека на ненависть. Для Сики Фудзино, наверное, стала совершенно незнакомым человеком. ...Печально, но для них так может и лучше. Сики перевела взгляд на меня.

- А ты сам? Ты говорил, что убивать плохо, независимо от причины.

Она, казалось, хотела что-то для себя выяснить.

- ...Верно, но мне ее жаль. Если честно, тот факт, что Фудзино убила насильствовавших ее парней, меня не очень расстраивает.

- Неожиданно. А я уж рассчитывала на твою популярную точку зрения.

...Хочешь быть обвиненной, Сики? Ты никого не убила. Закрыв глаза, я слушал шум дождя.

- Правда? Но такова моя точка зрения. Дело в том, Сики, что Фудзино Асагами – нормальная девушка, просто она запуталась. Она осознает содеянное, не искажая фактов в удобную для себя сторону. Даже если она сдастся полиции, никто не сможет доказать ее вины, и она не понесет ответственности перед обществом за свои грехи. От этого ей будет еще тяжелее.

- Почему?

- ...Думаю, грехи – это то, что люди берут на себя по собственной воле. Груз, тяжесть которого определяют личные взгляды – вот что такое грех. Чем больше у тебя сострадания, тем тяжелее груз твоего греха. Чем больше у тебя здравого смысла, тем тяжелее груз твоего греха. Чем счастливее станет Фудзино Асагами, тем больше на нее будет давить тяжесть ее грехов.

Сики сообщила, что я слишком добрый.

- Значит ли это, что тем, кто не знает сострадания, неведом грех?

- Не думаю, что такие бывают. Им просто легче нести свои грехи, но они все равно есть. Грех невелик, но и шкала сострадания небольшая. То, что для нас является мелочью, все равно что по дороге споткнуться, для них становится бременем. Даже то, что доставляет нам лишь небольшую боль, вызовет неприятные чувства у людей с нехваткой сострадания. Тяжесть греха может быть разной, но значимость одна.

...Да. Кэйта Минато, например, был, наверное, напуган до безумия, когда осознал свои грехи. Он не сможет искупить их раскаянием, чувством вины или страха; он может лишь *пытаться* искупить их.

- Легче, разумеется, не нести ответственности за свои грехи перед обществом. Но если никто за грехи не накажет, придется нести их груз самому. Совесть ведь никуда не исчезнет, так? Останутся воспоминания. Раз тебя никто не простил, ты и сам себя простить не сможешь. Рана в сердце никогда не заживет и продолжит болеть. Как ее остаточная боль. Ты сама говорила, души не существует в физическом мире... поэтому я не думаю, что рану в ней можно вылечить.

Сики молча слушала. Я был необычайно поэтичен, возможно из-за изучения прошлого Фудзино. Внезапно Сики покинула укрытие склада и вышла под дождь.

- По твоим словам получается, что чем больше здравого смысла, тем сильнее чувство греха, и поэтому плохих людей в этом мире нет. А вот у меня он отсутствует. Можешь ты позволить такому человеку оставаться на свободе? – спросила она, и была права. Сики нельзя назвать хорошей или плохой, ей просто не хватает здравого смысла.

- Понятно. Видно, ничего не поделаешь. Придется мне самому нести все твои грехи, - искренне сказал я.

Сики стояла с растерянным видом - слова мои, похоже, застали ее врасплох. Некоторое время она молча стояла под дождем, а потом недовольно пробормотала:

- ...Я наконец вспомнила... Такие шутки ты рассказываешь с серьезным лицом. Честно говоря, Сики это с трудом терпела.

...Я вздохнул.

- Ясно. Думаю, что смогу вынести грехи одной девушки, знаешь ли, - робко возразил я, и Сики рассмеялась.

- Признаюсь тебе еще кое в чем. Думаю, сегодняшним поступком я породила еще один грех. Но зато я кое-что выяснила. Какова моя жизнь, и каковы мои желания. Они неясные и хрупкие, но пока что можно следовать и им. Оказалось, что то, чего я хочу, не так ужасно, как я думала. Меня это немножко обрадовало. Немножко... Мое отношение к убийству постепенно склоняется к твоему...

...Мне не понравилось ее последняя фраза, но Сики, улыбающаяся на фоне дождя, была прекрасна. Гроза, наверное, пройдет к утру.

Я продолжал смотреть на стоящую в летнем дожде Сики. Ведь это была первая настоящая улыбка, которую она подарила мне после выхода из комы.

Остаточная боль / Конец